PG 3447
.Z2 V38

1837

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

Zagoskin, Mikhail Nikolaevich

ВЕЧЕРЪ НА ХОПРѢ.

Vecher na Khopre.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Дѣдушка моего пріятеля Заруцкаго, Иванъ Алексѣевичъ Асановъ, – дай Богъ ему царство небесное, – былъ старикъ предобрый. Никогда не забуду я нѣсколькихъ дней, проведенныхъ мною подъ конецъ осени, помнится, въ 1806 году, въ его Саратовской деревушкѣ, на Хопрѣ. Какъ теперь гляжу десятка на два крестьянскихъ избъ, разбросанныхъ по высокому берегу рѣки; на его огромныя кирпичныя палаты, построенныя на диво всему Сердобскому уѣзду, въ два этажа, со сводами, и съ такими толстыми стѣнами, что отъ нихъ, какъ мячикъ, отскочило бы сороко-восьми-фунтовое ядро. Я не былъ еще знакомъ съ Иваномъ Алексѣевичемъ, когда пріѣхалъ по дѣламъ въ Сердобскъ. Имѣя рекомендательное письмо къ городничему, я остановился у него въ домѣ, и тутъ-то въ первый разъ услышалъ о богатомъ помѣщикѣ, отставномъ бригадирѣ, Асановѣ. Не проходило дня, чтобъ, въ Сердобскомъ вышнемъ обществѣ, не толковали о его странностяхъ и причудахъ. Городничій уѣздный судья, стряпчій, – словомъ, всѣ власти и первостатейные сановники города Сердобска, относились о немъ съ весьма дурной стороны: одни говорили, что онъ нелюдимъ и гордецъ; другіе называли его полоумнымъ; были даже добрые люди, которые увѣряли, будто бы онъ никогда не ходитъ къ обѣднѣ, и что въ его домѣ нѣтъ ни одного образа. Правда, капитанъ-исправникъ возставалъ противъ этой

PG3447 Z2 V29 1837

клеветы; но такъ какъ онъ одинъ изо всего Сердобска водилъ хлѣбъ-соль съ Иваномъ Алексѣевичемъ, то никто не давалъ вѣры его словамъ. «Воля твоя, Дмитрій Ивановичъ! говаривалъ ему часто городничій, воля твоя, а это что-нибудь недаромъ. Кто не хочетъ жить съ людьми, у того совѣсть не чиста. Добро бъ онъ былъ человѣкъ скупой? Такъ нѣтъ! посмотри, какъ соритъ деньгами: когда прошлаго года былъ пожаръ въ слободѣ, и открыли подписку на погорѣвшихъ мѣщанъ, такъ онъ одинъ далъ больше, чѣмъ все наше дворянское сословіе. Ну разсудите милостиво, господа, чтó онъ для экономіи, что ль, живетъ въ этой Хоперской деревнѣ, въ которой, чай, нѣтъ господской запашки и двадцати десятинъ во всѣхъ поляхъ? Человѣкъ онъ богатый; за нимъ въ одной Пензенской губерніи слишкомъ тысяча душъ. Вотъ хоть его за-Сурская волость: есть къ чему руки приложить; десятинъ по пятнадцати на душу, – а угодьевъ-то сколько! Поемные луга по Сурѣ, строевой лѣсъ, мельница о восьми поставахъ: подлинно золотое дно! Не захотѣлось жить въ деревнѣ, Пенза подъ бокомъ. Конечно,» – прибавлялъ обыкновенно городничій, поправляя съ важностію свой галстухъ: «у насъ и въ Сердобскѣ общество дворянъ прекрасное; но вѣдь Пенза губернскій городъ, – да еще какой!.... Одна Петровская ярмарка чего стòитъ? Публика отличная, просвѣщенная, благородныя собранія, театръ, воксалы, балы: словомъ, чего хочешь, того просишь. А что всего-то лучше, – Губернаторъ съ Вице-Губернаторомъ живутъ всегда въ ладу, сплетней ни какихъ нѣтъ; барыни межъ собой никогда не ссорятся, и куда ни сунься, вездѣ такъ и рѣжутъ по-Французски. Что и говорить! Пенза городокъ – Москвы уголокъ!»

Хотя сіи блестящія похвалы губернскому городу Пензѣ казались мнѣ всегда нѣсколько преувеличенными, но не смотря на это, я раздѣлялъ сначала безу-

словно мнѣніе городничаго. Въ самомъ дѣлѣ, что за охота богатому человѣку жить затворникомъ въ бѣдной деревушкѣ, верстахъ въ тридцати отъ уѣзднаго города и по крайней мѣрѣ въ двадцати отъ самаго ближайшаго сосѣда, и жить въ какомъ-то заколдованномъ домѣ, — такъ прозвала каменныя палаты Ивана Алексѣевича, сестра городничаго, дѣвица зрѣлыхъ лѣтъ, съ лицемъ уже нѣсколько поблекшимъ, но съ юной душою и сердцемъ отмѣнно романтическимъ. Она одна выписывала изъ Москвы всѣ романы знаменитой Радклифъ, и первая извѣстила Сердобскихъ жителей о существованіи Г-жи Жанлисъ.

— Вы не можете себѣ представить, говорила она мнѣ однажды, какой ужасъ наводитъ на всѣхъ этотъ старый домъ, которому не достаетъ только башень и подъемнаго моста, чтобъ походить совершенно на Удольфскій зàмокъ, или Грасвильское Аббатство. Если бъ вы знали, сколько разсказываютъ о немъ чудныхъ и страшныхъ исторій! Говорятъ, что лѣтъ сто тому назадъ, прежній помѣщикъ держалъ въ немъ разбойничью пристань; что глубокіе погреба подъ этимъ домомъ завалены человѣческими костьми; что по ночамъ происходятъ въ немъ необычайныя явленія, слышенъ громкій стонъ, и хотя капитанъ-исправникъ увѣряетъ, будто-бы это воетъ вѣтеръ по узкимъ корридорамъ и переходамъ, которыхъ понадѣлано въ домѣ великое множество; но онъ говоритъ это потому, что живетъ въ ладу съ Асановымъ. Покойная моя мамушка разсказывала мнѣ преужасную исторію объ этомъ домѣ; странно только, что я почти совсѣмъ ее забыла, а кажется, это не такъ давно: правда, я была тогда еще совершеннымъ ребенкомъ, и, какъ помню, такъ перепугалась, что не могла заснуть всю ночь. Въ этомъ разсказѣ есть разбойники, мертвецы и какой-то ночной поѣздъ. Мамушка божилась мнѣ, что это не сказка, а быль, и что во всемъ здѣшнемъ уѣздѣ нѣтъ ни

одного старика, который не зналъ бы этой повѣсти со всѣми ея подробностями. Говорятъ также, будто-бы отъ времени до времени то же самое, что случилось нѣкогда ночью въ этомъ нечистомъ и заколдованномъ домѣ, повторяется и теперь, а особливо съ тѣхъ поръ, какъ нынѣшній помѣщикъ переѣхалъ въ него жить.

— А развѣ до Ивана Алексѣевича Асанова никто въ немъ не жилъ? спросилъ я сороко-лѣтнюю сестрицу городничаго, которая такъ недавно еще была ребенкомъ.

— Да! никто! Лѣтъ двадцать сряду всѣ двери и окна на-глухо въ немъ были заложены.

— Ну, жаль, что Иванъ Алексѣевичъ не знакомъ со мною! думалъ я очень часто, слушая эти разсказы и толки. Стыдно признаться, а грѣхъ утаить, — я всегда былъ смертельный охотникъ до страшныхъ исторій, и не только вѣрю, но даже и не сомнѣваюсь въ существованіи колдуновъ, привидѣній и мертвецовъ, покидающихъ свои могилы, такъ же какъ и огненныхъ змѣевъ, которые летаютъ къ деревенскимъ вдовушкамъ, и, разсыпаясь надъ кровлями избъ, являются къ нимъ въ видѣ покойниковъ, о коихъ онѣ тоскуютъ. Я скорѣе посомнюсь, что Кіевъ былъ столицею Аскольда и Дира, чѣмъ повѣрю, что въ немъ никогда не живали вѣдьмы; и, признаюсь, піитическій Днѣпръ потерялъ-бы для меня большую часть своей прелести, если бъ я не вѣрилъ, что русалки и до сихъ поръ выходятъ изъ лѣсовъ своихъ поплескаться и поиграть при свѣтѣ луны въ его чистыхъ струяхъ; что онѣ, какъ разсказываетъ одинъ изъ нашихъ поэтовъ:

То, въ восторгѣ юной радости,
Будятъ пѣснями брега,
Иль съ безпечнымъ смѣхомъ младости
Ловятъ мѣсяца рога
На пучинѣ серебристые.
Или плескомъ быстрыхъ рукъ

Брызжутъ радуги огнистыя,
Рѣзвятся въ волнахъ, — и вдругъ
Утопаютъ, погружаются
Въ свой невидимый чертогъ.....

Не могу описать, какое неизъяснимое наслажденіе чувствую я всякой разъ, когда слушаю повѣсть, отъ которой волосы на головѣ моей становятся дыбомъ, сердце замираетъ, и морозъ подираетъ по кожѣ. Пусть себѣ господа Ученые, эти холодные разыскатели истины, эти Ѳомы невѣрные, которые сомнѣваются даже въ томъ, что лѣшіе обходятъ прохожихъ, и что можно однимъ словомъ изурочить человѣка, смѣются надъ моимъ легковѣріемъ, — я не промѣняю на ихъ сухіе математическіе выводы, на ихъ замороженый здравый смыслъ, мои дѣтскія, но игривыя и теплыя, мечты. Одно только меня всегда огорчало: не смотря на Русскую пословицу, что на охотника звѣрь бѣжитъ, во всю жизнь мою не удавалось мнѣ видѣть ничего чудеснаго, и даже всѣ колдуны, съ которыми я встрѣчался, какъ-будто на смѣхъ, были самые обыкновенные обманщики и плуты. Я навѣрное знаю, что многіе, смотря въ два зеркала, поставленныя одно противъ другаго, видятъ и Богъ-вѣсть что; а я смотрѣлъ однажды до тѣхъ поръ, пока мнѣ сдѣлалось дурно и въ глазахъ позеленѣло, а не видѣлъ ничего, кромѣ безконечной перспективы и какого-то туманнаго пятна, которое, какъ открылось послѣ, было не что иное, какъ простое черное пятно на зеркалѣ. Ужъ я ли, кажется, не старался все испытывать! Года два тому назадъ, ходилъ въ Ивановъ день ночью въ лѣсъ, подкараулить, какъ цвѣтетъ папоротникъ; но когда время стало подвигаться къ полуночи, на меня напалъ такой страхъ, что я пустился бѣжать безъ оглядки, и хотя слышалъ позади себя необычайный шумъ и свистъ, не могу однако сказать навѣрное, нечистая ли сила это проказила, или просто гудѣлъ вѣтеръ по лѣсу.

Въ другой разъ, когда я жилъ еще въ степной моей деревнѣ, я рѣшился однажды итти въ полночь на кладбище. Авось, думалъ я, хоть одинъ мертвецъ вылѣзетъ изъ своей могилы прогуляться по церковному погосту! И въ самомъ дѣлѣ, когда я подошелъ къ кладбищу, то увидѣлъ между могилъ что-то похожее на мертвеца въ бѣломъ саванѣ. Ахъ, какъ забилось мое сердце отъ страха и удовольствія! какимъ пріятнымъ холодомъ обдало меня съ головы до ногъ! какъ подкосились подо мною колѣни! И теперь вспомнить не могу безъ восторга объ этой ужасной и восхитительной минутѣ. Крестясь и творя молитву, я пустился бѣжать домой, бросился на мою постелю, и всю ночь то бредилъ какъ въ горячкѣ, то дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. И такъ, думалъ я, задыхаясь отъ радости: этотъ безвѣстный міръ существуетъ въ самомъ дѣлѣ; мертвецы бродятъ по ночамъ около могилъ, души усопшихъ посѣщаютъ землю, и все то, что господа педанты называютъ суевѣріемъ, обманомъ, бѣлой горячкою, есть истина. И что жъ, любезные читатели? — какъ вы думаете, чѣмъ все это кончилось? На другой день, я сталъ разсказывать о семъ приключеніи бурмистру моему, Ѳедоту: этотъ негодяй засмѣялся, и сказалъ мнѣ: — «Вы напрасно изволили перепугаться, сударь: вѣдь это шатался по кладбищу староста Тихонъ; онъ боленъ горячкою, и прошлую ночь, выбѣжалъ изъ избы въ то время, какъ всѣ спали.» — Какъ? вскричалъ я: такъ это былъ не мертвецъ? — «И, батюшка, баринъ! отвѣчалъ Ѳедотъ, скривя свою безобразную харю: какіе нынче мертвецы! Вѣдь встарину народъ былъ глупъ: всему вѣрили, а теперь и малаго ребенка не испугаешь этими бабьими сказками.» — Бабьими сказками!!.... Вся кровь моя взволновалась; я затопалъ ногами, закричалъ, и если бъ этотъ вольнодумецъ Ѳедотъ не ушелъ изъ моего кабинета, то непремѣнно вцѣпился бы ему въ бороду. Да и какъ было не взбѣ-

ситься? Подумаешь, – Господи, Боже мой! – добро бы въ Петербургѣ или въ Москвѣ, а то и въ деревняхъ стали умничать!

Послѣ всего сказаннаго мною, читатель можетъ себѣ представить, желалъ ли я познакомиться съ Иваномъ Алексѣевичемъ Асановымъ; но никто, даже самъ капитанъ-исправникъ, не брался привезти меня къ нему въ деревню, и я начиналъ ужъ терять всю надежду, какъ вдругъ однимъ утромъ, проходя базарную площадь, увидѣлъ, что кто-то ѣдетъ въ дорожной коляскѣ. Глядь поближе – старинный мой пріятель и сослуживецъ, Заруцкій. Мы вскрикнули оба въ одинъ голосъ, экипажъ остановился, Заруцкій изъ него выскочилъ, и пошли распросы.

– Куда Богъ несетъ?

– Въ деревню, къ дядѣ. А ты какъ здѣсь?

– По дѣламъ.

– Поѣдемъ вмѣстѣ со мною. Я познакомлю тебя съ дядюшкою, – онъ старикъ предобрый.

– Нѣтъ, милый; не могу. Мнѣ надобно много еще хлопотать по моему дѣлу.

– Поѣдемъ, братецъ! вѣдь это близехонько: верстахъ въ тридцати отсюда, на Хопрѣ.....

– Верстахъ въ тридцати?..... на Хопрѣ?..... а какъ зовутъ твоего дядю?

– Иваномъ Алексѣевичемъ.....

– Асановымъ?

– Да.

– О, если такъ..... ѣдемъ, мой другъ!

– Ты знакомъ съ нимъ?.....

– Нѣтъ; но я такъ много о немъ наслышался..... Подожди! Я сейчасъ заверну домой, возьму съ собой узелокъ, прибѣгу назадъ, – и катаемъ!

Какъ сказано, такъ и сдѣлано: черезъ четверть часа я сидѣлъ ужъ подлѣ Заруцкаго, въ Вѣнской его коляскѣ, которая, покачиваясь на гибкихъ ресорахъ, не-

слась, какъ изъ лука стрѣла, по кочкамъ и колеямъ проселочной дороги. Сначала ретивые кони рвались одинъ передъ другимъ, но, пробѣжавъ верстъ двадцать, стали призадумываться, и наконецъ, поднявшись съ трудомъ на крутую гору, пошли смиреннымъ шагомъ. Вокругъ насъ виды были довольно пріятные: съ лѣвой стороны разстилались золотистыя поля, на которыхъ кой-гдѣ разбросаны были запоздалыя копны сжатаго хлѣба; съ правой, тянулся густой лѣсъ, и отъ времени до времени, вдали сквозь широкія просѣки свѣтлѣлись голубоватыя волны живописнаго Хопра. Пока усталые кони, идя шагомъ, отдыхали, Заруцкій разсказывалъ мнѣ про настоящее свое житье-бытье, про сельскія хлопоты, хозяйство, и наконецъ про пламенную любовь свою къ какой-то деревенской сосѣдкѣ, молодой вдовушкѣ, – «которая, говорилъ мой пріятель, вздыхая и закуривая четвертую трубку, поклялась уморить меня съ тоски, и до тѣхъ поръ не давать рѣшительнаго отвѣта, пока она не износитъ полдюжины черныхъ платьевъ изъ какой-то фланели, – видно казенной, потому, что они другой годъ не могутъ износиться. Чтобъ поразмыкать мое горе, продолжалъ Заруцкій, я вздумалъ съѣздить недѣльки на двѣ погостить у моего дяди, и очень радъ, что встрѣтился съ тобою.»

– Да радъ ли будетъ этому твой дядя? перервалъ я. Мнѣ весьма пріятно съ нимъ познакомиться; но, говорятъ, онъ такой нелюдимъ.....

– Да! онъ не охотно заводитъ новыя знакомства, а особливо съ нашими уѣздными дворянами: они такіе чопорные, считаются визитами; а онъ человѣкъ старый, любитъ покой, и больно тяжелъ на подъемъ. Ты – дѣло другое! – ты человѣкъ заѣзжій, а сверхъ-того старинный пріятель и сослуживецъ его племянника, котораго онъ любитъ, какъ сына роднаго, – да правда, и я его очень люблю!

– Скажи, пожалуйста, что ему за радость жить въ этой глуши?

– У него есть на то свои причины.

– А напримѣръ?

– Это цѣлый романъ, мой другъ. Прежде всего надобно тебѣ сказать, что во время оно, дядя мой, Иванъ Алексѣевичъ Асановъ, былъ человѣкъ бѣдный, не могъ даже и мечтать о наслѣдствѣ, которое досталось ему послѣ: и въ самомъ дѣлѣ, могъ ли онъ думать, что четверо двоюродныхъ его братьевъ, два племянника и три племянницы умрутъ въ одну недѣлю отъ чумы, которая въ 1771 году пожаловала въ Москву? Деревня, въ которой живетъ теперь Иванъ Алексѣевичъ, принадлежала нѣкогда помѣщику Глинскому, – скупому, злому, и, если вѣрить изустнымъ преданіямъ, настоящему разбойнику. У этого Глинскаго была дочь, прекрасная лицемъ, еще прекраснѣе душею. Не знаю, гдѣ и когда мой дядя съ нею встрѣтился, какъ познакомился съ ея отцемъ; только дѣло въ томъ, что онъ влюбился по уши въ Софью Павловну, – такъ звали дочь Глинскаго, – а набѣду и она его полюбила. Однажды, на отъѣзжемъ полѣ, рыская вмѣстѣ съ отцемъ своей любезной, за зайцами, дядя мой рѣшился открыть ему свою душу. Глинскій взбѣленился, осыпалъ его ругательствами, назвалъ нищимъ, и объявилъ, что если онъ когда-нибудь близко подъѣдетъ къ его деревнѣ, то онъ выпуститъ на него цѣлую стаю гончихъ, и затравитъ какъ краснаго звѣря. Дядя мой уѣхалъ въ армію, дрался такъ, что Суворовъ прозвалъ его чудо-богатыремъ, и, проколотый на вылетъ штыкомъ съ сраженіи съ Огинскимъ при Сталовичахъ, на диво всей арміи остался живъ, выздоровѣлъ; узналъ, что ему упало съ неба богатое наслѣдство, поскакалъ въ Сердобскъ, – но было уже поздно. Софья Павловна, зачахнувъ съ горя, давно покоилась на деревенскомъ кладбищѣ, а отецъ ея, спустя два мѣсяца послѣ ея

смерти, сломилъ себѣ шею, травя волка. Дядя мой вышелъ въ отставку; поклялся никогда не жениться, добился наконецъ, что ему продали эту деревню, и поселился въ домѣ, гдѣ нѣкогда жила его любезная. — «Господь не допустилъ меня быть мужемъ Софьи Павловны, — Его святая воля! Но если мнѣ не суждено было жить съ нею на землѣ, такъ по крайней мѣрѣ въ землѣ-то я буду лежать вмѣстѣ съ нею.» Такъ говоритъ всегда мой дядя, и вотъ ужъ скоро десять лѣтъ, какъ онъ живетъ безвыѣздно въ этой деревнѣ.

— О, да твой дядя человѣкъ преинтересный! сказалъ я. Знаешь ли, мой другъ, что если бъ онъ былъ помоложе, то я не совѣтовалъ бы тебѣ разсказывать всѣмъ эту исторію..... Въ ней столько романическаго, что долго ли до бѣды, — какъ разъ найдется новая Софья Павловна, и если ты единственный его наслѣдникъ.....

— Да, мой другъ! Но дай Богъ, чтобъ я во всю жизнь мою не вступалъ въ это наслѣдство: и одинъ разъ похоронить отца роднаго тяжело, а дважды навѣку остаться сиротою, — не приведи, Господи! Но вотъ кажется..... такъ точно! — версты три не больше осталось. Видишь ли тамъ вдали дубовую рощу?..... За нею тотчасъ господская усадьба; а, вонъ, выглядываетъ изъ за вершинъ деревьевъ золоченый крестъ: это каменная церковь, построенная моимъ дядею надъ могилою Софьи Павловны.

— Ахъ, Боже мой! перервалъ я, поглядѣвъ съ ужасомъ впередъ. Неужели мы спустимся въ эту пропасть?

— Постой! закричалъ мой пріятель: въ самомъ дѣлѣ лучше выйдемъ.

Коляска остановилась, и, пока ямщикъ съ слугою Заруцкаго тормосили заднія колеса, мы отправились потихоньку впередъ. Поросшій частымъ кустарникомъ оврагъ, черезъ который шла дорога, дѣйстви-

тельно походилъ на какую-то пропасть или ущеліе, на днѣ котораго журчалъ мутный протокъ. Чѣмъ ниже мы сходили, тѣмъ выше и утеснѣе становились его песчаные скаты: изрытая глубокими водопромойнами дорога, идя сначала прямо, вдругъ круто поворачивала налѣво, и, огибая небольшой бугоръ, опускалась къ мосту, перекинутому черезъ ручей. Когда я взглянулъ назадъ, мнѣ показалось, что коляска, которая полегоньку стала съѣзжать внизъ, висѣла надъ нашими головами.

—Знаешь ли, мой другъ, сказалъ Заруцкій, указывая на бугоръ: что этотъ холмъ, хотя и ненасыпной, а можетъ назваться курганомъ: онъ весь составленъ изъ могилъ.

И подлинно, большая часть его была покрыта возвышеніями, и кой-гдѣ видны еще были полусогнившіе деревянные кресты.

— Неужели это деревенское кладбище твоего дяди? спросилъ я.

—Нѣтъ, мой другъ! Здѣсь похоронены убитые разбойниками.

—Разбойниками! повторилъ я, невольно поглядѣвъ вокругъ себя.

—Не пугайся! продолжалъ мой пріятель. Это было уже давно. Въ наше время и слуху нѣтъ о разбойникахъ, точно такъ же, какъ о вѣдьмахъ, колдунахъ, мертвецахъ, домовыхъ и всей этой адской сволочи, отъ которой встарину нашимъ предкамъ житья не было.

—Ну, это еще Богъ знаетъ! сказалъ я сквозь зубы: на разбойниковъ есть земская полиція.....

— А на колдуновъ и мертвецовъ, возразилъ мой пріятель, есть управа, которую зовутъ просвѣщеніемъ.

— Охъ, ужъ мнѣ это просвѣщеніе! перервалъ я почти съ досадою. Но дѣло не о томъ: какъ могли здѣсь придерживаться разбойники? Развѣ тутъ была когда

нибудь большая дорога? Вѣдь по проселочнымъ грабить некого.

– Большая дорога отсюда въ двухъ верстахъ, и вотъ, что разсказываютъ старики объ этомъ оврагѣ. Дѣдушка бывшаго помѣщика деревни, въ которую мы ѣдемъ, держалъ у себя въ дому разбойничью пристань; это бы еще ничего, – было время, что разбои, а особливо въ нашихъ пограничныхъ губерніяхъ, назывались удальствомъ и молодечествомъ, – но вотъ, что было худо въ дѣдушкѣ покойнаго Глинскаго: говорятъ, что онъ былъ въ дружбѣ съ самимъ сатаною, и, какъ знаменитый чернокнижникъ Фаустъ, закабалилъ ему навѣки вѣковъ свою душу. Разумѣется, ему не было ни какой нужды въ деньгахъ: чортъ помогалъ ему находить клады, и даже иногда, шутки ради, превращалъ для него кружки изъ рѣпы и моркови въ серебряные рублевики и золотые ефимки. Но онъ любилъ для забавы, какъ на охоту, ѣздить на грабежъ. Спуску никому не было. Дворянъ и богатыхъ купцовъ онъ залучалъ насильно къ себѣ въ гости, поилъ, кормилъ по цѣлымъ суткамъ, – а тамъ Богъ-вѣсть что съ ними было: только говорятъ, что кто изъ этихъ невольныхъ гостей проѣзжалъ въ одну околицу, тотъ ужъ никогда не выѣзжалъ въ другую. Съ простыми людьми не церемонились: ихъ рѣзали на большой дорогѣ, и бросали въ этотъ оврагъ. Въ послѣдствіи, добрые люди, собравъ ихъ кости, похоронили на этомъ бугрѣ. А такъ какъ прошелъ слухъ, будто-бы каждый годъ, ночью, на Родительскую Субботу, всѣ эти покойники встаютъ изъ могилъ, и справляютъ сами по себѣ поминки, то это мѣсто, которое слыло прежде волчьимъ оврагомъ, прозвано теперь «чортовымъ беремищемъ.» Все это я разсказалъ тебѣ кой-какъ, а надобно послушать моего дядюшку: вотъ ужъ если онъ примется разсказывать эти народныя сказки и преданія, такъ есть чего послушать!

– Сказки! повторилъ я съ нетерпѣніемъ. Почему же сказки? Охъ, вы умницы! Слушай васъ, такъ ничему вѣрить не станешь.

– Да неужели ты въ самомъ дѣлѣ вѣришь этимъ бреднямъ?

– Эхъ, братецъ! да что мы знаемъ? Мы не видимъ далѣе своего носа; цѣлый вѣкъ играемъ въ жмурки, а говоримъ утвердительно: это вздоръ! – этого быть не можетъ! – это противно здравому смыслу! А что такое нашъ здравый смыслъ! – сбивчивыя соображенія, темныя догадки, какой-то слабый свѣтъ, который иногда блеснетъ въ потемкахъ, какъ будто-бы нарочно для того, чтобъ послѣ намъ еще сдѣлалось темнѣе. Не трудно говорить: я не вѣрю этому! – А прошу мнѣ доказать, почему и я не долженъ вѣрить тому, что тебѣ кажется невѣроятнымъ. Нѣтъ, Заруцкій! я еще не знаю, кто болѣе ошибается, – тотъ ли, кто вѣритъ всему безъ разбора, или тотъ, для котораго все то вздоръ, чего нельзя изъяснить одними физическими законами Природы.

– Знаешь ли мой другъ, перервалъ Заруцкій, что ты непремѣнно понравишься моему дядѣ. Онъ, такъ же какъ ты, готовъ разсердиться, если его станутъ увѣрять, что души умершихъ не являются никогда живымъ, и разскажетъ тебѣ сейчасъ двадцать случаевъ, доказывающихъ противное. Но, вотъ ужъ коляска наша взъѣхала на гору. Не знаю ты, а я очень усталъ. Сядемъ!

Когда мы проѣхали дубовую рощу, каменныя палаты Ивана Алексѣевича Асанова открылись намъ во всемъ своемъ угрюмомъ величіи. Онѣ стояли посреди большаго двора, заросшаго крапивою; главный ихъ фасадъ, въ тридцать узкихъ оконъ съ широкими простѣнками, тянулся поперегъ всего двора; парадный подъѣздъ, съ тяжелымъ навѣсомъ на четырехъ деревянныхъ столбахъ, былъ пристроенъ къ самой срединѣ

дома, позади котораго большой плодовый садъ спускался по отлогому скату, до самаго Хопра; противъ воротъ, на широкомъ лугу, стояла высокая каланча съ выкинутымъ флагомъ и огромными часами.

– Ого! сказалъ Заруцкій, когда мы, подъ громкій лай полдюжины датскихъ и лягавыхъ собакъ въѣхали на дворъ, да у дядюшки видно гости: дормёзъ, бричка, и, кажется, – такъ точно! – щегольская телѣжка Сердобскаго исправника. Тѣмъ лучше: намъ будетъ весело.

Двое дюжихъ лакеевъ, не роскошно, но опрятно одѣтыхъ, приняли насъ изъ коляски. Мы вошли въ обширныя сѣни. Налѣво однѣ двери вели въ переднюю; направо другими вѣроятно входили нѣкогда въ дѣвичью, но онѣ были заколочены и закладены кирпичами. Прошу моихъ читателей замѣтить это обстоятельство. Пройдя билліардную, столовую и двѣ гостиныя комнаты, изъ коихъ одна была оклеена Китайскими обоями, мы встрѣтили, въ дверяхъ расписанной боскетомъ диванной, хозяина дома.

– Здравствуй, Алексѣй! здравствуй, мой другъ! закричалъ онъ, обнимая нѣсколько разъ сряду своего племянника. Спасибо, что навѣстилъ старика, а я такъ было по тебѣ встосковался, что хоть нарочнаго отправлять.

– Рекомендую вамъ, дядюшка, сказалъ Заруцкій, подводя меня къ Ивану Алексѣевичу: искренняго пріятеля: мы съ нимъ давно уже не видались, хотя были нѣкогда неразлучными товарищами, и въ Москвѣ – въ пансіонѣ, и въ Петербургѣ въ казармахъ, и въ танцовальномъ классѣ Миранвиля, и въ походномъ балаганѣ подъ непріятелемъ, – словомъ вездѣ. Я давно съ нимъ не видался, и, повстрѣчавъ его въ Сердобскѣ, рѣшился захватить съ собою, и привезти къ вамъ.

– Милости просимъ! сказалъ Иванъ Алексѣевичъ, протянувъ ласково ко мнѣ свою руку. Кто съ моимъ

Алексѣемъ побратался на ратномъ полѣ, тотъ всегда будетъ у меня дорогимъ гостемъ. Милости просимъ!

Не помню, что я отвѣчалъ хозяину, — а кажется, ничего. Я такъ былъ пораженъ его почтенною наружностію, что совершенно позабылъ всѣ употребляемыя въ сихъ случаяхъ условныя фразы и вѣжливыя увѣренія, въ которыхъ почти всегда ни на волосъ нѣтъ правды. Представьте себѣ человѣка высокаго роста, лѣтъ шестидесяти пяти, въ форменномъ военномъ сюртукѣ, временъ Екатерины Второй; вообразите румяное лице и черные съ просѣдью волосы; высокій, покрытый морщинами лобъ, и ясные, исполненные веселости и радушія глаза; величественую осанку лихаго полковаго командира, котораго самъ Суворовъ прозвалъ чудо-богатыремъ, и кроткую, простодушную улыбку, не сходящую съ привѣтливыхъ устъ, осѣненныхъ парою густыхъ усовъ, о которыхъ, вѣроятно, въ старину неразъ толковали межъ собой миловидныя Полячки. Въ жизнь мою я не видывалъ старика съ такою привлекательной наружностью, и, признаюсь, ни мало бы не удивился, если бъ какая нибудь красавица призадумалась, когда бъ ей дали на выборъ, — или быть его женою, или назвать его своимъ отцемъ.

— Не угодно ли ко мнѣ въ кабинетъ? сказалъ онъ. Ты найдешь тамъ старыхъ знакомыхъ, Алексѣй! Да прошу покорно не отставать, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: а не то какъ разъ запутаетесь. У меня въ саду нѣтъ лабиринта, но за то въ домѣ, какъ въ траншеяхъ: такіе зигзаги да апроши, что и толку не доберешься.

Въ самомъ дѣлѣ, мы выходили изъ комнаты въ комнату, прошли двумя темными коридорами, то поднимались нѣсколько ступеней къ верху, то спускались внизъ, и наконецъ, пройдя мимо желѣзныхъ дверей кладовой, помѣщенной въ круглой башнѣ, которая, — какъ говорится, ни къ селу, ни къ городу, — была

прилѣплена къ лѣвому углу дома, вошли еще въ одинъ корридоръ, въ концѣ котораго слышны были голоса разговаривающихъ.

– Тутъ была въ старину дѣвичья, сказалъ Иванъ Алексѣевичъ, подходя къ полурастворенным дверямъ: но такъ какъ я человѣкъ холостой, то и разсудилъ закласть въ ней однѣ двери, и сдѣлать изъ нея мой кабинетъ: зимою эта комната всѣхъ теплѣе и суше. Милости просимъ!

Судя по величинѣ и первобытному назначенію покоя, въ который мы вошли, не трудно было отгадать, что у прежняго помѣщика была большая дворня, и что вѣроятно въ ней женскихъ душъ было болѣе мужескихъ. Четыре окна, обращенныя на задній дворъ, занимали одну изъ стѣнъ ея; на остальныхъ были нарисованы различныя сцены изъ жизни Суворова. Правду сказать, живопись была не отличная, и, взглянувъ на нее, я невольно вспомнилъ маляра Ефрема, о которомъ безсмертный пѣвецъ Ермака сказалъ когда-то, что онъ имѣлъ чудесный даръ, и что кисть его:

.....Всегда надъ смертными играла,
Архипа Сидоромъ, Кузьму Лукой писала.

На одной стѣнѣ, Суворовъ представленъ былъ въ лѣсу, спящимъ на соломѣ, посреди казачьихъ биваковъ; у него вовсе не было шеи; но за-то такія длинныя ноги, что если бъ онъ проснулся и всталъ, то конечно могъ бы облокотиться на вершину толстаго дуба, подъ тѣнью котораго покоился. На противуположной стѣнѣ тотъ же самый Суворовъ представленъ былъ въ минуту сдачи Краковскаго зàмка. Онъ стоялъ вытянувшись какъ струнка, и оборотясь лицемъ къ толпѣ Поляковъ съ преогромными усами. Нѣсколько Французскихъ офицеровъ, поджарыхъ и щедушныхъ, изображены были съ поникнутыми головами, а комендантъ зàмка, щеголеватый Шуазье, распудренный и выгнутый зѣломъ, отдавалъ побѣдителю свою шпагу съ та-

кимъ же точно сантиментальнымъ видомъ, съ какимъ театральный пастушекъ, ставъ въ четвертую позицію, подаетъ букетъ розановъ своей размалеванной пастушкѣ. На третьей стѣнѣ изображено было взятіе Измаила: разумѣется, всѣ убитые были Турки, а поле сраженія усыпано чалмами, между которыхъ не валялась ни одна гренадерская шапка. То мѣсто, гдѣ была задѣлана дверь, ведущая въ сѣни, прикрывалось прибитымъ къ стѣнѣ широкимъ Персидскимъ ковромъ. Въ простѣнкахъ межъ окнами висѣли Турецкіе пистолеты, ятаганы, Польскія сабли и прочіе домашніе трофеи военныхъ подвиговъ Ивана Алексѣевича Асанова. Въ одномъ углу стоялъ пукъ черешневыхъ чубуковъ съ глиняными раззолоченными трубками и янтарными мунштуками; въ другомъ, по обѣимъ сторонамъ широкаго камина, висѣло нѣсколько охотничьихъ одинакихъ и двуствольныхъ ружей, яхташей, пороховыхъ рожковъ и патронницъ, а кругомъ всѣхъ стѣнъ устроены были спокойные диваны, обитые шерстяною Турецкою матеріею.

Когда мы вошли въ кабинетъ, трое гостей, въ числѣ которыхъ былъ и Сердобской исправникъ, трудились въ потѣ лица и наблюдая торжественное молчаніе, вокругъ стола, на которомъ поставленъ былъ сытный завтракъ. Послѣ первыхъ привѣтствій и дружескихъ восклицаній, Заруцкій сталъ знакомить меня съ гостями своего дяди. Первый, къ которому онъ меня подвелъ, Антонъ Ѳедоровичъ Кольчугинъ, показался мнѣ съ перваго взгляда старикомъ лѣтъ семидесяти; но когда я поразглядѣлъ его хорошенько, то увѣрился, что, не смотря на впалыя его щеки, выдавшійся впередъ подбородокъ и сѣдые какъ снѣгъ усы, онъ моложе хозяина. Прагскій золотой крестъ въ петлицѣ ясно доказывалъ, что онъ былъ нѣкогда если не сослуживцемъ, то по крайней мѣрѣ современникомъ Ивана Алексѣевича. Второй, Александръ Дмитріевичъ Че-

ремухинъ, человѣкъ лѣтъ сорока пяти, толстый, рябой, съ широкими свѣтлорусыми бакенбартами, съ маленькими блестящими глазами, и съ такою смѣющеюся и веселою физіогноміею, что, глядя на него, и плакса Гераклитъ, – если только онъ существовалъ въ самомъ дѣлѣ, а не былъ выдуманъ для антитезы и риѳмы къ Демокриту, – едва ли бы удержался отъ смѣха. Съ третьимъ гостемъ, исправникомъ Сердобскимъ, я былъ уже знакомъ; но его не знаютъ мои читатели, а посему я неизлишнимъ полагаю сказать и о немъ нѣсколько словъ. Онъ былъ малый образованный; служилъ штабсъ-ротмистромъ въ одномъ армейскомъ гусарскомъ полку, вышелъ за ранами въ отставку, и, выбранный дворянами, изъ отличнаго эскадроннаго командира сдѣлался, какъ говорится, лихимъ капитанъ-исправникомъ. Всѣ помѣщики его любили, казенные крестьяне молились за него Богу, а воры, плуты и пьяницы, боялись какъ огня. Говорятъ, – я повторяю то, что слышалъ, – будто бы онъ не бралъ даромъ и клока сѣна, и не съѣдалъ курицы у мужика, не заплатя за нее по справочной цѣнѣ; что засѣдатели его не таскали за бороду для своей забавы выборныхъ, и даже канцелярскіе служители Нижняго Земскаго Суда пили на слѣдствіяхъ вино только тогда, когда имъ подносили его добровольно.

Познакомивъ моихъ читателей съ обществомъ, въ которомъ мнѣ удалось провести нѣсколько дней самымъ пріятнымъ образомъ, я долженъ сказать, что въ первый день моего пріѣзда въ деревню Ивана Алексѣевича, погода начала портиться: къ вечеру небеса нахмурились, и полился не лѣтній, – крупный и спорый дождь, – но мелкій и дробный; онъ вскорѣ превратился въ безконечную осеннюю изморозь, отъ которой и васъ, любезные читатели, подчасъ брала тоска, а особливо если она захватывала васъ среди полей, когда желтый листъ валится съ деревьевъ, а порывистый

вѣтеръ гудитъ по лѣсу, и завываетъ какъ зловѣщій филинъ въ трубахъ вашего деревенскаго дома. Дѣлать было нечего: нельзя было ни ходить съ ружьемъ на охоту, ни кататься въ лодкѣ по Хопру. Конечно, можно было ѣздить по черностопу за зайцами; но для этого надобно было страстно любить псовую охоту, а изъ всего нашего общества одинъ Заруцкій ѣзжалъ иногда съ борзыми, но и тотъ любилъ охотиться или по первозимью, въ хорошую порошу, или въ ясный осенній день, въ узерку; а ѣздить съ утра до вечера съ гончими, въ дождь и слякоть для того, чтобъ затравить какого-нибудь несчастнаго бѣляка, казалось ему вовсе незабавнымъ. Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ мы были безъ всякаго занятія: днемъ мы пили чай, завтракали, обѣдали, играли въ билліардъ и читали журналы. Иванъ Алексѣевичъ выписывалъ не только Петербургскія Вѣдомости, но почти всѣ періодическія изданія, которыя въ то время выходили въ обѣихъ столицахъ. Разумѣется, мы охотнѣе всего читали Вѣстникъ Европы, прославленный первымъ своимъ издателемъ; но отъ нечего дѣлать, перелистывали и Московскаго Курьера, зѣвали надъ Петербургскимъ Любителемъ Словесности, трогались чуствительнымъ слогомъ Московскаго Зрителя, и удивлялись разнообразію Собесѣдника, который только-что появился въ свѣтъ, съ затѣйливымъ названіемъ «повѣствователя «*мыслей* въ вечернее время упражняющихся въ сво«емъ кабинетѣ писателей, *разсказывающаго* повѣсти, «анекдоты, стихотворенія, — *а временемъ и Критику.*» Часу въ седьмомъ послѣ обѣда, мы обыкновенно сбирались всѣ въ кабинетъ къ хозяину, садились кругомъ пылающаго камина, и, вплоть до самаго ужина, проводили время разговаривая межъ собою. Такъ какъ Иванъ Алексѣевичъ почти всегда управлялъ общимъ разговоромъ, то предметомъ онаго были, по большей части, разсказы о необыкновенныхъ случаяхъ въ жиз-

ни, о привидѣніяхъ, дьявольскомъ наважденіи, словомъ обо всемъ томъ, что не могло быть истолковано естественнымъ образомъ. Вниманіе, съ которымъ слушали всѣ эти разсказы, ясно доказывало, что никто не сомнѣвался въ ихъ истинѣ: одинъ только Заруцкій улыбался иногда вовсе не впопадъ, но никто не замѣчалъ этого, и даже весельчакъ Черемухинъ, – хотя потихоньку съ нимъ перемигивался, и шепталъ ему что-то на ухо, а въ слухъ божился, что вѣритъ безъ разбору всѣмъ страшнымъ исторіямъ, потому, дискать, что его самого однажды давилъ цѣлую ночь домовой.

Разсказы и повѣсти, которыя я слышалъ въ послѣдній вечеръ, проведенный мною у Ивана Алексѣевича, показались мнѣ столь любопытными, что я съ величайшей точностію записалъ ихъ въ моемъ дорожномъ журналѣ. Боясь прослыть суевѣромъ, невѣждою и человѣкомъ *отсталымъ*, я до сихъ поръ не смѣлъ напечатать моихъ записокъ, но когда увидѣлъ, что съ нѣкотораго времени исторіи о колдунахъ и похожденія мертвецовъ сдѣлались любимымъ чтеніемъ нашей публики, то рѣшился наконецъ выдать ихъ въ свѣтъ. Не смѣю обѣщать моимъ читателямъ, что они прочтутъ ихъ съ удовольствіемъ, или хотя безъ скуки; но твердо и непоколебимо стою за истину моихъ разсказовъ. Да, почтенные читатели! рѣшительно повторяю, что есть Русскія Исторіи, которыя несравненно болѣе походятъ на сказки, чѣмъ эти были и преданія, основанныя на вѣрныхъ и неподлежащихъ ни какому сомнѣнію *фактахъ*.

Вѣтеръ бушевалъ по лѣсу; мелкій дождь, какъ сквозь частое сито, лился на размокшую землю. Еще на деревянной каланчѣ не пробило и шести часовъ, а на дворѣ ужъ было такъ темно, что хоть глазъ выколи. Мы всѣ собрались въ кабинетъ: хозяинъ, Кольчугинъ, исправникъ и я сидѣли вокругъ пылающаго камина, а Заруцкій и Черемухинъ расположились преспо-

койно на широкомъ диванѣ, и, куря въ молчаніи свои трубки, наслаждались въ полномъ смыслѣ симъ моральнымъ и физическимъ бездѣйствіемъ, которое Италіянцы называютъ il dolce far niente.

– Ну погодка! сказалъ наконецъ Кольчугинъ, прислушиваясь къ вою вѣтра. Хоть кого тоска возьметъ!

–И, полно, братецъ! перервалъ Иванъ Алексѣевичъ: да это-то и весело! Что можетъ быть пріятнѣе, какъ сидѣть въ ненастный осенній вечеръ съ хорошими пріятелями противъ камелька, курить спокойно свою трубку, и, поглядывая на плотно-затворенныя окна, думать: – вой себѣ вѣтеръ, лейся дождь, бушуй непогода, а мнѣ и горюшки мало! Что и говорить! Уменъ тотъ былъ, кто первый вздумалъ строить домы.

– И дѣлать въ нихъ камины, прибавилъ исправникъ, подвигаясь къ камельку.

– Не равенъ домъ, господа! сказалъ Кольчугинъ, вытряхая свою пѣнковую трубку: и не въ такую погоду не усидишь въ иномъ домѣ. Я самъ однажды, въ сильную грозу и проливной дождикъ, рѣшился лучше провести ночь подъ открытымъ небомъ, чѣмъ въ комнатѣ въ которой было такъ же тепло и просторно, какъ въ этомъ покоѣ.

– А что? спросилъ исправникъ: видно хозяева не очень вамъ были ради?

– Ну, нѣтъ! Одинъ хозяинъ обошелся со мною довольно ласково, да отъ другаго-то мнѣ туго пришлось, хоть и онъ также хотѣлъ меня угощать, только угощеніе-то его было мнѣ вовсе не по сердцу.

– Вотъ что! сказалъ Иванъ Алексѣевичъ. Да это видно, братъ, цѣлая исторія.

–Да, любезный, такая-то исторія, продолжалъ Кольчугинъ, набивая снова свою трубку, что у меня и теперь, лишь только вспомню объ этомъ, такъ волосъ дыбомъ и становится.

– Что вы это говорите? вскричалъ Заруцкій. Антонъ Ѳедоровичъ! послушайте! вы человѣкъ военный, служили съ Суворовымъ, а признаетесь, что чего-то струсили.

– Да, батюшка! Не прогнѣвайтесь, – посмотрѣли бы мы вашей удали! Нѣтъ, Алексѣй Михайловичъ, вѣдь это не что другое: поставь меня хоть теперь противъ непріятельской баттареи, – видитъ Богъ, не струшу! а вотъ, какъ гдѣ замѣшается нечистая сила, такъ ужъ тутъ, – воля ваша! – и вы батюшка не много нахрабритесь. Сатана не пушка: на него не полѣзешь.

– Ого! сказалъ Черемухинъ, перемигнувшись съ Заруцкимъ: такъ въ вашей исторіи и черти водятся.

– Смѣйтесь, батюшка, смѣйтесь! продолжалъ Кольчугинъ. Я знаю, вы человѣкъ начитанный, ничему не вѣрите.

– Кто? я? перервалъ Черемухинъ. Что вы, батюшка, Антонъ Ѳедоровичъ? перекреститесь!

– Добро, добро! прикидываетесь. Вотъ мы, такъ люди неученые; чему вѣрили отцы наши и дѣды, тому и мы вѣримъ.

– Да, какъ же, братецъ, сказалъ хозяинъ, ты мнѣ никогда объ этомъ не разсказывалъ?

– А такъ къ слову не пришлось! Пожалуй, теперь разскажу. Дай-ка, батюшка, Иванъ Алексѣевичъ, огоньку!.... Спасибо, любезный!

Всѣ придвинулись поближе къ разскащику, и даже Заруцкій съ Черемухинымъ встали съ дивана и уселись подлѣ его на стульяхъ. Антонъ Ѳедоровичъ Кольчугинъ, раскурилъ трубку, затянулся, выпустилъ изъ подъ своихъ сѣдыхъ усовъ цѣлую тучу табачнаго дыму, и началъ.

=

— Это было въ 1772 году, вскорѣ по взятіи Краковскаго замка, который, сказать мимоходомъ, вовсе не такъ здѣсь намалеванъ, примолвилъ разскащикъ, указывая на одну изъ стѣнъ кабинета. Ну, да дѣло не о томъ! Хотя Суворовъ не былъ еще тогда ни Графомъ, ни Княземъ, но объ немъ ужъ начинали шибко поговаривать во всей арміи. Онъ стоялъ, съ своимъ небольшимъ корпусомъ, лагеремъ близъ Кракова, наблюдая издали за Тиницемъ и Ландскрономъ. Астраханскій гренадерскій полкъ, въ которомъ я имѣлъ честь служить полковымъ адъютантомъ, принадлежалъ къ этому обсерваціонному корпусу. Нашъ полковой командиръ былъ человѣкъ добрый, отлично-храбрый и настоящій Русскій хлѣбосолъ. Почти всѣ штабъ-и оберъ-офицеры каждый день у него обѣдали, и кому надобны были деньги, тотъ шелъ къ нему прямо, какъ въ Опекунскій Совѣтъ. Но вотъ, что было худо: нашъ полковой командиръ былъ женатъ: и это бы еще не бѣда, — да жена-то у него была такая нравная, что и Боже упаси!

— Такъ что жъ? перервалъ Заруцкій: тѣмъ хуже для мужа, а офицерамъ-то какое до этого дѣло?

— Какое дѣло? повторилъ Кольчугинъ. Эхъ, сударь! время на время не приходитъ. Нынче, послѣ полковаго начальника, первый въ полку человѣкъ старшій баталіонный командиръ; а у насъ, бывало, коли полковникъ женатъ, такъ второй человѣкъ въ полку полковница, а если она бойка, да хоть мало-мальски маракуетъ въ военномъ дѣлѣ, такъ всѣмъ полкомъ заправляетъ. То-то и есть, батюшка: нынче вѣкъ, а то былъ другой! Я ужъ вамъ докладывалъ, что нашъ полковникъ, былъ человѣкъ храбрый, не боялся ни пуль, ни ядеръ, а передъ женою своей трусилъ. Она была женщина дородная, видная, бѣлолицая, румяная..... а ужъ удаль-то какая! голосина какой!..... Ахъ

ты, Господи, Боже мой, – что и говорить, – городъ барыня! Не знаю, потому ли, что она любила своего мужа, или отъ того, что была очень ревнива, – только никогда отъ него не отставала: мы въ походъ, и она въ походъ. Въ то время, какъ нашъ полкъ стоялъ лагеремъ, она жила въ Краковѣ, и хоть могла часто видѣться съ своимъ мужемъ, но рѣшилась наконецъ совсѣмъ къ нему переѣхать. Нашему полковому командиру это не вовсе было по сердцу: да вѣдь дѣлать-то нечего! – хоть не радъ, да будь готовъ. Палатку перегородили, надѣлали въ ней клѣтушекъ, а изъ самаго-то большаго отдѣленія, гдѣ бывало, мы всѣ бражничали съ нашимъ командиромъ, сдѣлали спальню, и поставили широкую кровать съ розовымъ атласнымъ пологомъ. Я думаю, господа, вы всѣ знаете, что Суворовъ не очень жаловалъ барынь, а особливо когда онѣ жили въ лагерѣ и мѣшались не въ свое дѣло: да онъ былъ еще тогда только что Генералъ-Маіоромъ, связей ни какихъ не имѣлъ, а наша полковница происходила отъ знатной фамиліи, и родные ея были въ большомъ ходу при Дворѣ. Другой бы, на его мѣстѣ, похмурился, похмурился, да на томъ бы и съѣхалъ. А нашъ батюшка, Александръ Васильевичъ, и не хмурился, а выжилъ полковницу изъ лагеря. И теперь безъ смѣха вспомнить не могу: экой проказникъ, подумаешь! Уменъ былъ, – дай Богъ ему царство небесное!

Когда мы вышли въ лагерь, онъ отдалъ приказъ по всему корпусу, что если пустятъ одну сигнальную ракету, то войскамъ готовиться къ походу; по второй, строиться передъ лагеремъ; по третьей, снимать палатки, а по четвертой, выступать. Онъ не любилъ, чтобъ солдаты у него дремали, и потому частехонько дѣлалъ фальшивыя тревоги то днемъ, то ночью. Бывало пустятъ ракету, – тамъ другую, – Суворовъ объѣдетъ весь лагерь, поговоритъ съ полковниками, по-

шутитъ съ офицерами, побалагуритъ съ солдатами, да тѣмъ дѣло и кончится. Вотъ эдакъ съ недѣлю, погода стояла все ясная: вдругъ однажды, послѣ знойнаго дня, ночью, часу въ одиннадцатомъ, заволокло все небо тучами, хлынулъ проливной дождь, застукалъ громъ, и пошла такая потѣха, что мы свѣту Божьяго не взвидѣли. Я на ту пору былъ за приказаніями у полковника. Жена его боялась грома, и, чтобъ не такъ была видна ей молнія, забралась на постель и задернулась пологомъ, — однако же не спала. Лишь только я вышелъ изъ палатки, чтобъ итти домой, — глядь! — эге! — сигнальная ракета. Я назадъ; докладываю полковнику. — «Какъ?» — закричала барыня, которая, сквозь холстинную перегородку, вслушалась въ мои слова: да что вашъ полоумный Генералъ вовсе, что ль, ряхнулся, въ такую бурю тревожить весь лагерь.... — «Успокойся, Варинька,» сказалъ полковникъ: «вѣдь это фальшивая тревога; можетъ-статься и втораго сигнала не будетъ. А межъ-тѣмъ вели сѣдлать мою лошадь,» прибавилъ онъ шепотомъ, обращаясь ко мнѣ: «кто его знаетъ! — да чтобъ люди были готовы.» — Я побѣжалъ исполнять его приказаніе, и вотъ, гляжу, минутъ черезъ десять зашипѣла вторая ракета. Люди въ полной аммуниціи высыпали изъ палатокъ, и начали строиться: прошло еще минутъ пять.... Чу, третья! Вотъ-те разъ!.... Суворовъ шутить любилъ, да только не службою: приказано, — такъ ступай и въ огонь и въ воду. Да и народъ-то былъ у насъ такой наметанный, что и сказать нельзя! Закипѣло все по лагерю: въ полмига веревки прочь, колья вонъ, и по всѣмъ линіямъ ни одной палатки не осталось. Взвилась четвертая ракета: авангардъ выступилъ, за нимъ тронулся весь корпусъ, и мы потянулись по дорогѣ къ Ландскрону. Ну, господа, не всякому удастся видѣть такую диковинку! Пока бѣгали въ обозъ, пока заложили коляску, пока что, прошло съ полчаса, — и во все это

время..... Вспомнить не могу!.... то-то было смѣху-то!... Представьте себѣ, ночью, въ чистомъ полѣ, подъ открытымъ небомъ, двуспальная кровать съ розовымъ атласнымъ пологомъ, а дождь-то дождь, – такъ ливмя и льетъ! Ну, присмирѣла наша строгая командирша. Господи, Боже мой!... растрепало ее, сердечную; дождемъ намокла она, матушка наша, словно грецкая губка. Куда вся удаль дѣвалась! Вотъ отвезли ее кой-какъ назадъ въ Краковъ, а корпусъ, отойдя версты двѣ, остановился опять лагеремъ, и я въ жизнь мою никогда не видывалъ, чтобъ кто нибудь бѣсился такъ, какъ взбѣленилась полковница, когда на другой день проказникъ Суворовъ прислалъ къ ней своего Адъютанта узнать о здоровьѣ.

– Ай да, батюшка, Александръ Васильевичъ! вскричалъ съ громкимъ хохотомъ хозяинъ: что и говорить, – молодецъ!

– Да, это забавно! сказалъ Черёмухинъ: только позвольте, Антонъ Ѳедоровичъ, – рѣчь, кажется, была о сатанѣ....

– А жена-то полковника? перервалъ Заруцкій.

– Да это другое дѣло! Я говорю о нечистой силѣ.

– Постойте, батюшка, продолжалъ Кольчугинъ: дойдетъ и до этого дѣло. Дня черезъ два, какъ полковница совсѣмъ ужъ обсохла, пошли у нея новыя затѣи. Жить опять въ лагерѣ она боялась, а въ Краковѣ оставаться не хотѣла. Толковали, толковали, и рѣшили на томъ, чтобъ сыскать для нея какой-нибудь загородный панскій домъ или мызу, поближе къ лагерю. Вѣстимо дѣло: кому хлопотать, какъ не адъютанту! Вотъ, я и отправился съ утра осматривать всѣ дачи по дорогѣ къ Ландскрону и Тиницу. Выбрать было нелегко: наша причудливая командирша хотѣла и большой домъ, и обширный садъ, и чтобъ никого не было живущихъ, и то и сё. Цѣлый день я проѣздилъ по дачамъ; измучилъ своего куцаго коня, – да и горскій жере-

бецъ подъ казакомъ, который ѣздилъ за мною, насилу ужъ ноги волочилъ. Мы съ нимъ на одной мызѣ позавтракали, на другой пообѣдали; и когда стали пробираться назадъ въ лагерь, то ужъ день клонился къ вечеру. Пока еще заря не вовсе потухла, мы проѣхали верстъ пять. На дворѣ становилось все темнѣе, вдали сверкала молнія, а надъ нами такъ затучило, что когда мы поѣхали лѣсомъ, такъ въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Сначала мы кое-какъ тащились впередъ, но вдругъ дорога по лѣсу какъ-будто-бъ сдвинулась, начало насъ похлыстовать сучьями, и, лошади, безпрестанно наѣзжая на колоды и пеньки, то и дѣло что спотыкались.

– Охъ плохо, ваше благородіе! пробормоталъ мой казакъ: никакъ мы заплутались?

– Видно что такъ, Ермиловъ! сказалъ я, приподымая на поводу моего куцаго, который въ третій уже разъ падалъ на оба колѣна.

Вотъ и дождикъ накрапываетъ! продолжалъ казакъ. Кабы Богъ помогъ намъ до грозы наткнуться на какое-нибудь жилье.... Постойте-ка, ваше благородіе: кажись, вонъ тамъ, направо, лаетъ собака?

Въ самомъ дѣлѣ не далеко отъ насъ послышался громкій лай; мы поѣхали прямо на него, и черезъ нѣсколько минутъ выбрались на широкую, обсаженную березами, дорогу, въ концѣ которой что-то бѣлѣлось, и мелькалъ огонёкъ.

– Кажись, это панская мыза, прошепталъ Ермиловъ. Ну, слава тебѣ, Господи! нашли пріютъ!

– Постойка, братъ! сказалъ я: чтобъ намъ не заплатить дорого за ночлегъ; вѣдь мы не у себя, не на святой Руси. Чай, Польскіе-то паны не больно насъ жалуютъ; хорошо у нихъ останавливаться съ командой, или днемъ на большой дорогѣ, а ночью и въ такомъ захолустьѣ.... долго ли до грѣха? уходятъ насъ, да и концы въ воду.

– А что? чего добраго, ваше благородіе! перервалъ казакъ, почесывая въ головѣ. Вѣдь насъ только двое.... да куда же намъ дѣваться?

– Погоди, Ермиловъ! сказалъ я. Надобно подняться на штуки. Я скажу хозяевамъ, что присланъ передовымъ занять эту мызу для полковой квартиры, и что завтра чѣмъ свѣтъ прійдетъ сюда первая рота нашего полка.

– И впрямь, ваше благородіе! подхватилъ казакъ. Пугнемте-ка ихъ постоемъ, такъ дѣло будетъ лучше. Коли они станутъ думать, что мы нарочно къ нимъ пріѣхали, и что завтра нагрянетъ къ нимъ цѣлая рота гренадеръ, такъ ужъ вѣрно никто не посмѣетъ и волосомъ насъ обидѣть.

– Разговаривая такимъ образомъ, мы подъѣхали къ высокому забору, позади котораго, среди широкаго двора, стоялъ каменный домъ, въ два этажа, съ круглыми башнями по угламъ. Въ одномъ окнѣ свѣтился огонёкъ; но ни единой души не было видно ни на дворѣ, ни въ домѣ; все было тихо, какъ въ полночь, и только лаяла одна цѣпная собака. Ворота были не заперты; мы подъѣхали къ дому; я слѣзъ съ коня, вошелъ въ сѣни: никого! Прямо передо мной лѣстница вверхъ. Я началъ по ней взбираться, сабля моя такъ стучала по каменнымъ ступенькамъ, что казалось, можно бы было за версту меня слышать. Взойдя на лѣстницу, я пріостановился: всё тихо. Кой чортъ! подумалъ я: неужели въ этомъ домѣ нѣтъ никого, кромѣ цѣпной собаки? Проведя рукою по стѣнѣ, я ощупалъ дверь, толкнулъ, – она растворилась; вхожу: опять никого! Холодно, сыро, вѣтеръ воетъ; въ окнахъ нѣтъ рамъ: вотъ что! – эта часть дома не достроена, – но гдѣ же свѣтился огонёкъ? кажется, лѣвѣе. Я вышелъ опять къ лѣстницѣ, прошелъ вдоль стѣны; еще двери: отворилъ. Ну, попалъ наконецъ на жилые покои! Въ небольшой комнатѣ, слабо освѣщенной сальнымъ

огаркомъ, двое слугъ играли въ карты, а третій спалъ на скамьѣ. Въ ту самую минуту, какъ я вошелъ въ этотъ покой, мнѣ послышался вдали довольно внятный говоръ, какъ-будто-бы отъ многихъ людей, съ жаромъ между собой разговаривающихъ. Но лишь только одинъ изъ игравшихъ слугъ, увидя меня, ушелъ во внутреннія комнаты, то вдругъ всё утихло.

– Какъ зовутъ эту мызу? спросилъ я у слуги, который остался въ передней.

– Эту мызу? сказалъ онъ, глядя на меня такъ нахально, что я невольно смутился, и не вдругъ повторилъ мой вопросъ. Ее зовутъ Бялый Фолваркъ, отвѣчалъ онъ наконецъ, продолжая смотрѣть мнѣ прямо въ глаза.

– А какъ зовутъ хозяина?.... Да отвѣчай болванъ, когда тебя спрашиваютъ! продолжалъ я, возвысивъ голосъ и подойдя къ нему поближе.

Слуга попятился назадъ, и, взглянувъ на своего спящаго товарища, пробормоталъ: – Моего пана зовутъ Янъ Дубицкій..... Гей, Казимиръ!

– Ну такъ и есть! сказалъ я. Насилу же мы отыскали вашу мызу! Веди меня къ хозяину.

– Почекай, панъ. Гей, Казимиръ!

Третій слуга, который спалъ на скамьѣ, вскочилъ, и, увидѣвъ передъ собой Русскаго офицера, закричалъ: – Цо то естъ!.... Москаль!

– Сойди-ка, братъ, внизъ, сказалъ я, стараясь казаться спокойнымъ: тамъ стоитъ казакъ.....

– Казакъ? вскричалъ полусонный лакей. Одинъ казакъ?

– Покамѣстъ одинъ, а скоро будетъ много. Возьми у него лошадей, отведи ихъ въ конюшню, а ему вели взойти сюда.

Слуга не торопился исполнить мое приказаніе; онъ поглядывалъ какъ шальной то на меня, то на своего товарища, и не трогался съ мѣста.

– Ну, что жъ ты глаза-то выпучилъ, дурень? закричалъ я повелительнымъ голосомъ. Иль не слышишь? Пошелъ! Да смотри, чтобъ лошади были сыты!

Слуга, пробормотавъ себѣ что-то подъ носъ, вышелъ вонъ, и въ то же время лакей, который ходилъ обо мнѣ докладывать, растворивъ дверь, пригласилъ меня въ гостиную. Пройдя небольшую столовую, я вошелъ въ комнату, довольно опрятно убранную и освѣщенную двумя восковыми свѣчами. Въ одномъ углу приставлено было къ стѣнѣ нѣсколько сабель и съ полдюжины конфедератокъ валялось по стульямъ и окнамъ комнаты. Хозяинъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ предлинными усами, съ подбритой головой, въ синемъ контушѣ и желтыхъ сапожкахъ, принялъ меня со всею важностію Польскаго магната. Развалясь небрежно на канапе, онъ едва кивнулъ мнѣ головою, и показалъ молча на табуретку, которая стояла отъ него шагахъ въ пяти. Ахъ, чортъ возьми! вся кровь во мнѣ закипѣла: я позабылъ, что положеніе мое было вовсе незавидное; въ эту минуту я думалъ только о томъ, что имѣю честь носить Русскій мундиръ, и служить въ Астраханскомъ гренадерскомъ полку полковымъ адъютантомъ. Не отвѣчая на его обидный поклонъ, я оттолкнулъ ногою табуретку, усѣлся подлѣ него на канапе, и, вытащивъ изъ кармана кисетъ съ табакомъ, принялся, не говоря ни слова, набивать мою трубку. Казалось, это нецеремонное обращеніе смутило хозяина: помолчавъ нѣсколько времени, онъ спросилъ довольно вѣжливо, откуда я ѣду.

– Изъ лагеря, отвѣчалъ я, продолжая набивать мою трубку.

– И вѣрно панъ..... панъ.....

– Капитанъ! перервалъ я, кинувъ гордый взглядъ на хозяина.

– Препрашамъ!.... вѣрно, панъ капитанъ заплутался въ этомъ лѣсу?

– Нѣтъ. Я прямо сюда ѣхалъ.

– Сюда? повторилъ хозяинъ съ примѣтнымъ безпокойствомъ.

– Да! продолжалъ я, раскуривая спокойно мою трубку: вѣдь эту мызу зовутъ Бялый Фольваркъ?

– Такъ.

– А васъ паномъ Дубицкимъ?

– Такъ естъ.

– Я присланъ сюда квартирьеромъ; у васъ назначена полковая квартира Астраханскаго гренадерскаго полка.

– Полковая квартира! вскричалъ панъ, спрыгнувъ съ канапе.

– Да. Завтра чѣмъ свѣтъ, а можетъ-быть и сегодня ночью, прійдетъ сюда первая рота нашего полка..... Да садитесь, пане Дубицкій!.... Прошу покорно!

Тутъ взглянулъ я на моего хозяина: вытянувшись въ струнку, онъ стоялъ передо мной, какъ листъ передъ травой, и на лицѣ его происходили такія эволюціи, что я чуть было не лопнулъ со смѣху. Огромные усы шевелились, глаза прыгали изъ стороны въ сторону, а хохолъ на головѣ стоялъ почти дыбомъ.

– Змилуйся, пане капитане! завопилъ онъ наконецъ: куда дѣвать мнѣ цѣлую роту?

– Найдемъ для всѣхъ мѣсто.

– Но разсудите сами.....

– Эхъ, панъ Дубицкій! перервалъ я, развязывая шарфъ и снимая мою саблю: военные люди не разсуждаютъ; дѣлай то, что приказано, вотъ и все тутъ.

– Іезусъ, Марія! продолжалъ хозяинъ. Помѣстить цѣлую роту!.... Да какимъ же способомъ? я самъ съ больной моей женою живу только въ трехъ комнатахъ.

– Полно, такъ ли? сказалъ я. Домъ-то, кажется у васъ великъ?

– Якъ Пана Бога кохамъ! ну, мало ли мызъ, и лучше и просторнѣе моей? И кому въ голову пришло.....

– А вотъ, перервалъ я, панъ Дубицкій, какъ мы выпьемъ съ вами рюмки по двѣ Венгерскаго, такъ я скажу, кому пришло въ голову занять вашу мызу.

– Въ моментъ, пане, въ моментъ! Эй, хлопецъ!

– Не безпокойтесь, сказалъ я, подходя къ столу, на которомъ стояли двѣ бутылки вина, и нѣсколько порожнихъ и налитыхъ рюмокъ. Съ насъ будетъ и этого: до васъ, пане!

Хозяинъ примѣтнымъ образомъ смѣшался, и когда вошелъ слуга, то онъ, пошептавъ ему что-то наухо̀, сказалъ, обращаясь ко мнѣ: – Въ самомъ дѣлѣ!..... А я было совсѣмъ забылъ, что отвѣдывалъ сейчасъ съ моимъ экономомъ это вино, которое вчера купилъ въ Краковѣ. Ну, что вы о немъ скажете?

Славное вино! Настоящее Венгерское! Ну, пане Дубицкій, продолжалъ я, выпивъ еще рюмку: теперь я вамъ скажу, кому пришло въ голову занять вашу мызу. Полковая квартира простоитъ у васъ день, много два. Но наша полковница останется здѣсь жить, и, на долго ли, этого сказать вамъ не могу. Ей въ Краковѣ такъ много наговорили хорошаго объ этой мызѣ, что она хочетъ непремѣнно у васъ погостить.

– Барзо дзѣнкую за гоноръ! сказалъ хозяинъ. Но я желалъ бы знать, кто расхвалилъ вашей полковницѣ Бялый Фольваркъ? ужъ вѣрно злодѣи мои, панъ маршалокъ, панъ Замборскій, панъ Кленовичь..... Нѣхъ ихъ вшисцы дьябли везмо!

– А чтожъ? мнѣ кажется, они говорили правду?

– А бондзь же ласковъ, змилуйся, пане капитане! вскричалъ отчаяннымъ голосомъ хозяинъ. Гдѣ будетъ жить ваша полковница? Во всемъ верхнемъ этажѣ отдѣланы только три комнаты, въ которыхъ я самъ коекакъ помѣщаюсь. Конечно внизу покоевъ довольно, но я не знаю, можно ли будетъ и вамъ въ нихъ ночевать.

– А почему же нѣтъ? –

– Эхъ, мосъ пане добродзѣю! то кара Боска, если, далибугъ, такъ! Я и самъ, лишь только женѣ моей сдѣлается лучше, переѣду въ Краковъ, и ужъ вѣрно этотъ домъ никогда не будетъ отдѣланъ.

– Но отъ чего же? спросилъ я съ невольнымъ любопытствомъ.

– О, пане капитане!..... вы человѣкъ военный, такъ можетъ статься мнѣ не повѣрите.

– Да что такое?

– Слыхали ли вы когда-нибудь о пану Твардовскомъ?

– О пану Твардовскомъ? повторилъ я, и только хотѣлъ-было сказать, что нѣтъ, какъ вспомнилъ, что читалъ однажды Русскую сказку «О храбромъ витязѣ Алешѣ Поповичѣ,» гдѣ между прочимъ говорится и о Польскомъ колдунѣ Панѣ Твардовскомъ, съ которымъ Русскій богатырь провозился цѣлую ночь. А, знаю, знаю! сказалъ я – этого пана Твердовскаго, или Твардовскаго утащили черти?

– Не только утащили, перервалъ хозяинъ, а даже протащили сквозь каменную стѣну, на которой, какъ разсказываютъ старики, долго еще послѣ того видны были кровавыя пятна.

– Собакѣ собачья и смерть, сказалъ я. Да чтожъ общаго между вашимъ домомъ и этимъ проклятымъ колдуномъ?

– А вотъ что, мосъ пане: мой домъ построенъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ зàмокъ Твардовскаго.

– Неужели? вскричалъ я, поглядѣвъ невольно вокругъ себя.

– Далибугъ, такъ! продолжалъ хозяинъ. А что всего хуже, такъ это то, что весь нижній этажъ моего дома построенъ изъ развалинъ стараго замка.

— Вотъ что! прошепталъ я сквозь зубы. Да вѣдь впрочемъ, прибавилъ я, это было уже давно.

— Конечно, давно, пане капитане; да отъ этого мнѣ не легче. Каждую пятницу, около полуночи, въ нижнемъ этажѣ моего дома поднимается такая возня, что стѣны трясутся.

— Каждую пятницу?

— Да. Говорятъ, что въ этотъ самый день черти продернули пана Твардовскаго сквозь стѣну, и утащили къ себѣ въ преисподнюю. Эта стукотня продолжается иногда цѣлую ночь: всѣ окна освѣтятся, начнется ужасный вой, — потомъ сдѣлается опять темно, — а тамъ снова разольется по всему нижнему этажу такой свѣтъ, что можно снаружи видѣть все, что дѣлается внутри.

— А чтожъ тамъ дѣлается? спросилъ я, стараясь казаться равнодушнымъ.

— Однажды только, отвѣчалъ хозяинъ, мой прежній экономъ рѣшился заглянуть туда съ надворья, да видно увидѣлъ такія страсти, что у него языкъ отнялся, — а когда онъ сталъ опять говорить, такъ ничего нельзя было понять изъ его словъ.

— Отъ чего же?

— Отъ того, что онъ былъ въ жестокой горячкѣ.

— Ну, а когда выздоровѣлъ?

— Да онъ не выздоровѣлъ, а на третій день умеръ.

— Вотъ что! повторилъ я опять сквозь зубы, и что-то похожее на лихорадочную дрожь пробѣжало по моимъ членамъ. Но вѣдь вы говорите, продолжалъ я, помолчавъ нѣсколько времени: что это бываетъ только по пятницамъ?

— Такъ, пане добродзѣю! Да вѣдь сего-дня пятница.

— Въ самомъ дѣлѣ!..... и у васъ въ верхнемъ этажѣ нѣтъ ни одной свободной комнаты?

— Далибугъ, нѣтъ! кромѣ спальни моей жены, этой гостиной, гдѣ живутъ ея резиденки, и столовой, гдѣ

сплю я, нѣтъ ни одного жилаго покоя. Но если, прибавилъ съ насмѣшливой улыбкою Полякъ, панъ капитанъ боится.....

– Если я боюсь?..... боюсь!.....

И это говоритъ Польскій панъ Русскому офицеру!..... Ухъ, батюшки! такъ меня варомъ и обдало!..... Мнѣ, офицеру Астраханскаго гренадерскаго полка испугаться колдуна! И добро бы еще Русскаго!..... Ахъ, чортъ возьми! да если бъ самъ сатана въ Польскомъ контушѣ явился передо мною, такъ я и тогда бы скорѣе умеръ, чѣмъ на вершокъ отъ него попятился.

– Извините, панъ Дубицкій, сказалъ я вставая: я не боюсь ни пана Твардовскаго, ни пана чорта, ни живыхъ, ни мертвыхъ, и ночую сегодня въ вашемъ нижнемъ этажѣ.

– Какъ угодно! По крайней мѣрѣ я васъ предупредилъ, и если что-нибудь случится.....

– Не безпокойтесь! и у меня и у моего казака, есть по парѣ пистолетовъ и по саблѣ: такъ живыхъ мертвецовъ мы не боимся, а съ нечистой силой справиться не трудно. Не погнѣвайтесь, – вѣдь мы не по-Латьни читаемъ наши молитвы. Прикажите мнѣ показать мою комнату.

– Въ моментъ, пане! Да не угодно ли вамъ чего покушать?

– Благодарю! Я не ужинаю, а если позволите, возьму съ собою эту бутылку Венгерскаго, и разопью ее за упокой души вашего Твардовскаго. Только не совѣтую ему мѣшать мнѣ спать: мы, Русскіе, незваныхъ гостей не любимъ.

Хозяинъ проводилъ меня до передней, въ которой, къ удивленію моему, я нашелъ казака въ большомъ ладу съ людьми Дубицкаго: онъ потягивалъ съ ними предружески горѣлку, и, судя по двумъ полуштофамъ, изъ которыхъ одинъ ужъ былъ пустъ, а въ другомъ оставалось вина только на донышкѣ, не трудно было

догадаться, что они порядкомъ угостили Ермило
я еще болѣе увѣрился въ этомъ, когда онъ, вскоч
съ скамьи, началъ хвататься за стѣну, чтобъ не упа
мнѣ въ ноги. Ну, плохой же будетъ у меня товари
подумалъ я. Но дѣлать было нечего! Одинъ слуга
шелъ впередъ со свѣчей, а двое повели съ лѣстни
казака, который, не смотря на мое присутствіе, б
престанно лобызался съ своими провожатыми, бла
даря ихъ за дружбу и угощеніе.

Когда мы спустились съ лѣстницы, слуга, котор
шелъ впереди, отперъ огромнымъ ключемъ толст
двери, и мы вошли въ большую комнату со сводам
Я нехотя замѣтилъ, что провожатые мои робко посм
тривали во всѣ стороны, и съ примѣтнымъ безпоко
ствомъ прислушивались къ шелесту собственныхъ п
говъ своихъ; онъ раздавался подъ сводами обш
ныхъ комнатъ, сырыхъ и мрачныхъ, какъ церко
ные подземные склепы: не доставало только гробов
чтобъ довершить это сходство. Мы вошли наконе
въ одну угольную комнату, которая болѣе другихъ н
ходила на жилой покой. Множество фамильныхъ по
третовъ по стѣнамъ, дюжины двѣ стульевъ, обит
черной кожею канапе, кровать съ шелковымъ пол
гомъ, большіе стѣнные часы и дубовый столъ, на к
торый слуга поставилъ свѣчу, а я бутылку Венгерск
го, – составляли все убранство моей опочивальни. Сл
ги, пожелавъ мнѣ спокойной ночи, вышли вонъ.

Не стыдно ли тебѣ, Ермиловъ? сказалъ я казаку, к
торый, прислонясь къ стѣнѣ, старался какъ мож
бодрѣе стоять передо мною. Ну выпилъ бы стакан
другой! - а то посмотри, какъ натянулся!

– Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! пробормотал
казакъ: прикажите, по одной дощечкѣ пройду.

– Молчи, скотина!

– Слушаю, ваше благородіе!

– Гдѣ мои пистолеты?

– Въ чушкахъ, ваше благородіе!

– И ты оставилъ ихъ тамъ, на конюшнѣ?

– Ничего, ваше благородіе! Народъ здѣсь честной; все будетъ цѣло.

– Подай мнѣ свои!

– Казакъ вынулъ изъ за пояса свои пистолеты, и, подавая мнѣ, сказалъ: – Да извольте осторожнѣе, они заряжены пулями: знатные пистоли! Ужъ здѣшніе люди ими любовались, любовались!.....

– Хорошо! пошелъ, ложись, вонъ, на это канапе! Да постарайся выспаться проворнѣе, пьяница!

Казакъ, пробираясь вдоль стѣны, дотащился до канапе, прилегъ, и въ ту же минуту захрапѣлъ; а я, взялъ свѣчу, и прежде всего осмотрѣлъ двери моей комнаты: онѣ запирались снаружи, а внутри не было ни крючка, ни задвижки. Это обстоятельство мнѣ очень не понравилось, но дѣлать было нечего. Притворивъ какъ можно плотнѣе двери, я взглянулъ мимоходомъ на почернѣвшіе отъ времени портреты, которыми увѣшаны были всѣ стѣны. Во всю жизнь мою я не видывалъ такого подбора звѣрскихъ и отвратительныхъ лицъ. Бритыя головы съ хохлами, отвислые подбородки, нахмуренныя брови, усы, какъ у Сибирскихъ котовъ, – ну, словомъ, что портретъ, то рожа, и одна другой отвратительнѣе! – Ай да, красавцы! подумалъ я: ну, если домовые, которые изволятъ здѣсь пошаливать, не красивѣе ихъ, такъ признаюсь!..... Болѣе всѣхъ поразилъ меня портретъ какого-то святочнаго пугала, съ золотою цѣпью на шеѣ, въ черномъ балахонѣ и въ высокой четырехсторонней шапкѣ. Его сухое и блѣдное лицо, зачесанные къ низу усы и, выглядывающіе изъ-подъ навислыхъ бровей, косые глаза, были такъ безобразны, что я въ жизнь мою ничего гаже не видывалъ. Внизу на золоченой рамѣ было

написано имя пана Твардовскаго. Такъ вотъ онъ! вскричалъ я невольно: ну, хорошъ голубчикъ! И онъ же приходитъ съ того свѣта людей пугать! Ахъ, ты, чортова чучела! – примолвилъ я, плюнувъ на портретъ. Да небось! меня не испугаешь, еретикъ проклятый! – Не знаю почему, но я не чувствовалъ въ себѣ ни какой робости; мнѣ казалось, что въ Польшѣ и черти должны бояться Русскаго офицера; а притомъ разсказъ моего хозяина хотя и произвелъ на меня нѣкоторое впечатлѣніе, но я зналъ, что Поляки любятъ при случаѣ отпустить красное словцо, и сдѣлать изъ мухи слона. Впрочемъ, думалъ я, принимаясь за бутылку Венгерскаго: если и въ самомъ дѣлѣ нечистая сила проказитъ въ этомъ домѣ, такъ чтожъ? Пошумятъ, пошумятъ, да тѣмъ дѣло и кончится. Хорошо демону шутить съ еретикомъ, а вѣдь я православный! – Разсуждая такимъ образомъ, я скинулъ верхнее платье, положилъ подлѣ себя саблю и пистолеты, сотворилъ молитву, перекрестился, и, хлѣбнувъ еще Токайскаго, улегся на постели. Свѣтъ отъ восковаго огарка, котораго я не погасилъ, падалъ прямо на противоположную стѣну, и хотя слабо, но вполнѣ освѣщалъ нѣсколько портретовъ. Не смотря на то, что я вовсе не трусилъ, ожиданіе чего-то необычайнаго не давало мнѣ сомкнуть глазъ; по-временамъ мнѣ казалось, что всѣ эти портреты, какъ будтобы одушевлялись; что одинъ моргалъ глазами, у другаго шевелился усъ, третій кивалъ мнѣ головою, – и хотя я понималъ, что это происходило отъ того, что у меня начинало уже рябѣть въ глазахъ, а не смотря на это заснуть не могъ. На дворѣ бушевала погода, вылъ вѣтеръ, дождь лилъ какъ изъ ведра; но подлѣ меня и по комнатамъ все было тихо и спокойно. Ужъ не подшутилъ ли надо мною хозяинъ? подумалъ я. Чего добраго! эти Поляки любятъ позабавиться. Вѣстимо дѣло! когда сила не беретъ, такъ хоть чѣмъ-нибудь душу отвести. Чай, теперь онъ ду-

маетъ: «Какъ не поспитъ всю ночь, проклятый Москаль, такъ мое Венгерское-то выдетъ ему сокомъ!» Анъ — нѣтъ! брешешь, мосъ-панъ добродѣю! заспу! — Я опустилъ закинутый пологъ, и принялся думать о старинѣ, о матушкѣ Москвѣ-бѣлокаменной, о Прѣсненскихъ Прудахъ, о красномъ домикѣ съ зелеными ставнями, о моей Авдотьѣ Михайловнѣ, съ которою я былъ тогда помолвленъ, о томъ о сёмъ, — и вотъ мало-по-малу меня стало затуманивать, одолѣла дремота, и я заснулъ. Въ то самое время, какъ мнѣ снилось, что я прогуливаюсь съ моей невѣстой по Дѣвичьему Полю, какъ-будто-бы толкнули меня подъ бокъ: я проснулся. Ба, ба, ба! что такое? Кажется, въ сосѣднемъ покоѣ свѣтло? Отдернулъ пологъ, — гляжу: точно!.... Не размышляя долго, я вскочилъ съ постели, взялъ въ руку пистолетъ, и, подойдя на цыпочкахъ къ дверямъ, порастворилъ одну половинку: ну, это еще не очень страшно! — посреди комнаты стоитъ большой столъ; на столѣ огромное блюдо, накрытое чѣмъ-то бѣлымъ, а кругомъ тринадцать стульевъ. Посмотримъ, подумалъ я, кто это здѣсь собрался ужинать. — Не прошло пяти минутъ, какъ вдругъ вдали, какъ-будто-бы за версту, послышалось какое-то заунывное пѣніе: вотъ ближе, — ближе: — эге! да это никакъ поютъ за упокой? напѣвъ точно погребальный, только словъ не слышно. — Чу! всё замолкло, и вотъ опять, — да ужъ близёхонько, — какъ заревутъ!.... Господи, Боже мой, кто въ лѣсъ, кто по дрова! И вопятъ какъ надъ могилою, и насвистываютъ плясовыя пѣсни, — а содомъ-то какой! шумъ, гамъ! .... вдругъ двери въ комнату, въ которой стоялъ накрытый столъ, какъ-будто отъ сильнаго вихря, распахнулись настежь, — и полѣзли въ нихъ.... да все-то въ саванахъ, и въ бѣлыхъ колпакахъ съ наличниками! Ну, ни дать, ни взять, какъ висѣльники! Они входили попарно, а позади всѣхъ, четверо такихъ же пугалъ несли на носилкахъ мертвеца, и лишь только

эти послѣдніе перешагнули черезъ порогъ, какъ вдругъ всѣ опять завыли, а мертвецъ приподнялся, и сбросилъ съ себя бѣлую пелену, которою былъ покрытъ. Глядь! – точь-въ-точь какъ этотъ портретъ въ черномъ платьѣ; въ такой же четырехсторонней шапкѣ, на шеѣ золотая цѣпь, лице блѣдное, усы по двѣ четверти. Ахти!.... такъ и есть!.... Это колдунъ, – панъ Твардовскій! .... Ну, господа, что грѣхъ таить? – дрогнуло во мнѣ ретивое. Межъ-тѣмъ, вся эта сволочь размѣстилась по комнатѣ; одни стали рядышкомъ вдоль стѣны, другіе усѣлись за столомъ, самъ мертвецъ расположился на первомъ мѣстѣ: только противъ него одинъ стулъ остался порожній, – и вотъ, гляжу, колдунъ манитъ меня пальцемъ. – Что дѣлать? подумалъ я: итти худо, не итти стыдно: неравно еще эти Польскіе черти подумаютъ, что я ихъ трушу. Такъ и быть; смѣлымъ Богъ владѣетъ: пойду!

Не выпуская изъ руки пистолета, я подошелъ къ столу; колдунъ указалъ мнѣ, молча, на порожній стулъ. Вотъ что! Такъ, видно, я былъ въ счету? Добро, добро; посмотримъ что будетъ. Я сѣлъ. Хотя отъ времени до времени меня подиралъ морозъ по кожѣ, но я все-еще не терялъ духа; къ тому жъ, всѣ эти святочныя пугалы сидѣли такъ смирно, что можно было услышать, какъ муха пролетитъ, и даже самъ колдунъ, выпучивъ свои оловянные глаза, сидѣлъ чинно и неподвижно какъ набитая чучела. Прошло минутъ десять: все тихо; черти молчатъ, колдунъ таращитъ на меня глаза, а я посматриваю на всю честную компанію, и жду, чѣмъ дѣло кончится. Вотъ стѣнные часы въ моей спальнѣ зашипѣли; съ трескомъ завертѣлись колеса, и колокольчикъ зазвенѣлъ; разъ, два, три..... Чу! полночь. Еще двѣнадцатый звонокъ не отгудѣлъ, какъ вдругъ колдунъ зашевелилъ усами и кивнулъ головой; одинъ изъ его собесѣдниковъ всталъ, протянулъ длинную костяную руку, скорчилъ свои

крючковатые пальцы, и ухвативъ, за самую средину, ширинку, которою покрыто было блюдо, поднялъ ее къ верху.... Ухъ батюшки! И теперь не могу безъ страха вспомнить. Гляжу: на блюдѣ лежитъ человѣческая голова, — да еще какая!.... Ахъ, ты, Господи, Боже мой!... Раздутыя щеки, носъ въ два мои кулака, ротъ до ушей, глаза по ложкѣ.... ну!!! ёкнуло во мнѣ сердечко. Эко блюдо изготовили!.... Ѣшь! заревѣлъ охрипмымъ голосомъ колдунъ. Ѣшь! повторила хоромъ вся нечистая сила. Ой, ой, ой! плохо дѣло! Хочу встать, ноги подгибаются; хочу творить молитву, языкъ не шевелится. А черти и колдунъ вотъ такъ и палятъ меня глазами! Наконецъ, я кое-какъ промолвилъ: «Чуръ меня, чуръ! Да воскреснетъ Богъ!....» И чтожъ? Голова зашевелилась, начала дразнить меня языкомъ, и защелкала зубами. Ахти! и молитва не беретъ! Худо! Не помню самъ, какъ мнѣ пришло въ голову, — отъ страху, что ль, — только я поднялъ руку съ пистолетомъ, почти уперъ его въ эту чортову башку, взвелъ курокъ,.... бацъ! Не тутъ-то было!.... Всѣ черти захохотали, а голова раскрыла огромную пасть, и, словно изъ бочки, какъ грянетъ басомъ Польскую мазурку! — ну!.... руки у меня опустились; въ глазахъ запестрѣло, все вокругъ пошло ходуномъ, въ ушахъ поднялся звонъ, столъ запрыгалъ, черти завертѣлись какъ кубари, и я упалъ безъ памяти на полъ.

Не знаю, долго ли я пролежалъ безъ чувствъ, но какъ очнулся, такъ еще было темно. На дворѣ ревѣла гроза, но въ комнатахъ опять все затихло. Стола нѣтъ, свѣчей также: только въ спальнѣ чуть-чуть теплился догорающій огарокъ. Не скоро я образумился: да ужъ за то, лишь только вспомнилъ, что со мною было, то откуда прыть взялась!.... Мигомъ одѣлся, растолкалъ Ермилова, потащилъ его за собою въ конюшню, разбудилъ панскихъ конюховъ, и черезъ полчаса ѣхалъ ужъ опять по лѣсу. Къ свѣту, мы добрались до

лагеря, и явясь къ моему полковнику, я такъ его перепугалъ, что онъ тотъ же часъ послалъ за полковымъ лекаремъ: на мнѣ лица не было! Мартынъ Адамычъ пощупалъ мой пульсъ, объявилъ, что у меня жестокая горячка, прописалъ лекарство; я его не принялъ, проспалъ почти цѣлыя сутки, и черезъ два дня отправился опять искать дачи для нашей полковницы.

— И съ тѣхъ поръ вы никогда не встрѣчались съ паномъ Дубицкимъ? Спросилъ Заруцкій.

— Нѣтъ, Алексѣй Михайловичъ! слышалъ только, что у него на дачѣ, передъ самымъ концемъ кампаніи, захватили цѣлую партію конфедератовъ, и что послѣ небольшой драки этихъ господъ съ однимъ изъ нашихъ летучихъ отрядовъ, казаки, взявъ хозяина и многихъ изъ его товарищей въ плѣнъ, сожгли и разорили до основанія Бялый Фольваркъ.

— А какъ вы думаете, Антонъ Ѳедоровичъ! перервалъ съ улыбкою Черемухинъ: ужъ вѣрно въ числѣ этихъ плѣнныхъ конфедератовъ было нѣсколько бѣсовъ, а можетъ-быть, и самъ колдунъ Твардовскій попался въ руки къ казакамъ.

— Вотъ ужъ этого, батюшка, не знаю! отвѣчалъ хладнокровно Кольчугинъ, набивая свою трубку.

— То есть, Александръ Дмитріевичъ, сказалъ хозяинъ, ты хочешь намѣкнуть, что эту ночную комедію сыграли съ нашимъ пріятелемъ панъ Дубицкій и его гости, для того, чтобъ отдѣлаться отъ постоя, не правда ли?

— Что вы, что вы! вскричалъ Черемухинъ. Да это мнѣ и въ голову не приходило! Ужъ я вамъ докладывалъ, что я всему на свѣтѣ вѣрю. Еслибъ это проказили Поляки, такъ голова бы не запѣла басомъ, когда въ нее выстрѣлилъ, Антонъ Ѳедоровичъ, изъ пистолета. Правда, у пьянаго казака не трудно было разрядить пистолеты; но вѣдь одна догадка не доказатель-

ство, и, потому, всего вѣрнѣе, что тутъ замѣшалась нечистая сила.

— Ты забавляешься любезный, перервалъ Заруцкій: а я такъ скажу вамъ, почтенный Антонъ Ѳедоровичъ, безъ всякихъ обиняковъ, что васъ одурачили Поляки: имъ нужно было какъ-нибудь избавиться отъ постоя. А чтобъ одѣться въ маскарадныя платья, просунуть голову сквозь прорѣзанный столъ и блюдо, и разрядить пистолеты пьянаго казака, такъ,— воля ваша! — на это не много надобно хитрости. Знаете ли что?. Я, на вашемъ мѣстѣ, самъ бы порядкомъ надъ ними позабавился. Вамъ стоило только притвориться, что вы хотите отвѣдать блюда, которымъ васъ потчуютъ, и если бъ вы одной рукой схватили эту жаренную голову за носъ, а въ другую взяли бы столовый ножъ, такъ, я васъ увѣряю, она не запѣла бы басомъ мазурку, а развѣ протанцовала на своемъ блюдѣ. Эхъ Антонъ Ѳедоровичъ, такъ ли еще обманываютъ честныхъ людей, когда это надобно! Вотъ и со мной былъ однажды случай, который хоть кого бы свелъ съ ума....

— Съ тобою? перервалъ съ любопытствомъ хозяинъ. Когда это?

— Лѣтъ семь тому назадъ, когда я носилъ еще гусарскій мундиръ, и былъ съ моимъ полкомъ въ Италіи.

— Съ Суворовымъ?

— Да, дядюшка! Если хотите, я разскажу вамъ объ этомъ. Слушайте.

=

Въ сраженіи при Нови, гдѣ Русскія и Австрійскія войска, подъ начальствомъ Суворова, разбили на голову Французовъ, я находился съ моимъ эскадрономъ при отрядѣ, которымъ командовалъ любимецъ Суворова, Генералъ Милорадовичъ: въ ту самую минуту, какъ онъ повелъ впередъ свою колонну, чтобъ атако-

вать центръ непріятельской арміи, убило подо мною ядромъ лошадь, и я получилъ такую сильную контузію, что нѣсколько часовъ сряду пролежалъ безъ памяти. Послѣ сраженія, меня отправили сначала въ небольшой городокъ Акви, а потомъ перевезли въ Туринъ, гдѣ я пролежалъ болѣе двухъ недѣль въ постелѣ. Я довольно хорошо говорю по-Италіянски, и могъ изрѣдка бесѣдовать съ моимъ хозяиномъ; но, не смотря на это, умиралъ отъ скуки и тоски. Когда мнѣ сдѣлалось легче, и я сталъ прохаживаться по комнатѣ, то мнѣ посовѣтовали лечиться за городомъ. Это было въ концѣ Августа мѣсяца; жары стояли несносные, и я самъ чувствовалъ, что свѣжій деревенскій воздухъ необходимъ для возстановленія моего здоровья. Австрійскій комендантъ отвелъ мнѣ прекрасную квартиру верстахъ въ десяти отъ города, на дачѣ синьора Леонардо Фразелини, богатаго Туринскаго купца. Я послалъ туда передовымъ моего деньщика съ квартирнымъ билетомъ; а самъ на другой день ранехонько поутру отправился въ наемной каретѣ, и, остановясь на минуту полюбоваться великолѣпной площадью Св. Карла, выѣхалъ, черезъ предмѣстье Борго-ди-По, за городъ.

Я никогда не бывалъ въ южной Италіи; но если въ ней климатъ и Природа лучше, чѣмъ въ Піемонтѣ, такъ ужъ подлинно можно ее назвать земнымъ раемъ и цвѣтникомъ всей Европы. Трудно и живописцу дать намъ ясное понятіе объ этой яркой зелени полей, усыпанныхъ благовонными цвѣтами, объ этихъ темносинихъ и въ то же время прозрачныхъ небесахъ Италіи: такъ мнѣ нечего и говорить съ вами объ этомъ. Вы, дядюшка, бывали на Кавказѣ и въ Крыму: слѣдовательно, лучше другаго поймете, съ какимъ восторгомъ смотрѣлъ я на это безоблачное южное небо и цвѣтущія окружности города, усѣянныя рощами шелковыхъ деревьевъ. Мы, дѣти Сѣвера, воспитанныя среди об-

ширныхъ полей и дремучихъ лѣсовъ нашей родины, привыкли, съ ребячества, любить раздолье и просторъ: такъ вы можете себѣ представить, какъ я обрадовался, когда выѣхалъ за городъ, и могъ свободно дышать этимъ животворнымъ деревенскимъ воздухомъ, напитаннымъ ароматами цвѣтовъ. Я не успѣлъ отъѣхать двухъ верстъ отъ заставы, какъ почувствовалъ въ себѣ такую перемѣну, что готовъ былъ хоть сейчасъ на коня, – саблю вонъ, – и въ атаку. Мнѣ было такъ легко, такъ весело..... О, безъ всякаго сомнѣнія, противоположности необходимы для нашего земнаго счастія! Если бы я не просидѣлъ нѣсколько недѣль въ тѣсной комнатѣ, въ которой, какъ въ аптекѣ, все пропахло лекарствомъ; если бъ мрачный и узкій переулокъ, въ который никогда не заглядывало солнышко, не былъ единственнымъ видомъ, коимъ я любовался изъ моихъ оконъ; то врядъ ли бы въ жизни моей нашлось нѣсколько часовъ сряду совершеннаго, не отравленнаго ничѣмъ благополучія. Миновавъ потѣшный дворецъ, называемый Королевскимъ Виноградникомъ, я выпрыгнулъ изъ кареты, и пошелъ пѣшкомъ. Мой жадный взоръ обѣгалъ свободно и унизанные загородными домами, холмистые берега рѣки По, и обширную равнину, которая оканчивалась къ сѣверу высокими Піемонтскими горами. Вблизи, съ правой стороны, на Капуцинской Горѣ, возвышалась готическая церковь монастыря; позади, еще выше, сквозь темную зелень оливковыхъ деревъ, бѣлѣлись зубчатыя стѣны Камальдульской Пустыни; а прямо передо мною, вдали, прорѣзывая утренній туманъ, плавалъ, какъ на облакахъ, огромный куполъ Суперги, сей знаменитой соперницы колосальнаго Петра и Павла въ Римѣ. Съ каждымъ шагомъ впередъ, горизонтъ расширялся, и я, очарованный живописными видами, которые слѣдовали безпрерывно одинъ за другимъ, не замѣтилъ, какъ прошелъ верстъ пять передъ моей каретою: она

тащилась за мною шагомъ по большой дорогѣ. Э, ге! синьоръ уфиціале! синьоръ уфиціале! закричалъ мой кучеръ: маледето! синьоръ уфиціале! – Я обернулся: карета стояла у самаго въѣзда въ тѣнистую аллею изъ пирамидальныхъ тополей: шагахъ въ двухъ стахъ отъ большой дороги она примыкала къ густой каштановой рощѣ. Я воротился, и, продолжая итти пѣшкомъ впереди кареты, въ нѣсколько минутъ достигъ до рощи, и потомъ, прямой просѣкою, вышелъ опять на открытое мѣсто, котораго сельскій и спокойный видъ такъ мнѣ понравился, что я остановился на минуту имъ полюбоваться. Представьте себѣ широкую долину, посреди которой змѣилась излучистая рѣчка, огибая въ своемъ теченіи нѣсколько высокихъ холмовъ, поросшихъ сплошнымъ кустарникомъ; она вливалась въ свѣтлое озеро съ покатыми берегами, которые безъ всякаго преувеличенія можно было назвать Персидскими коврами: такъ они были испещрены безчисленнымъ множествомъ самыхъ яркихъ и разнообразныхъ цвѣтовъ! Прямо противъ каштановой рощи, изъ которой я вышелъ, на самомъ берегу озера, проглядывалъ сквозь померанцевыя деревья и густые кусты благовонной акаціи, одноэтажный домъ, съ плоскою кровлею и красивымъ портикомъ; гибкія виноградныя лозы обвивались около колоннъ, которыя поддерживали мраморный фронтонъ, и на всѣхъ окнахъ стояли фарфоровыя вазы съ цвѣтами. Позади дома, во всю ширину двора, тянулся длинный флигель съ широкими Италіянскими окнами. Лицевой его фасадъ былъ обращенъ на дворъ, а противуположная сторона выходила въ садъ, который окружалъ, съ трехъ сторонъ, и домъ и всѣ принадлежащія къ нему строенія. Отъ самой каштановой рощи начинался обширный лугъ, по которому извивалась рѣчка, впадающая въ озеро. Пять, шесть крестьянскихъ избъ, красивая мельница на ручьѣ, нѣсколько коровъ и рѣз-

выхъ козъ, разсыпанныхъ по лугу, и миловидная дѣвушка, которая, зачерпнувъ воды, несла ее на ту пору въ глиняномъ кувшинѣ на своей головѣ, оживляли сію сельскую, исполненную прелести картину. — Да это настоящая Идиллія въ лицахъ! вскричалъ я невольно, посмотрѣвъ вокругъ себя: жаль только, что недостаетъ пастуха и пастушки. Ага! да вотъ и они, —продолжалъ я, увидѣвъ, подъ однимъ кустомъ, молодаго человѣка, который сидѣлъ на травѣ, рядомъ съ дѣвушкою лѣтъ шестнадцати. Они оба были одѣты просто, по-деревенскому, но отмѣнно щеголевато, и если бы соломенная шляпка, въ которой была дѣвушка, попалась въ Москву, на Кузнецкій Мостъ, такъ, увѣряю васъ, она недолго бы залежалась въ модномъ магазинѣ. Молодой человѣкъ былъ недуренъ собою, а его подруга..... О, такое миловидное, выразительное лице, такіе черные пламенные глаза можно встрѣтить въ одной Италіи!

— Позвольте спросить, сказалъ я, подойдя къ этимъ нѣжнымъ голубкамъ, которые о чемъ-то въ полголоса ворковали межъ собою: вѣдь это дача синьора Фразелини?

Дѣвушка вскрикнула, ударилась бѣжать, и прежде чѣмъ я успѣлъ окончить мой вопросъ, и слѣдъ ея простылъ. Молодой человѣкъ также смутился, но отвѣчалъ очень вѣжливо: — Точно такъ, синьоръ уфиціале! Это помѣстье принадлежитъ синьору Леонарду Фразелини: если угодно, я васъ провожу до дому.

Я пошелъ вслѣдъ за нимъ по берегу рѣчки, а карета поѣхала по дорогѣ, которая шла прямо черезъ лугъ на широкую плотину, устроенную повыше мельницы. Когда мы перешли черезъ ручей по красивому Китайскому мостику, я спросилъ молодаго человѣка, не сынъ ли онъ помѣщика.

-- Извините, синьоръ уфиціале! отвѣчалъ онъ: я Корнеліо Аницети, родной его племянникъ.

– А красавица, съ которой вы сидѣли подъ кустомъ: вѣрно сестра ваша?

Смуглыя щеки Корнелія вспыхнули. – Нѣтъ! сказалъ онъ отрывисто. Это камеріера моей тетки.

– Неужели? Она такъ хорошо одѣта, что я подумалъ..... А какъ зовутъ эту прекрасную служаночку?

– Челестиною.

– Она очень мила.

Корнеліо посмотрѣлъ на меня пристально, и, признаюсь, для моего самолюбія пріятно было замѣтить, что этотъ инспекторскій смотръ не очень его успокоилъ. – Да! сказалъ онъ наконецъ: это правда, Челестина мила, но она очень дика, и, сверхъ того, – извините, синьоръ уфиціале, – терпѣть не можетъ иностранцевъ. Но вотъ и дядюшка идетъ къ намъ навстрѣчу! прибавилъ онъ, указывая на человѣка пожилыхъ лѣтъ, съ пріятною и почтенною наружностью.

Хозяинъ принялъ и обласкалъ меня какъ роднаго, а жена его, синьора Аурелія, долго не могла опомниться отъ удивленія при видѣ варвара, Русскаго, который отпустилъ ей съ полдюжины комплиментовъ на самомъ чистомъ Тосканскомъ нарѣчіи. Въ продолженіе всего дня, я не видалъ никого, кромѣ моихъ хозяевъ, ихъ племянника, проворнаго слуги Убальдо и безобразной старухи, которую называли Петронеллою. Подвечеръ, когда мы всѣ сидѣли въ одной комнатѣ, которой окна были обращены на дворъ, появилась наконецъ Челестина. Она усѣлась смирнехонько въ одномъ углу, на низенькой скамейкѣ, и такъ занялась какимъ-то рукодѣльемъ, что я не могъ даже полюбоваться ея черными глазами: она ни разу не подняла ихъ къ верху. Разговаривая со мною, синьора Аурелія, сказала, между прочимъ, что она не знаетъ,

понравится ли мнѣ приготовленная для меня комната. Вамъ надобенъ покой, говорила она, а ваша горница рядомъ съ нашей спальнею: мы встаемъ очень рано, и можемъ васъ потревожить.

– О, что касается до меня, отвѣчалъ я, обо мнѣ не хлопочите! Я боюсь только, чтобъ мнѣ васъ не безпокоить. Да нѣтъ ли въ этомъ флигелѣ лишней комнаты? продолжалъ я, указывая на длинное строеніе съ Италіянскими окнами.

– Въ немъ всѣ комнаты свободны, сказалъ хозяинъ: да онъ и выстроенъ для моихъ гостей; но, съ нѣкотораго времени.....

Тутъ синьоръ Фразелини остановился, и, взглянувъ значительно на жену свою, замолчалъ.

– Съ нѣкотораго времени? повторилъ я. А что такое?....

– Въ немъ никто не живетъ.

– А для чего?

– Да какъ бы вамъ сказать? Вѣдь вы, господа военные, ничему не вѣрите! Въ этомъ флигелѣ поселились нечистые духи.

Я засмѣялся.

– Смѣйтесь, синьоръ уфиціяле, смѣйтесь; а это точно такъ же правда, какъ то, что я имѣю честь говорить съ вами объ этомъ. Мѣсяца два тому назадъ замѣтили, что во флигелѣ бываетъ по ночамъ какой-то странный шумъ, и раздаются жалобные стоны. Но это бы еще ничего: почти каждую ночь, часу въ двѣнадцатомъ, иногда ранѣе, иногда позже, по всему флигелю ходитъ высокое бѣлое привидѣніе съ фонаремъ въ рукахъ. Я самъ нѣсколько разъ видѣлъ, вотъ изъ этой комнаты, какъ оно прогуливается взадъ и впередъ мимо всѣхъ оконъ.

– И вамъ ни разу не приходило въ голову, перервалъ я, что это проказитъ какой-нибудь шалунъ?

— Какъ не приходитъ! Но тутъ есть одно обстоятельство, которое разрушаетъ всѣ мои догадки. Надобно сказать, что комнаты въ этомъ флигелѣ расположены точно такъ же, какъ кельи въ монастырѣ. Во всю его длину устроенъ длинный коридоръ, изъ котораго десятью дверьми входятъ въ столько же особыхъ комнатъ, отдѣленныхъ одна отъ другой капитальными стѣнами, и чтобъ перейти изъ одной комнаты въ другую, необходимо надобно выйти прежде въ коридоръ. Вы завтра можете во всемъ этомъ увѣриться сами. Теперь прошу васъ растолковать мнѣ, какимъ образомъ обыкновенный человѣкъ, а не духъ, или привидѣніе, будетъ расхаживать во всю длину флигеля, мимо оконъ, не останавливаясь ни на минуту, идя ровнымъ шагомъ, — словомъ, прогуливаясь свободно взадъ и впередъ, какъ по одной длинной галереѣ, въ которой нѣтъ ни какихъ перегородокъ? Тутъ, кажется, долго разсуждать нечего: или между комнатъ есть прямое сообщеніе, или ни какія преграды для него не существуютъ, и онъ проходитъ сквозь капитальную стѣну точно такъ же, какъ мы въ растворенныя двери. Ни какихъ сообщеній и дверей между комнатъ нѣтъ: въ этомъ, повторяю еще разъ, вы сами можете завтра увѣриться, — слѣдовательно этотъ ночной посѣтитель ни проказникъ, ни шалунъ, а просто или нечистый духъ, или неотпѣтый мертвецъ, или, что всего вѣрнѣе, какая нибудь Христіанская душа, которая страдаетъ въ чистилищѣ и нуждается въ нашихъ молитвахъ. Здѣсь всѣ увѣрены, что это душа бѣднаго Паоло, бывшаго моего садовника, который прошлую зиму удавился въ этомъ флигелѣ. Сначала, насъ это очень тревожило, но теперь мы уже привыкли: впрочемъ, до сихъ поръ кромѣ племянника никто не вызывался переночевать въ этомъ флигелѣ. Правда, и ему это даромъ не прошло: привидѣніе, точно такъ же, какъ и всегда, прогуливалось по комна-

тамъ, а онъ до того напугался, что всю ночь пролежалъ безъ памяти.

Въ продолженіе сего разсказа, я замѣтилъ двѣ вещи: во-первыхъ то, что племянникъ хозяина вспыхнулъ, когда рѣчь дошла до него; а во-вторыхъ, что хотя синьоръ Фразелини и синьора Аурелія твердо были увѣрены, что въ ихъ флигелѣ поселились жители не нашего міра, но что, не смотря на это, въ одной съ нами комнатѣ, кромѣ меня, были еще люди, которые не очень этому вѣрили. Я сидѣлъ противъ большаго зеркала: въ немъ отражалось все, что было у меня за спиною, то есть, и вся противоположная стѣна, и двери, подлѣ которыхъ стоялъ слуга Убальдо, и уголокъ, въ которомъ сидѣла красавица Челестина. Раза два я подмѣтилъ, что ихъ взгляды встрѣчались межъ собою, и что слѣдствіемъ этой встрѣчи была всегда какая-то значительная улыбка, которую разгадать было вовсе нетрудно. Ну! подумалъ я, побьюсь объ закладъ, что эта плутовка, Челестина, знаетъ лучше своихъ господъ, какъ мертвецы проходятъ сквозь капитальныя стѣны. Поговоривъ еще нѣсколько времени объ этомъ странномъ случаѣ, я простился съ моими хозяевами, и отправился къ себѣ въ комнату. Отъ перемѣны мѣста или отъ чего другаго, только мнѣ вовсе не спалось. Изъ комнаты моей можно было видѣть весь флигель. Вотъ эдакъ немного за полночь, одно окно во флигелѣ освѣтилось: я вскочилъ съ постели, и точно видѣлъ своими глазами, что какое-то привидѣніе въ бѣломъ саванѣ, съ фонаремъ въ рукахъ, прошло раза три вдоль всего флигеля мимо самыхъ оконъ, и не останавливаясь ни на одну минуту. Что это былъ обманъ, я не сомнѣвался; что причины этого обмана были самыя земныя, и въ этомъ я былъ также увѣренъ; но, какъ это происходило, и въ чемъ состоялъ сей оптическій обманъ, — вотъ ужъ этого я не могъ никакъ постигнуть! Я думалъ, думалъ, и если приви-

дѣніе меня не напугало, все-таки по милости его я не могъ заснуть во всю ночь. Не видя ни какой пользы вертѣться съ боку на бокъ, я съ первымъ свѣтомъ всталъ съ постели, одѣлся, и пошелъ гулять по саду. Утренняя заря начинала только заниматься, всѣ въ домѣ спали, кромѣ вашего покорнаго слуги и какой-то ранней пташечки, которая пропорхнула мимо меня въ ту самую минуту, какъ я сталъ подходить къ садовой сторонѣ флигеля. Ага! подумалъ я: вотъ что! Если бъ въ этихъ комнатахъ не поселились нечистые духи, такъ жили бы люди: понимаю!.... Ну, господинъ Корнеліо, порядкомъ же вы морочите вашего дядюшку!

Весь этотъ день провелъ я, по-прежнему, съ моими добрыми и любезными хозяевами; думалъ о моей утренней встрѣчѣ, о бѣломъ привидѣніи, и наконецъ какъ будто бы попалъ на истинный путь. Мнѣ оставалось увѣриться, справедливы ли мои догадки, и въ то же время, не дѣлая вреда никому, избавить, если можно, моего гостепріимнаго хозяина отъ этихъ ночныхъ посѣщеній. Послѣ ужина, я заперся въ своей комнатѣ, и часу въ двѣнадцатомъ ночи, завернувшись съ головы до ногъ въ бѣлую простыню, прокрался потихоньку въ садъ, и подошелъ къ флигелю. Представленіе ужъ началось: хотя я зашелъ не съ той стороны, но отгадалъ это потому, что двери были отперты, и что, на дворѣ, полусонный сторожъ началъ громкимъ голосомъ творить молитву. Я потихоньку взобрался на лѣстницу, и спрятался въ темномъ углу коридора. Черезъ минуту всѣ догадки мои оправдались. Постойте же, господа артисты! сказалъ я про себя: васъ надобно такъ пугнуть, чтобъ вамъ и въ голову не пришло играть въ другой разъ эту комедію. Въ коридорѣ стоялъ стулъ. Я взмостился на него, опустилъ вплоть до полу мою простыню, и заохалъ такимъ нечеловѣческимъ образомъ, что почти самъ испугался. Вдругъ

изъ двухъ комнатъ выскочили два бѣлыя привидѣнія.... О, ужасъ! Точно такое же, третье привидѣніе, только гораздо огромнѣе, стоитъ передъ ними неподвижно, испуская тяжкіе могильные стоны.

– Кто ты? раздался трепещущій и весьма знакомый мнѣ голосъ.

– Молитесь за меня! проговорилъ я протяжно. Я самоубійца!..... Я грѣшникъ Паоло!.....

Батюшки мои! какъ бросились отъ меня эти два несчастныя привидѣнія!..... Они кубаремъ скатились съ лѣстницы, растеряли свои бѣлыя мантіи, и я вовсе не удивился, когда хозяинъ сказалъ мнѣ на другой день, что слуга его, Убальдо, и племянникъ, Корнеліо, оба занемогли ночью, и лежатъ въ постеляхъ. Я перешелъ во флигель, прожилъ въ немъ преспокойно два мѣсяца, и увѣряю васъ, дядюшка, что во все это время бѣлое привидѣніе ни разу не приходило ко мнѣ въ гости.

– Ну, братъ, молодецъ же ты! сказалъ Иванъ Алексѣевичъ. Только, воля твоя, я все порядкомъ въ толкъ не возьму..... Ты говоришь, что ихъ было двое..... такъ что жъ?

– А вотъ что, дядюшка. Они оба были одѣты одинакимъ образомъ, и оба съ потайными фонарями; когда одинъ изъ нихъ, начавъ итти вдоль первой комнаты, доходилъ до стѣны, которая отдѣляла ее отъ втораго покоя, то въ ту же минуту пряталъ огонь, и, ударивъ кулакомъ въ стѣну, выбѣгалъ въ коридоръ; потомъ, войдя въ третью комнату, прижимался къ стѣнѣ. Второе привидѣніе, услышавъ сигналъ, открывало свой фонарь, и начинало итти мимо оконъ до самой стѣны третьяго покоя, изъ котораго продолжало эту прогулку опять первое привидѣніе, – и такъ далѣе, до конца флигеля. Все это было у нихъ такъ ула-

жено, что всякой подумалъ бы, что мимо оконъ проходитъ одна и та же фигура, и со двора рѣшительно невозможно было замѣтить этого обмана.

– Ну, хитро придумано!..... Что и говорить; на свѣтѣ много обману. Конечно, какъ иногда не посомниться, не поразмыслить: у каждаго свой царь въ головѣ; но не вѣрить ничему, и во всемъ сомнѣваться.....

– Видитъ Богъ, грѣшно! перервалъ Кольчугинъ, раскрывъ снова свои молчаливыя уста. Покойный мой батюшка – дай Богъ ему царство небесное! – вздумалъ также однажды поумничать, да такъ-то не въ попадъ, что послѣ далъ зарокъ ни въ чемъ не сомнѣваться, и всему на свѣтѣ вѣрить.

– А что такое съ нимъ сдѣлалось? спросилъ хозяинъ.

– Да такъ, батюшка; былъ случай такой! Онъ не одинъ разъ мнѣ самъ изволилъ объ этомъ разсказывать.

– А ты, любезный, разскажи намъ.

– Разсказать не фигура; только дѣло-то такое куріозное, что того и гляди, – эти господа на зубки меня подымутъ, примолвилъ Кольчугинъ, указывая на Заруцкаго и Черемухина: да пожалуй, – чего добраго! – и покойнику батюшкѣ достанется.

– И, сударь! перервалъ я, подвигаясь къ Кольчугину: какое вамъ до нихъ дѣло! Разсказывайте.

– Да, да! подхватилъ хозяинъ. Что тебѣ на нихъ смотрѣть! Разсказывай.

– Ну, если вамъ угодно, такъ слушайте.

=

Отецъ мой былъ человѣкъ стараго вѣка, хотя, благодаря во-первыхъ Бога, а во-вторыхъ родителей, достатокъ у него былъ дворянскій, и онъ могъ бы жить не хуже своихъ сосѣдей, то есть, выстроить хоромы

саженяхъ на пятнадцати, завести псовую охоту, роговую музыку, оранжереи, и всякія другія барскія затѣи; но онъ во всю жизнь свою ни разу и не подумалъ объ этомъ: жилъ себѣ въ маленькомъ домикѣ, держалъ не болѣе десяти слугъ, охотился иногда съ ястребами, и подъ веселый часъ такъ-то, бывало, тѣшится, слушая Ваньку гуслиста, который, – не тѣмъ будь помянутъ, – попивалъ, и лихо, разбойникъ, игралъ на гусляхъ: бывало, какъ хватитъ – *Заря утренняя взошла*, или *На бережку у ставка*, такъ заслушаешься! Но если батюшка мой не щеголялъ ни домомъ, ни услугою, за то крѣпко держался пословицы – «Не красна изба углами, а красна пирогами.» И встарину, чай, такіе хлѣбосолы бывали въ диковинку! Домъ покойнаго батюшки выстроенъ былъ на самой большой дорогѣ. Вотъ, если кто-нибудь днемъ или вечеромъ остановится кормить на селѣ, то и бѣгутъ ему сказать; и коли проѣзжіе, хоть мало-мальски не совсѣмъ простые люди, – дворяне, купцы, или мѣщане, – такъ милости просимъ на барской дворъ; закобенились, – такъ околицу на запоръ, и хоть себѣ голосомъ вой, а ни на одномъ дворѣ ни клока сѣна, ни зерна овса не продадутъ! Что и говорить: любилъ пображничать, покойникъ! Бывало, какъ залучитъ къ себѣ гостей, такъ пойдетъ такая попойка, что лишь только держись; – море разливанное! – чего хочешь, того просишь. Всякихъ чужеземныхъ напитковъ, сортовъ до десяти въ подвалѣ не переводилось; а ужъ объ наливкахъ и говорить нечего!

Однажды зимою, ровно черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ кончины покойной моей матушки, сидѣлъ онъ одинъ одинехонекъ въ своемъ любимомъ покоѣ съ лежанкою. Меня съ нимъ не было: я ужъ третій годъ былъ на службѣ Царской, и дрался въ то время со Шведами. Дѣло шло къ ночи. На дворѣ была мяте-

лица, холодъ страшный, и часу въ десятомъ такъ заколодило, что отъ мороза всѣ стѣны въ домѣ трещали. Въ такую погоду гостей не дождешься. Что дѣлать? Покойный батюшка, чтобъ провести время до ужина, – а онъ никогда не изволилъ ужинать прежде одинадцатаго часу, – принялся за книгу. Ему попалось въ руки Зеркало внутренняго человѣка. Онъ развернулъ на удачу, и увидѣлъ картину, представляющую толстаго грѣшника, съ которымъ черти плящутъ въ присядку, тогда, какъ одинъ бѣсъ, въ видѣ свиньи, вылѣзаетъ изъ его брюха. Хотя книга та была напечатана въ Петербургѣ, и съ дозволенія начальства, покойный батюшка однако жъ почувствовалъ въ душѣ сомнѣніе, соблазнился и закрывъ, началъ умствовать и разсуждать съ самимъ собою. Но чѣмъ болѣе онъ думалъ, тѣмъ болѣе казалось ему неправдоподобнымъ таковое произшествіе съ человѣкомъ, хотя и печатное. Вотъ въ самое-то его раздумье нашла на него дремота, глаза стали слипаться, голова отяжелѣла, и онъ мнѣ сказывалъ, что не помнитъ самъ, какъ прилегъ на канапе, и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Вдругъ, въ ушахъ у него что-то зазвѣнѣло: онъ очнулся, слышитъ – бьютъ часы въ его спальнѣ, – ровно десять часовъ. Лишь только онъ, было, приподнялся, чтобъ велѣть подавать себѣ ужинать, какъ вошелъ въ комнату любимый его слуга Андрей, и поставилъ на столъ двѣ зажженыя свѣчи. Что ты, братецъ? спросилъ батюшка. – Пришелъ, сударь, доложить вамъ, отвѣчалъ слуга, что на селѣ остановились приказный изъ города, да казаки, которые идутъ съ Дону. Ну, такъ что жъ? перервалъ батюшка: бѣги скорѣй на село, проси ихъ ко мнѣ, да не слушай ни какихъ отговорокъ. Я ужъ ихъ звалъ, сударь, и они сейчасъ будутъ, пробормоталъ сквозь зубы Андрей. Такъ скажи, чтобъ прибавили чего-нибудь къ ужину, продолжалъ батюшка, и вели принесть изъ подвала штофъ запеканки,

двѣ бутылки вишневки, двѣ рябиновки и полдюжины винограднаго. Ступай!

Слуга отправился. Минутъ черезъ пять вошли въ комнату три казака и одинъ пожилой человѣкъ въ долгополомъ сюртукѣ. Милости просимъ, дорогіе гости! сказалъ батюшка, идя къ нимъ на встрѣчу. Зная, что набожные казаки всегда помолятся прежде святымъ иконамъ, а потомъ ужъ кланяются хозяину, онъ примолвилъ, указывая на образъ Спасителя, который трудно было разсмотрѣть въ темномъ углу: — вотъ здѣсь! — но, къ удивленію его, казаки не только не перекрестились, но даже и не поглядѣли на образъ; приказный сдѣлалъ то же самое. Не фигура, подумалъ батюшка, что это крапивное сѣмя не знаетъ Бога: но вѣдь казаки народъ благочестивый!..... Видно, они съ дороги то вовсе ошалѣли. Межъ-тѣмъ нежданные гости раскланялись съ хозяиномъ, казаки очень вѣжливо поблагодарили его за гостепріимство, а приказный, сгибаясь передъ нимъ въ кольцо, отпустилъ такую рацею, что покойный батюшка, хотя былъ человѣкъ рѣчистый, и за словомъ въ карманъ не ходилъ, а вовсе сталъ въ тупикъ, и, вмѣсто отвѣта на его кудрявое привѣтствіе, закричалъ: — гей, малый, запеканки!

Вошелъ опять Андрей, поставилъ на столъ тарелку закуски, штофъ водки и дѣдовскія серебряныя чары, по доброму стакану. Ну-ка, любезные! сказалъ батюшка, наливая ихъ вровень съ краями. Поотогрѣйте свои душеньки; чай, вы порядкомъ надроглись. Прошу покорно! — Гости, чинъ-чиномъ, поклонились хозяину, выпили по чаркѣ, и, не дожидаясь вторичнаго приглашенія, хватили по другой, — хлѣбнули по третьей: глядь по-глядь, — анъ въ штофѣ хоть прогуливайся, ни капельки! — Ай да питухи! подумалъ батюшка. Ну!.... нечего сказать, молодцы! Да и рожи-то у нихъ какія! Въ самомъ дѣлѣ нельзя было назвать

этихъ нечаянныхъ гостей красавцами. У одного казака голова была больше туловища, у другаго толстое брюхо почти волочилось по землѣ, у третьяго глаза были зеленые, а носъ крючкомъ, какъ у филина, и у всѣхъ волосы рыжіе, а щеки какъ раскаленые кирпичи, когда ихъ обжигаютъ на заводѣ; но всѣхъ куріознѣе казался ему приказный въ долгополомъ сюртукѣ: такой исковерканной и срамной рожи онъ сродясь не видывалъ! Его лысая и круглая, какъ билліардный шаръ, голова втиснута была промежду двухъ узкихъ плечъ, изъ которыхъ одно было выше другаго; широкій подбородокъ, какъ набитый пухомъ ошейникъ, обхватывалъ нижнюю часть его лица; давно небритая борода торчала щетиною вокругъ синеватыхъ губъ, которыя чуть-чуть не сходились на затылкѣ,, толстый, вздернутый къ верху носъ былъ такъ красенъ что въ потемкахъ можно было принять его за головню; а маленькіе прищуренные глаза вертѣлись и сверкали какъ глаза дикой кошки, когда она подкрадывается ночью къ какому-нибудь звѣрку или къ сонной пташечкѣ. Онъ безпрестанно ухмылялся, но эта улыбка, говаривалъ не разъ покойный мой батюшка, ни дать, ни взять—походила на то, какъ собака оскалитъ зубы, когда увидитъ чужаго, или захочетъ у другой собаки отнять кость.

Вотъ, какъ гости, опорожнивъ штофъ запеканки, остались безъ дѣла, батюшка, желая занять ихъ чѣмъ нибудь до ужина, началъ съ ними разговаривать.

— Ну что, пріятели, спросилъ онъ казаковъ: что у васъ на Дону подѣлывается?

— Да ничего, батюшка! отвѣчалъ казакъ съ толстымъ брюхомъ: все по-прежнему: пьемъ, гуляемъ, веселимся, пѣсенки попѣваемъ.....

— Попѣвайте, любезные! продолжалъ батюшка: попѣвайте, — только Бога не забывайте!

Казаки захохотали, а приказный оскалилъ зубы какъ голодный волкъ, и сказалъ: — Что объ этомъ говорить, сударь! было бы винцо, да денежки, а все остальное трынь-трава.

Батюшка нахмурился: онъ любилъ пожить, попить, пображничать; но былъ человѣкъ благочестивый и Бога помнилъ. Помолчавъ нѣсколько времени, батюшка спросилъ подьячаго, изъ какого онъ Суда?

— Изъ Уголовной Палаты, сударь, отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ приказный.

— Ну, что подѣлываетъ вашъ предсѣдатель? продолжалъ батюшка.

А надобно вамъ сказать, господа, что этотъ предсѣдатель Уголовной Палаты былъ сущій разбойникъ.

— Что подѣлываетъ? повторилъ приказный: да то же что и прежде, сударь. Служитъ вѣрой и правдою.....

— Да, да! вѣрой и правдою! подхватили въ одинъ голосъ всѣ казаки.

— А развѣ вы его знаете? спросилъ батюшка.

— Какъ же! отвѣчалъ казакъ съ совинымъ носомъ: мы всѣ его пріятели, и ждемъ не дождемся радости, когда его высокородіе къ намъ въ гости пожалуетъ.

— Да развѣ онъ хотѣлъ у васъ побывать?

— И не хочетъ, да будетъ! повторилъ казакъ съ большою головою. Не такъ ли, товарищи?

Всѣ гости опять засмѣялись, а подьячій, прищуривъ свои кошачьи глаза, прибавилъ съ лукавой усмѣшкою: — Пріѣхать-то, пріѣдетъ; а нечего сказать, тяжелъ на подъемъ! Мѣсяцъ тому назадъ совсѣмъ было ужъ въ повозку садился, да раздумалъ.

— Какъ такъ? вскричалъ батюшка: да мѣсяцъ тому назадъ онъ при смерти былъ боленъ.

— Вотъ то-то и есть, сударь! По этому-то самому резонту онъ-было совсѣмъ и собрался въ дорогу.

— А, понимаю! перервалъ батюшка: вѣрно доктора совѣтовали ему ѣхать туда, гдѣ потеплѣе?

— Разумѣется! подхватили съ громкимъ хохотомъ казаки: вѣдь у насъ за тепломъ дѣло не станетъ: грѣйся сколько хочешь!

Этотъ безпрестанный и безпутный хохотъ гостей, ихъ отвратительныя хари, а пуще всего двусмысленныя рѣчи, въ которыхъ было что-то нечистое и лукавое, весьма не нравились батюшкѣ; но дѣлать было нечего: зазвалъ гостей, такъ угощай! Желая какъ-можно скорѣе отвязаться отъ такихъ собесѣдниковъ, онъ закричалъ, чтобъ подавали ужинать. Не прошло получаса, какъ столъ уже былъ накрытъ, кушанье поставлено, и бутылки съ наливкою и виноградным виномъ внесены въ комнату: а все хлопоталъ и суетился одинъ Андрей. Нѣсколько разъ батюшка хотѣлъ спросить его, куда подѣвались другіе люди; но всякой разъ, какъ нарочно, кто-нибудь изъ гостей развлекалъ его своими разговорами, которые часъ отъ часу становились забавнѣе. Казаки разсказывали ему про свое удальство и молодечество, а приказный про плутни своихъ товарищей и казусныя дѣла Уголовной Палаты. Мало-по-малу, они успѣли такъ занять батюшку, что онъ, садясь съ ними за столъ, позабылъ даже помолиться Богу. За ужиномъ батюшка ничего не кушалъ, но, не желая отставать отъ гостей, онъ выпилъ четыре бутылки вина и двѣ бутылки наливки: это еще не дивовинка, — покойный мой батюшка пить былъ здоровъ, и отъ полудюжины бутылокъ не свалился бы со стула! Да только, вотъ что было чудно: казалось, гости наливали себѣ полные стаканы, а бутылка всегда доходила до него почти непочатая: кажется, было чему подивиться! — и онъ точно этому удивлялся, — только на другой день. А за ужиномъ все это казалось ему весьма обыкновеннымъ. Я ужъ

вамъ докладывалъ, что мой батюшка здоровъ былъ пить; но четыре бутылки Сантуринскаго и почти штофъ крѣпкой наливки хоть кого подрумянятъ. Вотъ, къ концу ужина, онъ такъ распотѣшился, что даже безобразныя лица гостей, стали казаться ему миловидными, и онъ раза два принимался обнимать приказнаго, и перецѣловалъ всѣхъ казаковъ. Часъ отъ часу рѣчи ихъ становились безпутнѣе и наглѣе: они разсказывали про разныя любовныя похожденія, подшучивали надъ духовными людьми, и даже – страшно вымолвить! – забывъ, что они сидятъ за столомъ, какъ сущіе еретики и богоотступники, принялись попѣвать срамныя пѣсни, и приплясывать, сидя на своихъ стульяхъ. Во всякое другое время, батюшка не потерпѣлъ бы такого безчинства въ своемъ домѣ; а тутъ, словно обмороченый, началъ самъ имъ подлаживать, затянулъ – *Удалая голова не ходи мимо сада*, – и вошелъ въ такой задоръ, что хоть сейчасъ въ присядку. Межъ-тѣмъ казаки, наскучивъ орать во все горло, принялись дѣлать разныя штуки: одинъ заговорилъ брюхомъ, другой проглотилъ большое блюдо съ хлѣбеннымъ, а третій ухватилъ себя за носъ, сорвалъ голову съ плечъ, и началъ ею играть какъ мячикомъ. Что жъ вы думаете: батюшка испугался? – Нѣтъ! – все это казалось ему очень забавнымъ, и онъ такъ и валялся со смѣху. Эге! вскричалъ подьячій: да вонъ тамъ, на послѣднемъ окнѣ, стоитъ никакъ запасная бутылочка съ наливкою: нельзя ли ее прикомандировать сюда? Да не вставай, хозяинъ! Я и такъ ее достану, – примолвилъ онъ, вытягивая руку черезъ всю комнату.

– Ого, какая у тебя ручища-то, пріятель! закричалъ съ громкимъ хохотомъ батюшка: аршинъ въ пять! Недаромъ же говорятъ, что у приказныхъ руки длинны.....

– Да за то память коротка, перервалъ одинъ изъ казаковъ.

— А вотъ увидите! продолжалъ подьячій, поставивъ бутылку посреди стола. Небось, вы забыли, чье надо пить здоровье, — а я такъ помню: начнемъ съ младшихъ! Ну-ка, братцы, хватимъ по чарочкѣ за всѣхъ приказныхъ пройдохъ, за канцелярскихъ молодцевъ, за удалыхъ подьячихъ съ приписью, чтобъ имъ весь вѣкъ чернила пить, а бумагой закусывать; чтобъ они почаще умирали, да порѣже каялись!.....

— Что ты, что ты? проговорилъ батюшка, задыхаясь со смѣху: да эдакъ у насъ всѣ суды опустѣютъ!

— И, хозяинъ, о чемъ хлопочешь! продолжалъ приказный, наливая стаканы: было бы только болото, а черти заведутся. Ну-ка, за мной, — ура!

— Выпили? закричалъ казакъ съ крючковатымъ носомъ — такъ хлѣбнемъ же теперь по одной, за здоровье нашего старшова. Кто станетъ съ нами пить, тотъ нашъ; а кто нашъ, тотъ его!

— А какъ зовутъ вашего старшину? спросилъ батюшка, принимаясь за стаканъ. —

— Что тебѣ до его имени! сказалъ казакъ съ большой головою. Говори только за нами: да здраствуетъ тотъ, кто изъ рабовъ хотѣлъ сдѣлаться господиномъ, и хоть сидѣлъ высоко, а упалъ глубоко, да не тужитъ.

— Но кто же онъ такой?

— Кто нашъ отецъ и командиръ? продолжалъ казакъ. Мало ли что о немъ толкуютъ! говорятъ, что онъ любитъ мракъ, и называетъ его свѣтомъ: такъ что жъ? для умнаго и потемки свѣтъ. Разсказываютъ также, будто-бы онъ жалуетъ Содомъ, Гоморръ и всякую безпорядицу для того, дискать, чтобъ въ мутной водѣ рыбу ловить: да это все бабьи сплетни! Нашъ господинъ — баринъ предобрый; ему служить легко: садись за столъ не крестясь, ложись спать не помолясь; пѣй, веселись, забавляйся, да не вѣрь тому, что напечата-

но въ книгахъ, — вотъ и вся служба. Ну что?.... вѣдь не житье а масляница, не правда ли?

Какъ ни былъ хмѣленъ батюшка, однакожъ призадумался. — Я что-то въ толкъ не беру, сказалъ онъ.

— А вотъ какъ выпьешь, такъ поймешь, перервалъ подьячій. Ну, братцы, разомъ: Да здраствуетъ нашъ отецъ и командиръ!

Всѣ гости, кромѣ батюшки, осушили свои стаканы.

— Ба, ба, ба! хозяинъ! закричалъ подьячій: да что жъ ты не пьешь?

— Нѣтъ, любезный, отвѣчалъ батюшка: я и такъ ужъ пилъ довольно. Не хочу!

— Да что съ тобой сдѣлалось? спросилъ толстый казакъ: о чемъ ты задумался? Эй, товарищи, надо развеселить хозяина: не поплясать ли намъ?

— А что, въ самомъ дѣлѣ! подхватилъ приказный. Мы посидѣли довольно: не худо промяться, — а то вѣдь эдакъ, пожалуй, и ноги затекутъ.

— Плясать, такъ плясать! закричали всѣ гости.

— Такъ постойте же, любезные! сказалъ батюшка вставая: я велю позвать моего гуслиста.

— Зачѣмъ? перервалъ подьячій. Унасъ и своя музыка найдется. — Гей, вы! — начинай!

Вдругъ за печькою поднялась ужасная возня, запищали гудки, рожки и всякіе другіе инструменты; загремѣли бубны и тарелки; потомъ, послышались человѣческіе ґолоса; цѣлый хоръ пѣсенниковъ засвисталъ, загаркалъ, да какъ хватитъ плясовую, — и пошла потѣха!

— Ну-ка, хозяинъ! проговорилъ казакъ съ крючковатымъ носомъ, уставивъ на батюшку свои зеленые глаза: посмотримъ твоей удали.

— Нѣтъ! сказалъ батюшка, начиная понимать, какъ будто бы сквозь сонъ, что дѣло становится неладно.

Забавляйтесь себѣ сколько угодно, а я плясать не стану.

– Не станешь? заревѣлъ толстый казакъ. А вотъ увидимъ!

Всѣ гости вскочили съ своихъ мѣстъ.

Покойнаго батюшку начала бить лихорадка, – да и было отъ чего: вмѣсто четырехъ, хотя не красивыхъ, но обыкновенныхъ людей, стояли вокругъ него четыре пугала такого огромнаго роста, что когда они вытягивались, то отъ ихъ головъ трещалъ потолокъ въ комнатѣ. Лица ихъ не перемѣнились, но только сдѣлались еще безобразнѣе.

– Не станешь? повторилъ усмѣхаясь насмѣшливо подьячій. Полно ломаться-то, пріятель! И почище тебя съ нами плясывали, да еще посторонніе; а вѣдь ты нашъ?

– Какъ вашъ? сказалъ батюшка.

А чей же? Ты человѣкъ грамотный, такъ вѣрно читалъ, что двумъ господамъ служить не можно, а вѣдь ты служишь нашему?

– Да о какомъ ты говоришь господинѣ? спросилъ батюшка, дрожа какъ осиновый листъ.

– О какомъ? перервалъ большеголовый казакъ: вѣстимо, о томъ, о которомъ я говорилъ тебѣ за ужиномъ. Ну, вотъ тотъ, котораго слуги ложатся спать не молясь, садятся за столъ не перекрестясь, пьютъ, веселятся, да ничему не вѣрятъ.

– Да что жъ онъ мнѣ за господинъ? промолвилъ батюшка, все еще не понимая порядкомъ, о чемъ идетъ дѣло.

– Эге, пріятель, подхватилъ подьячій: да ты никакъ сталъ отнѣкиваться и чинить запирательство! Нѣтъ, любезнѣйшій; отъ насъ не отвертишься. Коли ты исполняешь волю нашего господина, такъ какъ

же ты ему не слуга? А вспомни-ка хорошенько: молился ли ты сегодня, когда прилегъ соснуть? Перекрестился ли, садясь ужинать? Не пилъ ли ты, не веселился ли съ нами вдоволь? А часа полтора тому назадъ, когда ты увидѣлъ вонъ въ этой книгѣ картинку, на которой представленъ грѣшникъ, плящущій съ..... Ну, вѣстимо съ кѣмъ! – Что развѣ ты этому повѣрилъ.

Вся кровь застыла въ жилахъ у батюшки. Вдругъ, какъ будто бы сняли съ глазъ его повязку, хмѣль соскочилъ, и все сдѣлалось для него яснымъ. – Господи, Боже мой! – проговорилъ онъ, стараясь оградить себя крестнымъ знаменіемъ: да не тутъ-то было, – рука не подымалась, пальцы не складывались, но за то ужъ ноги такъ и пошли писать! Сначала онъ одинъ отхватилъ голубца съ вывертами да вычурами такими, что и сказать нельзя. А тамъ гости подцѣпили его, – да и ну надъ нимъ потѣшаться. Покойникъ, разсказывая мнѣ объ этомъ, всегда дивился, какъ у него душа въ тѣлѣ осталась. Онъ помнилъ только одно, какъ комната наполнилась огнемъ и дымомъ, какъ его перебрасывали изъ рукъ въ руки, играли имъ въ свайку, спускали какъ волчокъ; какъ онъ кувыркался по воздуху, бился о потолокъ, вертѣлся юлою на маковкѣ; и какъ наконецъ, протанцовавъ на головѣ казачка, онъ совсѣмъ обезпамятѣлъ.

Когда батюшка очнулся, то увидѣлъ, что онъ лежитъ на канапе, что вокругъ его стоятъ и суетятся его слуги. – Ну, что? прошепталъ онъ торопливо, и поглядывая вокругъ себя какъ полоумный: ушли ли они?

– Кто сударь? спросилъ одинъ изъ лакеевъ.

– Кто! повторилъ батюшка съ невольнымъ содроганіемъ: кто!.... Ну вотъ эти казаки и приказный.....

– Какіе, сударь, казаки и приказный? перервалъ буфетчикъ, Ѳома. Да сегодня никакихъ гостей не было, и вы не изволили ужинать: ужъ я дожидался, дожидался, и, какъ вошелъ въ комнату, увидѣлъ, что вы лежите на полу, всѣ въ поту, изорваные, растрепанные, и такіе блѣдные, какъ будто бы, – не при васъ будь слово сказано! – коверкала васъ какая-нибудь черная немочь.

– Такъ у меня сегодня гостей не было? сказалъ батюшка, приподымаясь съ трудомъ на ноги.

– Не было, сударь.

– Неужели я видѣлъ все это во снѣ?..... Да нѣтъ, быть не можетъ! продолжалъ батюшка, охая и похватывая себя за бока: а кости-то почему у меня всѣ такъ перемяты?.... А эти двѣ свѣчи?..... Кто ихъ на столъ поставилъ?

– Не знаю, отвѣчалъ буфетчикъ: видно вы сами изволили ихъ зажечь, да не помните съ просонья.

– Ты врешь! закричалъ батюшка: я помню, ихъ принесъ Андрей; онъ и на столъ накрывалъ, и кушанье подавалъ.

Всѣ люди посмотрѣли другъ на друга съ примѣтнымъ ужасомъ. Ванька гуслистъ хотѣлъ-было что-то сказать, но заикнулся и не выговорилъ ни слова.

–Ну, что жъ вы, дурачье, рты-то разинули? продолжалъ батюшка. Говорятъ вамъ, что у меня были гости, и что Андрей служилъ за столомъ.

– Помилуйте, сударь! сказалъ буфетчикъ Ѳома: иль вы изволили забыть, что Андрей около недѣли лежитъ больной въ горячкѣ.

– Такъ видно ему сдѣлалось лучше: онъ ровно въ десять часовъ былъ здѣсь. Да что тутъ толковать! позовите ко мнѣ Андрея: гдѣ онъ?

– Вы изволите спрашивать гдѣ Андрей? проговорилъ наконецъ Ванька гуслистъ.

– Ну да! Гдѣ онъ?

– Въ избѣ, сударь. Лежитъ на столѣ.

– Что ты говоришь? вскричалъ батюшка. Андрей Степановъ.....

– Приказалъ вамъ долго жить, перервалъ дворецкій, входя въ комнату.

– Онъ умеръ!.....

– Да, сударь, ровно въ десять часовъ.

Кольчугинъ замолчалъ.–Ну, подлинно диковинный случай! сказалъ Иванъ Алексѣевичъ Асановъ: и если твой отецъ не любилъ краснаго словца прибавить....

– Терпѣть не могъ, батюшка! Онъ во всемъ уѣздѣ слылъ такимъ правдухою, что псовые охотники не смѣли при немъ о своихъ отъѣзжихъ поляхъ и борзыхъ собакахъ и словечка вымолвить.

– Да что жъ тутъ страннаго? перервалъ пріятель мой, Заруцкій. Вашъ батюшка заспался, не помнилъ, что зажегъ двѣ свѣчи, и видѣлъ просто во снѣ то, что, за нѣсколько минутъ, читалъ наяву.

– Такъ, сударь, такъ! продолжалъ Кольчугинъ. Да только вотъ что: спустя нѣсколько времени узнали, что дѣйствительно въ эту самую ночь три казака съ Дону и приказный изъ городу проѣзжали черезъ село, только нигдѣ не останавливались, и въ томъ же году, когда стали повѣрять бутылки въ погребѣ, такъ четырехъ бутылокъ винограднаго вина и двухъ бутылокъ наливки нигдѣ не оказалось.

– Да! это довольно странное стеченіе обстоятельствъ, сказалъ исправникъ.

– И всѣ этому дивились, батюшка! примолвилъ Кольчугинъ.

– То есть, проѣзду казаковъ и подъячаго, перервалъ Заруцкій: а что въ погребѣ не нашлось нѣсколькихъ бутылокъ, такъ это доказываетъ только одно, что ключникъ покойнаго вашего батюшки любилъ

отвѣдать барскаго винца и наливки, и, при семъ удобномъ случаѣ, свалилъ всю бѣду на безотвѣтнаго чорта.

— Вотъ о чемъ хлопочетъ! сказалъ Черемухинъ, взглянувъ изъ-подлобья на моего пріятеля. Ты настоящій Ѳома невѣрный. Да что тутъ удивительнаго? Такіе ли бываютъ случаи въ жизни? Ну, если бы я разсказалъ вамъ то, что слышалъ самъ, своими ушами, отъ одного изъ моихъ знакомыхъ?....

— Который узналъ объ этомъ, подхватилъ съ улыбкою исправникъ, отъ своего пріятеля, а этому пріятелю разсказывала кума, а кума слышала отъ своего дѣдушки, а дѣдушка.....

— Нѣтъ, сударь, извините, — перервалъ Черемухинъ: тотъ, кто мнѣ это разсказывалъ, не только былъ очевидцемъ, но даже дѣйствующимъ лицемъ въ семъ необычайномъ приключеніи.

— Необычайномъ! повторилъ съ любопытствомъ хозяинъ.

— Да, Иванъ Алексѣевичъ, подлинно чудный случай! Да и такой-то чудный, что мнѣ совѣстно вамъ разсказывать, тѣмъ болѣе, что я не могу никакъ сомнѣваться въ истинѣ сего происшествія.

— Ахъ, батюшки! вскричалъ исправникъ: да это становится весьма интереснымъ. Сдѣлай милость, Александръ Дмитріевичъ, не томи, разсказывай скорѣе.....

— Проказитъ онъ, господа! сказалъ хозяинъ, покачивая головою.

— Такъ я же вамъ докажу, что нѣтъ! перервалъ Черемухинъ. Прошу прислушать. Да слушай и ты, продолжалъ онъ, подмигнувъ Заруцкому: ты все подводишь подъ законы Природы, — посмотримъ, какъ ты изъяснишь мнѣ естественнымъ образомъ то, что случилось съ моимъ пріятелемъ!

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

Если кто нибудь изъ васъ, господа, живалъ постоянно въ Москвѣ, — началъ такъ разсказывать Черёмухинъ, положа къ сторонѣ свою трубку: то вѣрно замѣтилъ, что періодическія нашествія нашей братьи, провинціяловъ, на матушку Москву бѣлокаменную, начинаются по большой части передъ Рождествомъ. Почти въ одно время съ появленіемъ мерзлыхъ тушъ и индюшекъ въ Охотномъ Ряду, потянутся черезъ всѣ заставы безконечные караваны кибитокъ, возковъ и всякихъ другихъ зимнихъ повозокъ, съ цѣлыми семействами деревенскихъ помѣщиковъ, которые спѣшатъ повеселиться въ столицѣ, жениховъ посмотрѣть, дочерей показать и прожить въ нѣсколько недѣль все то, что они накопили въ теченіе цѣлаго года. Но въ 1796 году, этотъ приливъ временныхъ жителей Москвы начался съ первымъ снѣгомъ, и, по увѣренію старожиловъ, давно уже наша древняя столица не была такъ полна, или лучше сказать, биткомъ набита пріѣзжими изъ провинціи. Старшины Благороднаго Собранія пожимали плечами, когда на ихъ балахъ не насчитывали болѣе двухъ тысячъ посѣтителей, и громогласно упрекали въ этомъ Италіянца Медокса, который безпрестанно давалъ маскарады въ залахъ и ротондѣ Петровскаго театра. Дѣйствительно, публичные маскарады, въ коихъ не танцовали, а душились и давили другъ друга, были въ эту зиму любимой забавою всей Московской публики. Въ числѣ самыхъ неизмѣнныхъ посѣтителей сихъ маскарадовъ, былъ одинъ молодой человѣкъ, также пріѣзжій, но только не изъ провинціи. Иванъ Николаевичъ, Зоринъ, — такъ звали этого молодаго человѣ-

ка, – только что возвратился изъ чужихъ краевъ. Онъ долго жилъ въ Италіи, любилъ страстно музыку, и всегда говорилъ объ Италіянской оперѣ съ восторгомъ, который превращался почти въ безуміе, когда рѣчь доходила до одной прима-донны Неаполитанскаго театра. Онъ называлъ ее въ разговорахъ Лауреттою, но не хотѣлъ открыть никому изъ своихъ знакомыхъ имя, подъ которымъ она была извѣстна въ музыкальномъ мірѣ. По сему было замѣтно, что не одна страсть къ искусству была причиною сего энтузіазма, и хотя Зоринъ никому не повѣрялъ своей сердечной тайны, но всѣ его пріятели, а въ томъ числѣ и я, отгадывали, почему онъ казался всегда печальнымъ, скучнымъ, и оживалъ тогда только, когда начинали съ нимъ говорить объ Италіянской оперѣ. Его вѣчную задумчивость, тоску и какое-то мрачное уныніе, которое въ Англіи назвали бы сплиномъ, мы называли просто хандрою, и всякой разъ смѣялись надъ его докторомъ, когда онъ, разсуждая о душевной болѣзни нашего пріятеля, покачивалъ сомнительно головою. Полноте, Ѳома Ѳомичъ! говорили мы ему: что вамъ за охота набивать его желудокъ пилюлями? Пропишите-ка ему бутылки по двѣ шампанскаго въ день, да пріемовъ пять или шесть, въ недѣлю, баловъ, театровъ и маскарадовъ, такъ это будетъ лучше вашихъ разводящихъ и возбуждающихъ лекарствъ. Какъ ни упирался сначала Ѳома Ѳомичъ, а подъ конецъ рѣшился послушаться нашего совѣта, и предписалъ Зорину ѣздить по всѣмъ баламъ, и не пропускать ни одного маскарада. Въ самомъ дѣлѣ, принимая участіе во всѣхъ городскихъ веселостяхъ, нашъ больной сталъ и самъ какъ-будто-бы спокойнѣе и веселѣе. Случалось однако же, что онъ не бывалъ въ театрѣ, и отказывался отъ званаго вечера, но за то постоянно каждый маскарадъ являлся первый, и уѣзжалъ послѣдній.

Я служилъ тогда еще въ гвардіи. Срокъ моего от-

пуска оканчивался на первой недѣлѣ Великаго Поста, и, чтобъ не попасть въ бѣду, я долженъ былъ непремѣнно въ Чистый Понедѣльникъ отправиться обратно въ Петербургъ. Желая воспользоваться послѣдними днями моего отпуска и навеселиться досыта, я провелъ всю масляницу самымъ безпутнымъ образомъ. Днемъ блины, катанья, званые обѣды; вечеромъ театры, а ночью до самаго утра, балы, домашніе маскарады, не дали мнѣ во всю недѣлю ни разу образумиться. Я былъ безпрестанно въ какомъ-то чаду, и совершенно потерялъ изъ виду пріятеля моего, Зорина. Въ Воскресенье, то есть, въ послѣдній день масляницы, я пріѣхалъ ранѣе обыкновеннаго въ публичный маскарадъ. Народу было бездна, каждыя двери приходилось брать приступомъ, и я на силу въ четверть часа могъ добраться до ротонды. Музыка, шумные разговоры, пискотня масокъ, — которыя, не смотря на то, что задыхались отъ жара, не переставали любезничать и болтать вздоръ, — ослѣпительный свѣтъ отъ хрустальныхъ люстръ, пестрота нарядовъ, и этотъ невнятный, но оглушающій гулъ многолюдной толпы, составленной изъ людей, которые хотятъ, во что бъ ни стало веселиться, — все это сначала такъ меня отуманило, что я нѣсколько минутъ не слышалъ и не видѣлъ ничего. Желая перевести духъ, я сталъ искать мѣстечка, гдѣ бы могъ присѣсть и немного пооглядѣться. Пробираясь вдоль стѣны, вдругъ услышалъ я, что кто-то называетъ меня по имени; обернулся, — гляжу: высокой мужчина, въ красномъ домиѣ и маскѣ, манитъ меня къ себѣ рукою. Въ ту самую минуту, какъ я къ нему подошелъ, сосѣдъ его всталъ съ своего мѣста.

— Садись подлѣ меня, сказалъ онъ: насилу-то мы съ тобою повстрѣчались. Да что жъ ты на меня смотришь? продолжалъ замаскированный: неужели ты не узналъ меня по голосу?

– Да! подумалъ я, въ этомъ голосѣ есть что-то знакомое; но онъ такъ дикъ, такъ страненъ....

– Ну, если ты меня не узнаешь, такъ смотри!.... сказалъ человѣкъ въ красной доминѣ, приподымая свою маску.

Я невольно отскочилъ назадъ: сердце мое замерло отъ ужаса.... Боже мой! такъ точно; это Зоринъ, это его черты... О конечно!.. это онъ; точно онъ!... когда будетъ лежать на столѣ, когда станутъ отпѣвать его... Но теперь.... Нѣтъ, нѣтъ!... живой человѣкъ не можетъ имѣть такого лица!

– Что ты? спросилъ онъ съ какою-то странною улыбкою. Ужъ не находишь ли и ты, что я перемѣнился?

– О! чрезвычайно!

– Такъ зачѣмъ же говорятъ, что печаль мѣняетъ человѣка;... не правда! Не печаль, а развѣ радость.

– Радость?

– Да, мой другъ! О, если бъ ты зналъ, какъ я счастливъ! Послушай! продолжалъ мой пріятель въ полголоса и поглядывая съ робостію вокругъ себя: только Бога ради, чтобъ никто не зналъ объ этомъ! Она здѣсь!

– Она?... Кто она?

– Лауретта.

– Неужели?

– Да, мой другъ, она здѣсь. О, какъ она меня любитъ! Она покинула свою милую родину, промѣняла свои вѣчно-голубыя небеса на наше облачное, угрюмое небо; тамъ, въ кругу родныхъ своихъ, пригрѣтая солнышкомъ благословенной Италіи, она цвѣла какъ пышная роза; а здѣсь одна, посреди людей мертвыхъ и холодныхъ, какъ наши вѣчные снѣга, она если не завянетъ сама, то погубитъ навсегда свой талантъ, переживетъ свою славу, и все это для меня!... Она,

привыкшая дышать пламеннымъ воздухомъ Италіи, не побоялась нашихъ трескучихъ морозовъ, нашихъ зимнихъ вьюгъ, забыла все, покинула все, живая легла въ эту обширную, хладную могилу, которую мы называемъ нашимъ отечествомъ,—и все это для меня!.И все это для того,чтобъ увидѣться опять со мною!

– Ужъ не слишкомъ ли ты прославилъ этотъ подвигъ! перервалъ я моего пріятеля. У насъ не такъ тепло, какъ въ Италіи, но также бываетъ и весна и лѣто. Быть можетъ, въ Неаполѣ веселѣе, чѣмъ здѣсь; однако же, воля твоя, и Москва не походитъ на могилу; да и твоя Лауретта, не погнѣвайся, не первая Италіянская пѣвица, которую мы здѣсь видимъ; и если она будетъ давать концертъ....

– Да! одинъ и послѣдній. Я согласился на это: пусть она обворожитъ всю Москву, поразогрѣетъ хотя на минуту ваши ледяныя души, а потомъ умретъ для всѣхъ, кромѣ меня.

– Такъ она хочетъ навсегда здѣсь остаться?

– Да! навсегда. Ну, видишь ли, какъ она меня любитъ? Но за то и я.... О! любовь моя не чувство, не страсть.... нѣтъ, мой другъ, нѣтъ!... Не знаю, постигнешь ли ты мое блаженство, поймешь ли ты меня?.. Я принадлежу ей весь. Она просила меня, да! – она хотѣла этого....

Тутъ Зоринъ наклонился и прошепталъ мнѣ на ухо: – Я отдалъ ей мою душу: теперь я весь ея.... Понимаешь ли мой другъ, весь?

Мнѣ случалось много разъ самому отдавать на словахъ мою душу: да и кто изъ молодыхъ людей остановится сказать любезной женщинѣ, что его душа принадлежитъ ей, что она владѣетъ ею! Эта пошлая, истертая во всѣхъ любовныхъ изъясненіяхъ, фраза не значитъ ничего. Но не смотря на это, не могу вамъ выразить съ какимъ чувствомъ ужаса и отвращенія я слу-

шалъ исповѣдь моего пріятеля. Таинственный голосъ, которымъ онъ говорилъ, дикій огонь его сверкающихъ глазъ, этотъ неистовый безумный восторгъ, эти слова радости и блѣдное изсохшее лице мертвеца...

– Эхъ, братецъ! сказалъ я съ досадою: какъ можно говорить такой вздоръ! Душа принадлежитъ не намъ; ее отдавать никому не должно. Люби свою Италіянскую пѣвицу; женись на ней, если хочешь; пусть она владѣетъ твоимъ сердцемъ...

– Сердцемъ! повторилъ насмѣшливымъ голосомъ мой пріятель. Да что такое сердце? Развѣ оно безсмертно какъ душа? развѣ оно не истлѣетъ когда-нибудь въ могилѣ? Прекрасный подарокъ: горсть пыли! Кто даритъ свое сердце, тотъ обѣщаетъ любить только до тѣхъ поръ, пока оно бьется, – а оно можетъ застыть и сегодня, и завтра; но кто отступается отъ души своей, тотъ отдаетъ не жизнь, не тысячу жизней, а всю свою безконечную вѣчность. Да, мой другъ; дарить, такъ дарить! Теперь Лауреттѣ бояться нечего; душа не сердце: ея не закопаютъ въ могилу...

– Да сдѣлай милость, перервалъ я, покажи мнѣ эту волшебницу, эту Армиду, которая, какъ демонъ-соблазнитель, добирается до твоей души. Поведи меня къ ней.

– Я не знаю самъ, гдѣ она живетъ.

– Нѣтъ, шутишь?

– Да, мой другъ; я видаюсь съ ней только здѣсь. Она не хочетъ до времени никому показываться; но все это скоро кончится: послѣ ея концерта мы обвѣнчаемся, и уѣдемъ жить въ деревню.

– А когда будетъ ея концертъ?

– На будущей недѣлѣ, въ пятницу.

– На будущей недѣлѣ?.... Быть не можетъ! Ты вѣрно позабылъ, что на первой недѣлѣ Великаго Поста не даютъ ни какихъ концертовъ.

– Полно такъ ли? Кажется, Лауретта должна это знать: она даже говорила, что дастъ свой концертъ здѣсь, въ этой ротондѣ.

– Такъ она вѣрно сама ошибается. Видѣлъ ли ты ее сегодня!

– Нѣтъ еще. Она не пріѣзжаетъ никогда ранѣе двѣнадцати часовъ; но за то ровно въ полночь, какъ бы ни было тѣсно въ маскарадѣ, и гдѣ бъ я ни сидѣлъ, она всегда меня отыщетъ.

– Ровно въ полночь! сказалъ я, взглянувъ на мои часы. То есть, черезъ двѣ минуты? Посмотримъ, такъ ли она аккуратна, какъ ты говоришь.

Если вамъ не случалось самимъ, господа, встрѣчать Великій Постъ въ маскарадѣ, то, по крайней мѣрѣ, вы слыхали, что, по принятому обычаю, ровно въ двѣнадцать часовъ затрубятъ на хорахъ, и музыка перестаетъ. Это значитъ, что наступилъ Великій Постъ, и что всѣ публичныя удовольствія прекращаются. Въ ту минуту, какъ я смотрѣлъ на часы, которые, вѣроятно, поотстали, надъ самой моей головою раздался пронзительный звукъ трубъ, и такъ нечаянно, что я невольно вздрогнулъ, и поднялъ глаза къ верху. Тфу, пропасть! какъ онѣ меня испугали! проговорилъ я, обращаясь къ моему пріятелю; но подлѣ меня стоялъ уже порожній стулъ. Я поглядѣлъ вокругъ себя: вдали, посреди толпы людей, мелькало красное домино; мнѣ показалось, что съ нимъ идетъ высокаго роста стройная женщина, въ черномъ венеціянѣ. Я вскочилъ, побѣжалъ вслѣдъ за ними, но въ то же самое время поровнялись со мною три маски, около которыхъ такая была давка, что я никакъ не могъ продраться, и потерялъ изъ виду красное домино моего пріятеля. Эти маски только-что появились въ ротонду: одна изъ нихъ была наряжена какимъ-то длиннымъ и тощимъ привидѣніемъ, въ большой бумажной

шапкѣ, на которой было написано крупными словами – «Сухоядѣніе». По обѣимъ сторонамъ ея, шли другія двѣ маски, изъ коихъ одна одѣта была грибомъ, а другая капустою. Длинное пугало разточало шуточки и поговорки, отъ которыхъ всѣ, кругомъ, такъ и помирали со смѣху. Одинъ я не смѣялся, а работалъ усердно и руками и ногами, чтобъ продраться сквозь толпу. Наконецъ, мнѣ удалось вырваться на просторъ: я обшарилъ всю ротонду, обѣжалъ боковыя галлереи, но не встрѣтилъ нигдѣ ни краснаго домина, ни чернаго венеціяна. На другой день поутру я заѣзжалъ проститься съ Зоринымъ, не засталъ его дома, а вечеромъ скакалъ уже по большой Петербургской дорогѣ.

Прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Москву. Занимаясь безпрерывно службою и процессомъ, который начался при моемъ дѣдушкѣ, и вѣроятно кончится при моихъ внучатахъ, я совсѣмъ забылъ о послѣднемъ моемъ свиданіи и разговорѣ съ Зоринымъ. Однажды, въ Англійскомъ клубѣ, пробѣгая, не помню, какой-то иностранный Журналъ, я попалъ нечаянно на статью, въ которой извѣщали, что прима-донна Неаполитанскаго театра, Лауретта Бальдучи, къ прискорбію всѣхъ любителей музыки, умерла въ послѣднихъ числахъ Февраля мѣсяца, въ собственной своей виллѣ, близъ Портичи. – Лауретта! повторилъ я невольно. Прима-донна Неаполитанскаго театра!.... Ахъ, Боже мой: да это та самая Италіянская пѣвица, въ которую влюбленъ до безумія бѣдняжка Зоринъ! Но какъ же она могла умереть въ послѣднихъ числахъ Февраля близъ Неаполя, когда почти въ тоже самое время она была у насъ въ Москвѣ, въ маскарадѣ у Медокса?.... Что за вздоръ! – Въ тотъ же самый вечеръ я написалъ къ одному изъ моихъ Московскихъ пріятелей, чтобъ онъ увѣдомилъ меня, здоровъ ли Зоринъ, гдѣ онъ, и не слышно ли чего-нибудь

о женитьбѣ его съ одной иностранкою. Въ отвѣтѣ на письмо мое увѣдомляли меня, что на первой недѣлѣ Великаго Поста, поутру въ субботу, нашли Зорина безъ чувствъ на Петровской площади, близъ театра; что онъ былъ при смерти боленъ, и что ужъ недѣли двѣ какъ его отвезли лечиться въ Петербургъ. Я сталъ его искать вездѣ, обѣгалъ весь городъ, но всѣ старанія мои были напрасны. Наконецъ, совершенно неожиданнымъ образомъ я увидѣлся съ нимъ въ одномъ домѣ, гдѣ никакъ не предполагалъ и вовсе не желалъ его найти. Онъ очень мнѣ обрадовался, и не дожидаясь моей просьбы, разсказалъ свое чудное приключеніе, которое началось въ ротондѣ Петровскаго театра, и кончилось тамъ же. Вотъ слово отъ слова весь этотъ разсказъ, такъ какъ я слышалъ его отъ бѣднаго моего пріятеля.

«Ты вѣрно не забылъ, сказалъ онъ мнѣ, что я въ послѣдній разъ видѣлся съ тобою, наканунѣ Великаго Поста, въ маскарадѣ у Медокса. Въ ту самую минуту, какъ на хорахъ протрубили полночь, я замѣтилъ посреди толпы масокъ Лауретту, которая, проходя мимо, манила меня къ себѣ рукою. Ты былъ чѣмъ-то занятъ другимъ, и, кажется, не замѣтилъ, какъ я вскочилъ со стула и побѣжалъ вслѣдъ за нею. — Ступай сейчасъ домой! сказала она мнѣ, когда я взялъ ее за руку: я требую также, чтобъ ты четыре дня сряду никуда не выѣзжалъ, и не принималъ къ себѣ никого. Во все это время мы ни разу съ тобой не увидимся. Въ пятницу приходи сюда пѣшкомъ, одинъ, часу въ двѣнадцатомъ ночи. Здѣсь, въ ротондѣ, будетъ репетиція концерта, который я даю въ субботу. Но къ чему такъ поздно? спросилъ я: и пустятъ ли меня? — Не безпокойся! отвѣчала Лауретта: для тебя двери будутъ отперты; а репетиція назначена въ полночь для того, чтобъ никто не зналъ объ этомъ, кромѣ нѣкоторыхъ артистовъ и любителей музыки, которыхъ я сама при-

гласила. Теперь отправляйся скорѣе, и если ты исполнишь все, чего я отъ тебя требую, то я навѣки буду принадлежать тебѣ; если же ты меня не послушаешься, а особливо когда пустишь къ себѣ пріятеля, съ которымъ сидѣлъ сейчасъ вмѣстѣ, и которому разсказалъ то, о чемъ бы долженъ былъ молчать, то мы никогда не увидимся, ни въ здѣшнемъ, ни въ другомъ мірѣ: и хотя мой, милый другъ, всѣмъ мірамъ и счету нѣтъ, примолвила она тихимъ голосомъ, но мы ужъ ни въ одномъ изъ нихъ не встрѣтимся съ тобою!

«Въ теченіе двухъ лѣтъ, проведенныхъ мною въ Неаполѣ, я успѣлъ привыкнуть къ странностямъ и необычайнымъ капризамъ Лауретты. Это плѣнительная и чудная женщина: то тихая и покорная какъ робкое дитя, то неукротимая и гордая какъ падшій ангелъ, она соединяла въ себѣ всѣ возможныя крайности. Иногда она готова была враждовать противъ самихъ небесъ, не вѣрила ничему, смѣялась надо всѣмъ, и вдругъ, безъ всякой причины, становилась суевѣрною до высочайшей степени, видѣла вездѣ злыхъ духовъ, совѣтовалась съ ворожеями, и, если не любила, то по крайней мѣрѣ боялась Бога. По временамъ она называла себя моей рабою, и была ею дѣйствительно; но когда эта минута смиренія проходила, она превращалась въ такую властолюбивую женщину, что не выносила ни малѣйшаго противурѣчія: а посему, какъ ни странны казались мнѣ ея требованія, я не дозволилъ себѣ ни какого замѣчанія, и безусловно обѣщался исполнить ея волю, тѣмъ болѣе, что, по ея словамъ, это было послѣднимъ и окончательнымъ испытаніемъ моей любви.

«Ты можешь себѣ представить, продолжалъ Зоринъ, съ какимъ нетерпѣніемъ дожидался я пятницы. Я приказалъ всѣмъ отказывать, и даже не принялъ тебя, когда ты поутру пріѣхалъ со мною проститъ-

ся. Днемъ ходилъ я взадъ и впередъ по моимъ комнатамъ, не могъ ни за что приняться, горѣлъ какъ на огнѣ; а ночью, — о, мой другъ, такихъ адскихъ ночей не проводятъ и преступники накапунѣ своей казни! Такъ не мучили людей даже и тогда, когда пытка была обдуманнымъ искусствомъ и наукою! Не знаю, какъ дожилъ я до пятницы: помню только, что въ послѣдній день моего испытанія, мнѣ не только не шла ни какая ѣда на умъ, но я не могъ даже выпить чашки чаю. Голова моя пылала, кровь не текла, а кипѣла въ моихъ жилахъ. Помнится также, день былъ не праздничный, а мнѣ казалось, что въ Москвѣ, съ утра до самой ночи не переставали звонить въ колокола. Передо мной лежали часы: когда стрѣлка стала подвигаться къ полуночи, нетерпѣніе мое превратилось въ какое-то бѣшенство; я задыхался; меня била злая лихорадка, и холодный потъ выступалъ на лицѣ моемъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа, я накинулъ на себя шинель, и отправился. Всѣ улицы были пусты. Хотя моя квартира была версты двѣ отъ театра, но не прошло и четверти часа, какъ я пробѣжалъ всю Пречистенку, Моховую, и вышелъ на площадь Охотнаго Ряда. Въ двухъ стахъ шагахъ отъ меня подымалась колосальная кровля Петровскаго театра. Ночь была безлунная, но за то звѣзды казались мнѣ и болѣе и свѣтлѣе обыкновеннаго; многія изъ нихъ падали прямо на кровлю театра, и, разсыпаясь искрами, потухали. Я подошелъ къ главному подъѣзду. Однѣ двери были не много порастворены; подлѣ нихъ стоялъ съ фонаремъ какой-то дряхлый сторожъ; онъ махнулъ мнѣ рукою, и пошелъ впередъ по темнымъ коридорамъ. Не знаю, отъ того ли, что я пришелъ уже въ назначенное мѣсто, или отъ чего другаго, только я примѣтнымъ образомъ сталъ спокойнѣе, и помню даже, что, разсмотрѣвъ хорошенько моего проводника, замѣтилъ, что онъ подается впередъ, не переставляя ногъ, и что

глаза его точно такъ же тусклы и неподвижны, какъ стекляные глаза, которые вставляютъ въ лица восковыхъ фигуръ. Пройдя длинную галерею, мы вошли наконецъ въ ротонду. Она была освѣщена; во всѣхъ люстрахъ и канделабрахъ горѣли свѣчи; но, несмотря на это, въ ней было темно; всѣ эти огоньки, какъ-будто бы нарисованные, не разливали вокругъ себя ни какого свѣта, и только поставленныя рядомъ четыре толстыя свѣчи, въ высокихъ погребальныхъ подсвѣчникахъ, бросали слабый свѣтъ на первые ряды креселъ и устроенное передъ ними возвышеніе. Этотъ деревянный помостъ былъ уставленъ пюпитрами; ноты, инструменты, свѣчи, — однимъ словомъ, все было приготовлено для концерта; но музыкантовъ еще не было.

«Въ первыхъ рядахъ креселъ сидѣло человѣкъ тридцать или сорокъ, изъ которыхъ одни были въ шитыхъ французскихъ кафтанахъ съ напудренными головами, а другіе въ простыхъ фракахъ и сюртукахъ. Я сѣлъ подлѣ одного изъ сихъ послѣднихъ.

— «Позвольте васъ спросить», сказалъ я моему сосѣду: «вѣдь это всё любители музыки и артисты, которыхъ пригласила сюда Г-жа Бальдучи?»

— «Точно такъ.»

— «Осмѣлюсь васъ спросить, кто этотъ молодой человѣкъ въ простомъ нѣмецкомъ кафтанѣ, съ такой выразительной физіономіею: вонъ, тотъ, что сидитъ въ первомъ ряду, съ краю?»

— «Это Моцартъ.»

— «Моцартъ!» повторилъ я. «Какой Моцартъ?»

— «Какой? вотъ, странный вопросъ! Ну, разумѣется, сочинитель Донъ-Жуана, Волшебной Флейты....»

— «Что вы, что вы!» перервалъ я: «да онъ года четыре какъ умеръ.»

— «Извините, онъ умеръ въ 1791 году, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, то есть, пять лѣтъ тому назадъ. Рядомъ съ нимъ сидятъ Чимароза и Гендель, а позади Рамо и Глукъ.»

— «Рамо и Глукъ?....»

— «А вотъ, налѣво отъ насъ, стоитъ капельмейстеръ Арая, котораго опера Беллерофонтъ была дана въ Петербургѣ....»

— «Въ 1750 году, при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ?....»

— «Точно такъ! Съ нимъ разговариваетъ теперь Люлли.»

— «Капельмейстеръ Лудовика XIV?»

— «Онъ самый. А вонъ, видите, въ темномъ уголку? Да, вы разсмотрите его отсюда! — это сидитъ Жанъ-Жакъ Руссо. Онъ приглашенъ сюда не такъ какъ артистъ, но какъ знатокъ и любитель музыки. Конечно, его Деревенскій Колдунъ хорошенькая опера; но вы согласитесь сами....»

— Да что жъ это значитъ? перервалъ я, взглянувъ пристально на моего сосѣда; и лишь только-было хотѣлъ спросить его, какъ онъ смѣетъ такъ дерзко шутить надо мною, какъ вдругъ увидѣлъ, что это давнишній мой знакомецъ, старикъ Волгинъ, страстный любитель музыки и большой весельчакъ. Ба, ба, ба!» вскричалъ я: «такъ это вы изволите забавляться надо мною? Возможно ли! Вы ли это, Степанъ Алексѣевичъ?»

— «Да, это я!» отвѣчалъ онъ очень хладнокровно.

— «Вы пріѣхали сюда также послушать репетиціи завтрашняго концерта?»

Сосѣдъ мой кивнулъ головою.

— «Однако жъ, позвольте!....» продолжалъ я, чувствуя, что волосы на головѣ моей становятся дыбомъ:

«Что жъ это значитъ?.... Да вѣдь вы, кажется, лѣтъ шесть тому назадъ умерли?»

– «Извините!» отвѣчалъ мой сосѣдъ: «не шесть, а ровно семь.»

– «Да мнѣ помнится, я былъ у васъ и на похоронахъ.»

– «Статься-можетъ. А вы когда изволили скончаться?»

– Кто? я?.... Помилуйте, да я живъ!»

– «Вы живы?.... Ну, это странно, очень странно!» сказалъ покойникъ, пожимая плечами.

«Я хотѣлъ вскочить, хотѣлъ бѣжать вонъ; но мои ноги подкосились, и я какъ приколоченный гвоздями остался неподвижнымъ на прежнемъ мѣстѣ. Вдругъ по всей залѣ раздались громкія рукоплесканія, и Лауретта въ маскѣ и черномъ венеціянѣ появилась на концертной сценѣ. Вслѣдъ за ней тянулся длинный рядъ музыкантовъ, – и какихъ, мой другъ!.... Господи, Боже мой, что за фигуры! Журавлиныя шеи съ собачьими мордами, туловищи быковъ съ воробьиными головами, пѣтухи сь козлиными ногами, козлы съ человѣческими руками, – однимъ словомъ, ни какое безпутное воображеніе, ни какая сумасшедшая фантазія, не только не создастъ, но даже не представитъ себѣ по описанію такихъ гнусныхъ и безобразныхъ чудовищъ. Особенно же казались мнѣ отвратительными тѣ, у коихъ были человѣческія лица, если можно такъ назвать хари, въ которыхъ всѣ черты были такъ исковерканы, что, кромѣ главныхъ признаковъ человѣческаго лица, все прочее ни на что не походило. Когда вся эта ватага уродовъ высыпала вслѣдъ за Лауреттою на возвышеніе, и капельмейстеръ съ совиной головою въ бѣло-напудренномъ парикѣ сѣлъ на приготовленное для него мѣсто, началось настроиванье инструментовъ; большая часть музыкантовъ была не

довольна своими, но болѣе всего шумѣлъ контрабасистъ съ медвѣжьимъ рыломъ. — «Что это за лубочный сундукъ!» ревѣлъ онъ, повертывая свой инструментъ во всѣ стороны. «Помилуйте, синьора Бальдучи! Неужели я буду играть на этомъ гудкѣ?» Лауретта, молча, указала на моего сосѣда; контрабасистъ соскочилъ въ кресла, взялъ бѣднаго Волгина за шею, и встащилъ на помостъ; потомъ, поставивъ его головою внизъ, одной рукой обхватилъ обѣ его ноги, а другою началъ водить по брюху смычкомъ, и самые полные, густые звуки контрбаса, загремѣли подъ сводомъ ротонды. Вотъ наконецъ сладили межъ собой всѣ инструменты; капельмейстеръ поднялъ къверху огложенную бычачью кость, которая служила ему палочкою, махнулъ, и весь оркестръ грянулъ увертюру изъ Волшебной Флейты. Надобно сказать правду, были мѣстами нескладныя и дикія выходки, а особливо кларнетистъ, который надувалъ свой инструментъ носомъ, часто фальшилъ; но, не смотря на это, увертюра была сыграна не дурно. Послѣ довольно сильнаго аплодиссимента, вышла впередъ Лауретта, и не снимая маски, запѣла совершенно незнакомую для меня арію. Слова были престранныя: умирающая богоотступница прощалась съ своимъ любовникомъ; она пѣла, что въ безпредѣльномъ пространствѣ, и навсегда, съ каждой протекшей минутою станетъ увеличиваться разстояніе ихъ раздѣляющее; какъ вѣчность, будутъ безконечны ея страданія, и ихъ души, какъ свѣтъ и тма, никогда не сольются другъ съ другомъ. Все это выражено было въ превосходныхъ стихахъ, — а музыка!.... О, мой другъ, гдѣ найду я словъ, чтобъ описать тебѣ ту неизъяснимую тоску, которая сжала мое бѣдное сердце, когда эти восхитительные и адскіе звуки заколебали воздухъ? Въ нихъ не было ничего земнаго; но и небеса также не отражались въ этомъ голосѣ, исполненномъ слезъ и рыданій. Я слышалъ и стоны осужден-

ныхъ на вѣчныя мученія, и скрежетъ зубовъ, и вопли безнадежнаго отчаянія, и эти тяжкіе вздохи, вырывающіеся изъ груди изтомленной страданіями. Когда посреди гремящаго crescendo, составленнаго изъ самыхъ дикихъ и противуположныхъ звуковъ, Лауретта вдругъ останавливалась, общее громогласное браво раздалось по залѣ, и нѣсколько голосовъ закричали: – «Синьора Бальдучи, синьора Бальдучи! покажитесь намъ, снимите вашу маску!» Лауретта повиновалась: маска упала къ ея ногамъ, – и что жъ я увидѣлъ? Милосердый Боже!.... вмѣсто юнаго, цвѣтущаго лица моей Лауретты, изсохшую мертвую голову!!! Я онѣмѣлъ отъ удивленія и ужаса, но за то остальные зрители заговорили всѣ разомъ и подняли страшный шумъ. – «Ахъ какія прелести!» кричали они съ восторгомъ: «посмотрите какой черепъ, точно изъ слоновой кости!.... А ротикъ, ротикъ?.... Чудо! до самыхъ ушей!.... Какое совершенство!.... Ахъ, какъ мило она оскалила на насъ свои зубы!.... Какія кругленькія ямочки, вмѣсто глазъ!.... Ну, красавица!»

– «Синьора Бальдучи!» сказалъ Моцартъ, вставая съ своего мѣста: «потѣшьте насъ, спойте намъ Biondina in gondoletta.»

– «Да это не возможно, синьоръ Моцарти!» перервалъ капельмейстеръ: «каватину Biondina in gondoletta синьора Бальдучи поетъ съ гитарою, а здѣсь нѣтъ этого инструмента.»

– «Вы ошибаетесь, maestro di capella!» прошептала Лауретта, указывая на меня. «Гитара передъ вами.»

«Капельмейстеръ бросилъ на меня быстрый взглядъ, разинулъ свой совиный клёвъ, и захохоталъ такимъ злобнымъ образомъ, что кровь застыла въ моихъ жилахъ. «А что, въ самомъ дѣлѣ!» сказалъ онъ. «Подайте-ка мнѣ его сюда! Кажется..... Да, точно такъ!..... изъ него выйдетъ порядочная гитара.»

«Трое зрителей схватили меня и передали изъ рукъ въ руки капельмейстеру. Въ полминуты онъ оторвалъ у меня правую ногу, ободралъ ее со всѣхъ сторонъ, и оставя одну кость и сухія жилы, началъ ихъ натягивать какъ струны. Не могу описать тебѣ той нестерпимой боли, которую произвела во мнѣ эта предварительная операція, и хотя правая нога моя была уже оторвана, но, не смотря на это, въ ту минуту какъ злодѣй капельмейстеръ сталъ ее настроивать, я чувствовалъ, что всѣ нервы въ моемъ тѣлѣ вытягивались и готовы были лопнуть. Но когда Лауретта взяла изъ рукъ его мою бѣдную ногу и костяные ея пальцы пробѣжали по натянутымъ жиламъ, я позабылъ всю боль: такъ прекрасенъ и благозвученъ былъ тонъ сей необычайной гитары. Послѣ небольшаго ритурнеля, Лауретта запѣла въ полголоса свою каватину: я много разъ ее слышалъ, но никогда не производила она на меня такого чуднаго дѣйствія; мнѣ казалось, что я весь превратился въ слухъ, и, что всего страннѣе, не только душа моя, но даже всѣ части моего тѣла наслаждались отдѣльно одна отъ другой сей обворожительной музыкою. Но болѣе всѣхъ блаженствовала остальная нога моя: восторгъ ея доходилъ до какого-то изступленія; каждый звукъ гитары производилъ въ ней столь неизъяснимо пріятныя ощущенія, что она ни на одну секунду не могла остаться спокойною. Впрочемъ, всѣ движенія ея соотвѣтствовали совершенно темпу музыки: она, попеременно, то съ важностью кивала носкомъ, то быстро припрыгивала, то медленно шевелилась. Вдругъ Лауретта взяла фальшивый акордъ: ахъ, мой другъ, вся прежняя боль была ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что я почувствовалъ! Мнѣ показалось, что черепъ мой разсѣлся на части, что изъ меня потянули разомъ всѣ жилы, что меня начали пилить по частямъ тупымъ ножемъ.... Эта адская мука не могла долго продолжаться; я по-

терялъ всѣ чувства и только помню, какъ сквозь сонъ, что въ ту самую минуту, какъ всё начало темнѣть въ глазахъ моихъ, кто-то закричалъ: – «Выкиньте на улицу этотъ изломанный инструментъ!» – Вслѣдъ за симъ раздался хохотъ и громкія рукоплесканія. Я очнулся уже на другой день. Говорятъ, будто-бы меня нашли на площади подлѣ театра; впрочемъ ты, я думаю давно уже знаешь остальное: въ Москвѣ цѣлый мѣсяцъ объ этомъ толковали. Теперь всё для меня ясно: Лауретта являлась мнѣ послѣ своей смерти: она умерла въ Неаполѣ, а я, – какъ видишь, мой другъ, – я живъ еще», примолвилъ съ глубокимъ вздохомъ мой бѣдный пріятель, оканчивая свой разсказъ.

=

Какова исторія? спросилъ хозяинъ, поглядѣвъ съ улыбкою вокругъ себя. Ай-да, батюшка Александръ Дмитріевичъ, исполать тебѣ! мастеръ сказки разсказывать!

Помилуйте, Иванъ Алексѣевичъ: какая сказка? Это настоящая истина!

Въ самомъ дѣлѣ?

Увѣряю васъ, что пріятель мой во все не думалъ лгать, разсказывая мнѣ это странное приключеніе.

– Полно, братецъ: да это курамъ на смѣхъ! Воля твоя, какъ чортъ не хитеръ, а вѣрно и ему не придетъ въ голову сдѣлать изъ одного человѣка контрбасъ, а изъ другаго гитару.

– Если вы не вѣрите мнѣ, такъ я могу сослаться на самого Зорина. Онъ, благодаря Бога, еще не умеръ, и живетъ по-прежнему, въ Петербургѣ, подлѣ Обухова моста.....»

– Въ желтомъ домѣ? перервалъ исправникъ.

Вотъ этого не могу вамъ сказать! продолжалъ спокойно Черёмухинъ: можетъ-быть, его давно уже перекрасили.

— Ахъ ты, проказникъ! подхватилъ хозяинъ. Такъ ты разсказалъ намъ то, что слышалъ отъ сумасшедшаго?

— Отъ сумасшедшаго?... Ну этого еще не знаю! Зоринъ никогда мнѣ не признавался, что онъ сошелъ съ ума, а напротивъ увѣрялъ меня, что если доктора и смотрители желтаго дома не безумные, такъ по одному упрямству и злобѣ не хотятъ видѣть, что у него вмѣсто правой ноги отличная гитара.

— Смотри, пожалуй! вскричалъ хозяинъ: какую дичь поретъ! А вѣдь самъ какъ дѣло говоритъ: не улыбнётся! Впрочемъ, и то сказать, прибавилъ онъ, помолчавъ нѣсколько времени: пріятель твой, Зоринъ, сошелъ же отъ чего-нибудь съ ума! Ну, если въ самомъ дѣлѣ эта басурманка приходила съ того свѣта, чтобъ его помучить?....

— А что вы думаете? сказалъ я. Не знаю, какъ другіе, а я не сомнѣваюсь, что мы можемъ иногда послѣ смерти показываться тѣмъ, которыхъ любили на землѣ.

— И, полно, братецъ! перервалъ съ улыбкою Заруцкой: да этакъ бы и числа не было выходцамъ съ того свѣта!

— Напротивъ! продолжалъ я: эти случаи должны быть очень рѣдки.... Я увѣренъ, что мы послѣ нашей смерти можемъ показываться только тѣмъ изъ друзей или родныхъ нашихъ, къ которымъ были привязаны не по одной привычкѣ, любили не по разсудку, не по обязанности, не по тому только, что намъ было съ ними весело, но по какой-то неизъяснимой симпатіи, по какому-то сродству душъ....

— Сродству душъ? перервалъ Заруцкой: а что ты разумѣешь подъ этимъ?

— Что я разумѣю? Не знаю, удастся ли мнѣ изъяснить тебѣ это примѣромъ: послушай! Всякой музы-

кальный инструментъ заключаетъ въ себѣ способность издавать звуки, точно такъ же, какъ тѣло наше способность жить и дѣйствовать, и, точно такъ же, какъ тѣло безъ души, всякой инструментъ, безъ содѣйствія художника, который влагаетъ въ него душу, мертвъ, и не можетъ или, по крайней мѣрѣ, не долженъ самъ собою обнаружить этой способности. Теперь, не хочешь ли сдѣлать опытъ? Положи на фортепіано какой-нибудь другой инструментъ, напримѣръ, хоть гитару, а на одну изъ струнъ ея, небольшой клочекъ бумаги, потомъ начни перебирать на фортепіанѣ всѣ клавиши одну послѣ другой: бумажка будетъ лежать спокойно до тѣхъ поръ, пока ты не заставишь прозвучать ноту, одинакую съ той, которую издаетъ струна гитары. Но тогда, лишь только ты дотронешься до клавиши, въ то же самое мгновеніе струна зазвучитъ, и бумажка слетитъ долой. Слѣдовательно, по какому-то непонятному сочувствію, мертвый инструментъ отзовется на голосъ живаго. Попытайся, мой другъ, изъяснить мнѣ это, весьма обыкновенное, и по-видимому физическое явленіе, тогда быть-можетъ и я растолкую тебѣ, что понимаю подъ словами — симпатія и сродство душъ.

— Ба, ба, ба, любезный другъ! сказалъ Заруцкой, улыбаясь. Да ты ужасный метафизикъ и психологъ! Я этого не зналъ за тобою. Вотъ что! Теперь понимаю: душа умершаго человѣка съ душей живаго могутъ сообщаться межъ собою, только въ такомъ случаѣ, когда они обѣ настроены по одному каммеръ-тону.

— Ты шутишь, Заруцкой, перервалъ исправникъ, а мнѣ кажется, что Михайла Николаевичъ говоритъ дѣло. Я самъ знаю одинъ случай, который рѣшительно оправдываетъ его догадки, и такъ какъ у насъ пошло на разсказы, пожалуй, и я разскажу вамъ, не сказку,

а истинное происшествіе. Быть-можетъ, вы мнѣ не повѣрите, но я клянусь вамъ честію, что это правда.

=

Въ началѣ 1792 года, гусарскій полкъ, въ которомъ я служилъ корнетомъ, стоялъ въ Бѣлоруссіи, и мой эскадронъ занималъ квартиры въ мѣстечкѣ, принадлежащемъ двумъ братьямъ, Князьямъ Лю — кимъ. Они жили вмѣстѣ съ своими женами въ ихъ наслѣдственномъ и великолѣпномъ замкѣ. Радушное ихъ обращеніе съ Русскими офицерами, а болѣе всего веселый образъ жизни, напоминающій роскошное хлѣбосольство древнихъ магнатовъ Польши, вошли въ пословицу между нашими офицерами. «Хоть бы Князь-«ямъ Лю — кимъ задать такой праздникъ!» говаривали мы всегда, когда хотѣли похвалить чье-нибудь угощеніе.

Изо всѣхъ офицеровъ моего эскадрона, я болѣе другихъ былъ ими обласканъ, и въ теченіе двухъ или трехъ недѣль сдѣлался въ ихъ семьѣ совершенно домашнимъ человѣкомъ. Обѣ Княгини были женщины отмѣнно любезныя, и могли назваться красавицами. Если бъ онѣ были родныя сестры, то и тогда бы нельзя было не подивиться ихъ необычайной дружбѣ; но двѣ невѣстки, двѣ хозяйки въ одномъ домѣ, которыя живутъ душа въ душу, такая диковинка, какую не всякому удастся на роду своемъ увидѣть. Нельзя было сказать, чтобъ ихъ нравы были совершенно сходны межъ собою: напротивъ, одна изъ нихъ, жена старшаго брата, которая называлась Жозефиною, была самаго кроткаго характера, и даже нѣсколько холодна, а другая отмѣнно жива и вспыльчива; но, не смотря на это различіе, которое впрочемъ замѣтно было только въ отношеніи къ другимъ, никогда ни малѣйшая досада не нарушала ихъ семейнаго согласія.

Жозефина очень часто разговаривала со мною объ этой дружбѣ.

– Вы не можете себѣ представить, сказала она мнѣ однажды, какое странное, и даже непонятное для насъ самихъ, чувство мы питаемъ другъ къ другу. Говорятъ, что мы живемъ какъ родныя сестры, да это вовсе не то: у меня были три сестры, я любила ихъ, но совсѣмъ другимъ образомъ. Когда я въ первый разъ увидѣла Казимиру, – такъ называли меньшую невѣстку, – мнѣ показалось, что ея-то именно и не доставало для моего благополучія; что иногда въ грустныя минуты я тосковала о ней, – и хотя рѣшительно увидѣла ее тогда въ первый разъ, но готова была побожиться, что и черты лица ея, и звукъ ея голоса и даже нѣкоторыя, собственно ей принадлежащія, выраженія и привычки давно уже мнѣ знакомы; что мы, не знаю гдѣ и когда, но только непремѣнно и любили другъ друга, и жили вмѣстѣ. Не правда ли, что это очень странно? А вѣдь еще страннѣе, что Казимира при первой встрѣчѣ со мною почувствовала то же самое? Ну вотъ, послѣ этого, не вѣрьте симпатіямъ! Сколько разъ случалось, я задумаю какую нибудь новую забаву, хочу сдѣлать ей сюрпризъ, что жъ? Ей именно то же самое прійдетъ въ голову! Она затѣетъ по тихоньку отъ меня какое нибудь веселье, секретничаетъ, хлопочетъ, и вдругъ я начну съ нею совѣтоваться, какимъ образомъ уладить точно такой же праздникъ, какой она хотѣла дать мнѣ нечаянно! Мы никогда еще не разставались, и я думаю, что разлука будетъ для насъ большимъ несчастіемъ. Мало ли что случается? Одна изъ насъ можетъ умереть, намъ не удастся проститься другъ съ другомъ..... О, вы не можете представить, какъ эта мысль насъ пугаетъ! Правда, мы на этотъ счетъ взяли нѣкоторыя предосторожности, продолжала Жозефина, улыбаясь, однако жъ вовсе не шутя: мы связали себя клятвою.

– Клятвою?

– Да. Мы поклялись другъ другу, что если судьба приведетъ одну изъ насъ умереть прежде, и мы въ эту минуту не будемъ вмѣстѣ, то умершая должна непремѣнно, не покидая еще земли, явиться къ той, которая останется въ живыхъ.

– Но подумали ли вы, сказалъ я также, не шутя: что исполненіе сей клятвы зависитъ не отъ васъ?

– О, какъ же! Мы и на этотъ счетъ взяли свои предосторожности. Говорятъ, что всякая клятва, данная и неисполненная въ здѣшнемъ мірѣ, станетъ въ будущемъ тяготить нашу душу, то есть, мѣшаетъ ей наслаждаться вполнѣ блаженствомъ, если она его заслужитъ, и для того мы поклялись съ условіемъ.

– Съ условіемъ?

– Да, съ условіемъ. Наша клятва должна только имѣть силу въ предѣлахъ возможнаго: – nous avons juré jusqu'aux bornes du possible.

Когда она выговорила эту Французскую фразу, которую повторяю вамъ слово отъ слова, то я не могъ удержаться отъ смѣха, – такъ показалось мнѣ забавнымъ это дѣтское простодушіе милой Жозефины.

– Ого, Княгиня! сказалъ я: да вы знаете приказный порядокъ, и взяли всѣ законныя предосторожности; теперь, если одна изъ васъ выполнитъ свое обѣщаніе, такъ это будетъ даже не чудно, потому что свершится въ предѣлахъ возможнаго.

– Смѣйтесь, смѣйтесь, перервала Жозефина: а я увѣрена, что если одна изъ насъ кончитъ жизнь не на рукахъ у другой, то или мы умремъ въ одно время, то есть, въ одинъ часъ, въ одну минуту, или непремѣнно повидаемся другъ съ другомъ, передъ нашей земной разлукою.

Мужъ Княгини Казимиры страдалъ уже нѣсколько лѣтъ отъ одной хронической болѣзни, которая, не

смотря на стараніе лучшихъ медиковъ тамошняго края, очевидно усиливалась и могла превратиться въ неизлечимый недугъ. По общему совѣту докторовъ, ему оставалось испытать послѣднее средство, то есть, ѣхать за границу и полечиться у иностранныхъ врачей, а въ особенности у знаменитаго Доктора Франка, который въ то время былъ въ Парижѣ. Какъ ни тяжело было для Княгинь разстаться на долгое время, но необходимость требовала этой жертвы. На прощаньѣ, онѣ еще разъ повторили свою клятву, и обѣщались, не пропуская ни одной почты, писать другъ другу обо всемъ.

Прошло мѣсяца два; вотъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Казимира увѣдомила свою невѣстку, что она отправляется съ больнымъ своимъ мужемъ въ Парижъ. Это извѣстіе очень обезпокоило Жозефину. Французская революція становилась часъ-отъ-часу грознѣе, и хотя кровь не лилась еще рѣками, но все заставляло думать, что предсказанія и догадки Европейскихъ журналистовъ, какъ крики зловѣщихъ птицъ, не предвѣщаютъ ничего добраго. Напрасно Казимира успокоивала своего друга. «Ты не должна за насъ бояться, писала она: мы, иностранцы, будемъ жить тихо, не станемъ мѣшаться въ политическія дѣла, такъ насъ и не замѣтятъ въ Парижѣ.» Все это казалось Жозефинѣ недостаточной порукою за ихъ безопасность. Межъ тѣмъ время шло да шло. Роберспьеръ, Маратъ, Дантонъ и сотни другихъ тигровъ, представлявшихъ въ лицѣ своемъ «великую націю», начинали по-немногу пріучать вѣтренныхъ Французовъ къ кровавымъ пиршествамъ, на которыхъ деспотизмъ палачей величали свободою, судомъ называли человѣческую бойню, а народомъ Французскимъ шайку разбойниковъ и убійцъ; и чтобъ равенство, это слово, не имѣющее ни какого моральнаго смысла, сдѣлать хотя физически возможнымъ, предлагали, для уравненія всей націи, подруб-

ливать головы тѣмъ, которые имѣли несчастіе родиться повыше другихъ. Въ то же время, новые отцы отечества извѣщали своихъ согражданъ, что они, съ родительскимъ сердоболіемъ, пріискивали всѣ средства, какъ бы облегчить страданія умирающихъ на эшафотѣ, и что, дабы рубить головы и скорѣе, и опрятнѣе, изобрѣли «филантропическую» машину, которую назвали гильотиною. Жозефина все это читала въ газетахъ, слѣдовательно не могла оставаться спокойною. Замѣчая тоску своей жены, Князь Лю--кій давалъ безпрестанно праздники, балы, концерты, - однимъ словомъ, употреблялъ всѣ средства, чтобъ разсѣять ея горесть. На одномъ изъ сихъ баловъ, на который съѣхалось къ нимъ человѣкъ двѣсти гостей, я замѣтилъ, что Жозефина была скучнѣе обыкновеннаго.

– Здоровы ли вы? спросилъ я, садясь подлѣ нея въ танцовальной залѣ.

– А что? шепнула Княгиня: развѣ я кажусь больною?

– А если вы здоровы, такъ позвольте вамъ сказать, что вы вовсе не походите на хозяйку, которая даетъ такой блестящій балъ. Взгляните, какъ все оживлено въ этой залѣ: три мазурки въ одно время!..... Даже старики поднялись, а вы не танцуете! Да будьте повеселѣе; вѣдь этакъ подумаютъ, что вы не ради вашимъ гостямъ.

– Такъ что жъ? Пускай себѣ думаютъ, что хотятъ, а мнѣ право не до танцевъ.

– Вы меня пугаете, Княгиня! Ужъ не имѣете ли вы какого-нибудь непріятнаго извѣстія изъ Парижа, или давно не получали оттуда писемъ?

– Напротивъ. Я получила сегодня письмо отъ Казимиры, и весьма пріятное. Она пишетъ, что въ Парижѣ очень весело; что журналисты все увеличи-

ваютъ; что, несмотря на угрозы республиканской партіи, Король любимъ, и если бъ захотѣлъ только унять этихъ крикуновъ, такъ все пошло бы по-прежнему; но онъ слишкомъ добръ, и не хочетъ прибѣгать къ силѣ, тѣмъ болѣе, что это волненіе умовъ не можетъ быть продолжительно: такое постоянство было бы не въ характерѣ Французской націи. А сверхъ того Королева Французская, которая очень милостива къ Казимирѣ и приглашаетъ ее на всѣ свои маленькіе вечера, открыла ей по секрету, что глава, или лучше сказать, душа революціи, этотъ Графъ Мирабо, перешелъ на сторону правительства. Что жъ касается до прочихъ зачинщиковъ, то они не только ничтожны, но даже отвратительны и гадки въ глазахъ цѣлаго Парижа. Все это должно бы, кажется, меня успокоить, а напротивъ я никогда еще не была такъ растревожена, какъ сегодня.

— Да что жъ вы чувствуете?

— И сама не знаю. Вотъ, тутъ, на сердцѣ у меня такъ тяжело!..... Мнѣ такъ грустно!..... Вы скажете, что это малодушіе, ребячество: быть можетъ! — Да что же дѣлать, когда въ насъ есть что-то такое, что несравненно сильнѣе всякаго разсудка. Конечно, и я могу притвориться веселою; но это будетъ одно притворство.

— А вы его не навидите, Княгиня. Однако жъ такъ и быть, притворитесь! Я слыхалъ, что иногда актеры увлекаются своими ролями: почему знать? — можетъ-быть, и вы забудете ваше горе, протанцуете первую мазурку не-хотя, а вторая васъ будетъ забавлять. Пойдемте!

Княгиня молча подала мнѣ руку, и мы, составивъ четвертую мазурку, пустились танцовать наперерывъ съ другими. Въ самомъ дѣлѣ, Жозефина поразвеселилась, и, къ концу бала, на прекрасномъ лицѣ ея

не осталось даже и слѣдовъ прежняго безпокойства и горести.

Вотъ, послѣ ужина, гости стали расходиться, ближайшіе сосѣди разъѣхались по своимъ деревнямъ, а тѣ, которые жили подалѣе, остались ночевать въ зàмкѣ. Въ числѣ послѣднихъ было нѣсколько молодыхъ барынь. Хозяйка, уложивъ ихъ спать въ одной большой горницѣ, расположилась и сама ночевать вмѣстѣ съ ними. Я отправился также въ свою комнату, и вѣрно бы проспалъ крѣпкимъ сномъ до самаго обѣда, когда бы рано поутру не разбудила меня какая-то необычайная тревога въ цѣломъ домѣ: вездѣ хлопали дверьми и по всѣмъ коридорамъ поднялась такая бѣготня, что если бъ хотя немного пахло дымомъ, такъ я подумалъ бы, что мы горимъ. Я вскочилъ съ постели, одѣлся на скорую руку, и побѣжалъ узнать причину этой суматохи. Любимая панна Жозефины, черноглазая Юлія, на которую я давно уже засматривался, первая повстрѣчалась со мной въ коридорѣ и сказала мнѣ мимоходомъ, что Княгиня занемогла, что ей сдѣлалось ночью очень дурно, что она во снѣ или на яву, — навѣрное не знаютъ, — но только видѣла что-то страшное, и лежитъ теперь безъ памяти. Не прошло и двухъ часовъ, какъ всѣ остальные гости разъѣхались, и, этакъ часу въ десятомъ, пришли мнѣ сказать, что Княгиня проситъ меня къ себѣ.

Я нашелъ ее въ совершенной памяти; она сидѣла, совсѣмъ одѣтая, на канапе, и, на вопросъ мой о внезапной ея болѣзни, отвѣчала, что чувствуетъ себя совершенно здоровою. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ необычайной блѣдности, на лицѣ ея не замѣтно было ни какихъ признаковъ болѣзни; но съ перваго взгляда на ея мутные и распухшіе глаза, не трудно было догадаться, что она очень много плакала.

— Садитесь вотъ здѣсь — подлѣ меня! шепнула она тихимъ голосомъ.

– Что съ вами сдѣлалось, Княгиня? сказалъ я, садясь на канапе.

– Ничего. Я знала это напередъ. О, сердце мое предчувствовало! Оно меня никогда не обманываетъ.

– Да, что такое?

– Я ее видѣла.

– Видѣли? ..... кого?

– Ее. Она приходила со мною проститься.

– Да о комъ вы говорите?

– О моемъ другѣ.

– О вашей невѣсткѣ?

– Да.

– Что вы, Княгиня! помилуйте! Это такъ: разстроенное воображеніе ..... Вы много танцовали, кровь ваша была въ волненіи, и какой-нибудь сонъ .....

– Сонъ! повторила она съ грустной улыбкою. Сонъ! Нѣтъ, я не спала..... Послушайте, я разскажу вамъ все.

Въ продолженіе сего чуднаго разсказа я безпрестанно смотрѣлъ на нее, надѣясь подглядѣть въ глазахъ ея признаки бреда или горячки; но кромѣ тихой и спокойной грусти, я не могъ замѣтить ничего на ея блѣдномъ и усталомъ лицѣ. То, что она мнѣ разсказала, было такъ странно, и въ то же время носило на себѣ такой отпечатокъ истины, что всѣ слова ея врѣзались въ мою память, и я могу вамъ повторить ея разсказъ, безъ всякой ошибки и перемѣны, точно такъ, какъ-будто-бы слышалъ его вчера.

Уложивъ спать своихъ гостей, она заснула сама крѣпкимъ сномъ, часу во второмъ утра. Засыпая, она даже сверхъ обыкновенія ни разу не подумала о Казимирѣ. По ея догадкамъ она спала уже болѣе часу, какъ вдругъ ей послышался тихій шелестъ, и на нее повѣяло какой-то пріятной весенней прохладою. Она проснулась. У самаго ея изголовья стояла женщина въ бѣломъ

платьѣ, съ остриженными волосами; на ней не было ни какихъ украшеній кромѣ краснаго ожерелья на шеѣ, и чернаго пояса съ стальною пряжкою. Не смотря на то, что въ комнатѣ горѣла одна ночная лампада, Жозефина разсмотрѣла все это съ перваго взгляда. Лице этой женщины было покрыто, или, лучше сказать, на него было наброшено короткое бѣлое покрывало; она стояла неподвижно и держала руки, сложивъ крестомъ, на груди. Въ первую минуту испуга, Жозефина не могла выговорить ни слова, а потомъ, когда хотѣла позвать своихъ дѣвушекъ и разбудить гостей, бѣлая женщина подняла покрывало и сказала тихимъ голосомъ: «Не пугайся мой другъ, это я!» – «Боже мой!» вскричала Жозефина: «это ты, Казимира?..... возможно ли? Когда вы пріѣхали?» – Она приподнялась, чтобъ обнять свою невѣстку; но Казимира отступила шагъ назадъ и прошептала едва слышнымъ голосомъ: – «Не прикасайся ко мнѣ, Жозефина! Еще не пришло время, когда тебѣ можно будетъ обнять меня, и чувствовать, что ты меня обнимаешь. Я пришла проститься съ тобою.» – «Проститься?» – «Да! развѣ ты забыла нашу клятву?» – Тутъ Жозефина вспомнила все. И, какъ вы думаете, – испугалась? или по крайней мѣрѣ пришла въ отчаяніе? залилась слезами?..... Нѣтъ! она не чувствовала ни страху, ни горести: и то и другое овладѣло ея душею послѣ, но въ эту минуту она была совершенно спокойна.» – «И такъ мой другъ, ты умерла?» спросила она Казимиру. – «Да. Я умерла въ Парижѣ. Мнѣ отрубили голову.» – «За что?» – «За мою привязанность къ Французской Королевѣ.» – «Злодѣи!.....» – «Не кляни, а благословляй ихъ, Жозефина: они отперли двери моей темницы.» – «Твоей темницы?..... Какой темницы?» Привидѣніе кротко улыбнулось и не отвѣчало ничего. – «Скажи мнѣ, мой другъ,» продолжала Жозефина: «страшно ли умирать?» – «Да. Точно такъ

же, какъ страшно слѣпому отъ рожденія взглянуть въ первый разъ на свѣтлое солнце и ясныя небеса.» — «Ахъ! послѣдняя минута должна быть ужасна!» — «Да, мой другъ! Послѣдняя минута ужасна; но за то первая!.....» — Неподвижные взоры привидѣнія одушевились.

— И что я прочла въ нихъ!..... говорила Жозефина, рыдая. О, какъ ничтожно это чувство, которое мы всѣ, минутные гости земли, называемъ нашей радостію и блаженствомъ!

— «Но мы должны разстаться,» сказало привидѣніе: — «прощай Жозефина; до свиданія, тамъ, въ нашей родинѣ!.....» — «Постой, мой другъ!» вскричала Жозефина. «Скажи, увѣрена ли ты, что мы опять увидимся?» — «О, я не сомнѣваюсь въ этомъ! Я вижу твою душу: она рвется изъ оковъ своихъ, она не любитъ своей неволи. Послушай!.....» Тутъ тѣнь Казимиры поклонилась, и прошептала нѣсколько словъ на ухо своему другу.

— Потомъ, продолжала Жозефина, глаза мои сомкнулись мнѣ послышалось, что въ вышинѣ надо мною раздаются какіе-то неизъяснимо пріятные звуки, и я или заснула опять или лишилась чувствъ, не знаю сама; но только все исчезло.

— А что такое шепнула она вамъ на ухо? спросилъ я съ любопытствомъ.

— Не спрашивайте меня объ этомъ! перервала Жозефина. Эти слова умрутъ, — да! они должны умереть вмѣстѣ со мною.

Какъ я ни убѣждалъ ее открыть мнѣ эту тайну, — все было напрасно. Я замѣтилъ только одно, что всякой разъ, когда говорилъ съ ней объ этомъ, она начинала плакать; но эти слезы не были слезами горести.

Черезъ три недѣли мы прочли въ Парижской газетѣ «Другъ народа», что вскорѣ послѣ убійства Графини Ламбаль, казнена была одна иностранка, и какъ, по обыкновенію Французскихъ писателей, ни исковеркано было имя этой несчастной, къ сожалѣнію, намъ не трудно было отгадать въ немъ фамильное прозваніе Князей Лю.....кихъ.

=

Исправникъ замолчалъ. Я слушалъ съ большимъ вниманіемъ его разсказъ, но это не помѣшало мнѣ замѣтить, что Заруцкой и Черёмухинъ толковали о чемъ-то межъ собою въ полголоса; что послѣдній поглядѣлъ на свои часы, и въ то самое время, какъ вниманіе наше было обращено на разскащика, вышелъ потихонку изъ кабинета.

—Ну, племянникъ, промолвилъ, улыбаясь, хозяинъ: что ты скажешь на это?

—Если бъ Алексѣй Дмитріевичъ не былъ самъ очевиднымъ свидѣтелемъ этого происшествія, отвѣчалъ Заруцкой, то я сказалъ бы вамъ, что это просто сказки.

—Ну, а теперь что скажешь?

—Теперь скажу, что это странное стеченіе обстоятельствъ, не совсѣмъ обыкновенный случай, и больше ничего.

—Какъ ничего?

—Разумѣется! Сонъ, который видѣла Жозефина, есть нечто иное, какъ повтореніе того, о чемъ она безпрестанно думала на яву; и если бъ Казимира возвратилась благополучно изъ своего путешествія, то этотъ сонъ былъ бы забытъ точно такъ, какъ тысячи подобныхъ сновъ, которые не сбываются, и о которыхъ ни кто не говоритъ ни слова.

—Экой ты, братецъ, какой! да вѣдь ты слышалъ, что это сбылось.

— Да что жъ удивительнаго, когда изъ милліона вздорныхъ сновъ какой-нибудь одинъ нечаянно сбудется! Напримѣръ: если бъ жена морскаго офицера, который отправился кругомъ свѣта, стала очень тосковать о своемъ мужѣ, то вѣроятно часто бы видѣла во снѣ, что онъ утонулъ. И если въ самомъ дѣлѣ онъ погибнетъ на морѣ, такъ вы скажете, что ей было это предсказано во снѣ?

— Да, что ты наладилъ, племянникъ? во снѣ да во снѣ! Вѣдь ты слышалъ, что она видѣла это наяву.

— То есть, ей казалось, что она не спала. Но такъ и быть! Согласенъ; она видѣла это не во снѣ: такъ что жъ? Развѣ намъ не случается видѣть наяву предметы, которые существуютъ только вь одномъ разстроенномъ воображеніи нашемъ? Испытайте не поспать нѣсколько ночей сряду, и вы увидите наяву такія диковинки, какія не пригрѣзятся вамъ никогда и во снѣ. Поговорите объ этомъ съ курьерами, которые скачутъ день и ночь, не имѣя времени соснуть ни на минуту. Я самъ однажды видѣлъ на большой дорогѣ, обсаженной однѣми липками, цѣлыя улицы огромныхъ палатъ и дворцевъ, а кажется не спалъ, и даже, чтобъ не задремать и не свалиться съ телѣжки, пѣлъ пѣсни и безпрестанно разговаривалъ съ ямщикомъ. Знаете ли, до какой степени можетъ, иногда, приготовленное къ чудесамъ воображеніе обманывать всѣ наши чувства? Вотъ напримѣръ, теперь темная, осенняя ночь; вѣтеръ воетъ, близко полуночи, и мы уже часа три сряду, разсказываемъ другъ другу страшныя повѣсти. Я увѣренъ, что теперь каждый изъ насъ, не исключая меня, гораздо болѣе обыкновеннаго расположенъ къ испугу, и несравненно легковѣрнѣе, чѣмъ во всякое другое время. Нечаянный стукъ, неожиданное появленіе какого-нибудь новаго гостя, скрипъ двери, порывъ вѣтра, — однимъ словомъ,

все можетъ насъ потревожить и показаться намъ неестественнымъ; и если бъ въ эту самую минуту, какъ я говорю съ вами, кто-нибудь, подмостясь съ надворья, заглянулъ къ намъ въ окно, то, безъ всякаго сомнѣнія, самое обыкновенное лице показалось бы намъ не человѣческимъ.

—Вотъ еще вздумалъ чѣмъ пугать! перервалъ хозяинъ, посматривая робко вокругъ себя.

—Какой вздоръ! сказалъ я, взглянувъ невольно на окна.

Нѣтъ, не вздоръ, продолжалъ Заруцкой: мы всѣ имѣемъ какую-то врожденную наклонность вѣрить чудесному; и хотя страхъ чувство вовсе непріятное, но мы любимъ это судорожное сжиманіе сердца, этотъ холодъ, которымъ обдаетъ насъ съ ногъ до головы, когда намъ кажется, что мы видимъ что-нибудь неестественное, и коль скоро мы дадимъ волю нашему воображенію, лишь только оно возьметъ верхъ надъ разсудкомъ; мы готовы вѣрить всему, пугаться всего, и точно такъ же, какъ въ сильной горячкѣ, хотя и сохраняемъ физическія наши способности, а не смотря на это и видимъ, и слышимъ, и даже чувствуемъ все навыворотъ.... Но вотъ, кажется, и полночь....чу!

На дворѣ стали бить часы.

—Какъ страшно завываетъ этотъ колоколъ! продолжалъ Заруцкой, считая въ полголоса удары. Пять..... шесть..... Не правда ли, что въ этомъ звукѣ есть что-то могильное, зловѣщее? Восемь..... девять..... Какъ заунывно и протяжно раздается этотъ—

Глаголъ временъ! металла звонъ!.....

Одиннадцать!..... Двѣнадцать!..... Боже мой!..... Смотрите, смотрите!..... Что это?

Я вскрикнулъ, Кольчугинъ уронилъ на полъ свою трубку, исправникъ и хозяинъ вскочили съ своихъ

мѣстъ, и всѣ взоры, по направленію руки Заруцкаго, обратились на одно изъ оконъ кабинета.

—Кой чортъ! вскричалъ хозяинъ. Да что жъ онъ видитъ? Не знаю, вы господа, а я не вижу ничего.

—И я также, сказалъ Кольчугинъ, подымая свою трубку.

—Ахъ онъ проказникъ! перервалъ исправникъ съ громкимъ хохотомъ. Смотри, пожалуй, какъ онъ всѣхъ насъ переполошилъ! Ого, да ты братъ славный актеръ! продолжалъ исправникъ, обращаясь къ Заруцкому. Полно, полно, любезный! — не кобенься, никого не обманешь.

Я взглянулъ на моего пріятеля: нѣтъ, это не комедія! Его почти безумный и неподвижный взоръ былъ устремленъ на среднее окно кабинета: всѣ члены его дрожали, волосы стояли дыбомъ, а на помертвѣвшемъ лицѣ изображался неизъяснимый ужасъ.

—Что ты, что ты, мой другъ? спросилъ я, подходя къ нему. Что съ тобою сдѣлалось?

Заруцкой не отвѣчалъ ни слова.

—Не трогайте его! сказалъ исправникъ. Онъ теперь на сценѣ, и такъ сроднился съ своею ролью, что не хочетъ съ нею разстаться.

Вдругъ послышались въ коридорѣ скорые шаги, дверь отворилась и вошелъ Черёмухинъ.

—Фу, братецъ! Какъ ты меня напугалъ! проговорилъ Заруцкой, садясь на канапе. Насилу могу отдохнуть!

—Я тебя напугалъ? повторилъ Черёмухинъ.

—Да! ты.

—Чѣмъ, если смѣю спросить?

—Какъ чѣмъ? Я говорилъ тебѣ, когда часы на дворѣ будутъ бить полночь, чтобъ ты, при послѣднемъ

ударѣ колокола, заглянулъ къ намъ въ окно; а никто не просилъ тебя закутаться въ какой-то бѣлый саванъ и надѣть на голову женскій чепецъ.

– Женскій чепецъ?..... Что ты, въ умѣ ли?

– Ну вотъ еще!..... запирайся!

– Помилуй, братецъ: да я и съ крыльца не сходилъ!

– Что ты говоришь?

– Ну, да! Когда я вышелъ на крыльцо и увидѣлъ, что дождь льетъ какъ изъ ведра, такъ, не погнѣвайся, – не заблагоразсудилъ промокнуть до костей, чтобъ для твоей забавы выкинуть проказу, за которую и маленькихъ дѣтей сѣкутъ.

– И ты не смотрѣлъ къ намъ въ окно?

– Нѣтъ.

– Послушай, Александръ! вскричалъ Заруцкой, поблѣднѣвъ снова: эта шутка никуда не годится.

– Какая шутка? Ахъ, батюшки, да что съ тобою сдѣлалось?

– Говори правду: я этого требую.

– Тфу, пропасть! Да если ты мнѣ не вѣришь, такъ ступай въ переднюю, и спроси у людей. Я тебѣ говорю, что я не только не заглядывалъ къ вамъ въ окно, но даже и съ крыльца не сходилъ. Слышишь, какой идетъ дождь?..... Если бъ я былъ на дворѣ, то на мнѣ бы сухой нитки не осталось: а вотъ, посмотри!..... На, пощупай мое платье!..... Ну, что, былъ ли я подъ дождемъ?

Пріятель мой замолчалъ.

– Да развѣ ты въ самомъ дѣлѣ что-нибудь видѣлъ? спросилъ я его въ полголоса.

Онъ сжалъ крѣпко мою руку и прошепталъ прерывающимся голосомъ: – Да, мой другъ!.... я видѣлъ.... О, еслибъ ты зналъ, что я видѣлъ!....

– Да что такое?

Заруцкій, не отвѣчая на мой вопросъ, и какъ будто-бы говоря съ самимъ собою, сказалъ: — Кажется сегодня суббота..... Да! точно, суббота.....

— А если хочешь, такъ и воскресенье: двѣнадцать часовъ ужъ било. Да скажи мнѣ.....

— Нѣтъ, мой другъ. Быть-можетъ, это одинъ обманъ моихъ чувствъ..... Мнѣ могло показаться!.... Но я видѣлъ это такъ ясно..... примолвилъ онъ, поглядѣвъ съ невольнымъ содроганіемъ на среднее окно кабинета: вотъ тутъ!.... прямо, противъ меня!....

— О чемъ вы, господа, тамъ перешептываетесь?

— Такъ, дядюшка; ничего! сказалъ Заруцкій, стараясь улыбаться.

— Опять какой-нибудь заговоръ, чтобъ перепугать насъ! подхватилъ исправникъ. Да не трудитесь, господа! Не знаю, какъ другіе, а я за себя отвѣчаю: два раза сряду не испугаете.

— Ну, не ручайся, любезный! перервалъ хозяинъ. Если бъ ты зналъ исторію моего дома, и то, что нѣкогда случилось въ этой самой комнатѣ, гдѣ мы теперь бесѣдуемъ, то не сталъ бы такъ храбриться. Я давно ужъ здѣсь живу, и благодаря Бога, ни какихъ страстей не видывалъ, — а какъ вспомню про эту ужасную исторію, такъ, признаюсь, меня и въ Петровки морозъ по кожѣ подираетъ.

— А, кстати, Иванъ Алексѣевичъ! подхватилъ исправникъ: разскажите-ка намъ это преданіе. Мнѣ давно уже хотѣлось узнать подробнѣе объ этомъ ночномъ поѣздѣ, о которомъ такъ много толкуютъ во всемъ нашемъ уѣздѣ.

— И вѣрно всякой по-своему — замѣтилъ хозяинъ.

— Да! каждый по-своему: въ одномъ только всѣ согласны, что эта сказка имѣетъ основаніемъ какое-то истинное происшествіе.

– А почему вы называете это преданіе сказкою? спросилъ я исправника.

– Потому, что оно съ начала до конца походитъ на сказку.

– А то, что ты намъ сейчасъ разсказывалъ, перервалъ съ улыбкою Черёмухинъ, чай, по-твоему исторія?

– О, это другое дѣло! сказалъ я. Появленіе умершей, – это сообщеніе міра невещественнаго съ міромъ земнымъ, это гармоническое сочувствіе душъ, доказывающее небесное наше начало и способность проявленія, въ видимыхъ формахъ, существъ неподчиненныхъ ни какимъ физическимъ законамъ, – можетъ менѣе или болѣе оправдаться понятіямъ нашимъ объ организаціи.... то есть, о внутренней способности существа безтѣлеснаго, которое въ отношеніи своемъ къ внѣшнимъ предметамъ..... то есть, къ видимому.... или, лучше сказать, къ вещественному міру.... но, можетъ-быть, вы меня не понимаете?

– Помилуйте! вскричалъ преважно Черёмухинъ: какъ не понять! Это ясно.

– Смѣйся, смѣйся! перервалъ исправникъ. «О, человѣкъ совершенно земной! ты понимаешь и вѣришь только тому, что дважды два, четыре.»

– А тебѣ бы хотѣлось, чтобъ дважды два было пять?

– Да что съ тобой говорить! продолжалъ исправникъ. Разскажите-ка намъ лучше, Иванъ Алексѣевичъ, эту страшную исторію, отъ которой, какъ вы сами говорите, и васъ иногда морозомъ по кожѣ подираетъ.

– Да ужъ не поздно ли, господа? сказалъ хозяинъ.

– Ахъ, сдѣлайте милость! вскричалъ я: мнѣ завтра поутру должно съ вами проститься; такъ я, можетъ-быть, никогда ея не услышу.

— Ну, такъ и быть! продолжалъ Иванъ Алексѣевичъ: только если вы станете зѣвать, такъ прошу припомнить, что теперь ужъ за полночь, и что, благодаря Бога, мы всѣ, кажется, безсонницей не страдаемъ. Ну, слушайте, господа!

Давнымъ-давно, то есть, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.... иль нѣтъ! — при батюшкѣ его, Государѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ — это Хоперское помѣстье принадлежало Стольнику Варнавѣ Глинскому, пращуру отца покойной Софьи Павловны, по смерти которыхъ, я купилъ его, — говорятъ дорого, а по мнѣ такъ за даромъ, примолвилъ Иванъ Алексѣевичъ, взглянувъ на окно, изъ котораго днемъ видны были церковь и приходское кладбище. Этотъ Глинской, продолжалъ онъ, славился въ свое время, не хлѣбосольствомъ и разумомъ, не удальствомъ и молодечествомъ, которыя въ крови у всякаго Русскаго, но буйствомъ, развратомъ, грабежемъ и дневными разбоями; а что всего хуже, онъ былъ отъявленный чернокнижникъ, и жилъ въ ладу съ самимъ сатаною. Десять лѣтъ сряду сидѣлъ онъ на Хопрѣ, какъ дикій звѣрь на перепутьѣ. Когда онъ выѣзжалъ съ своею челядью и холопями позабавиться охотою, или спускался внизъ по рѣкѣ на косной лодкѣ съ бѣлымъ парусомъ, то всѣ сосѣдніе мужички и бѣдные помѣщики дрожкой дрожали, и, словно отъ Татарскаго погрома, прятались по лѣсамъ и угоняли скотъ верстъ за двадцать. Ну, что ты на меня такъ посматриваешь, Алексѣй Дмитріевичъ? Чай думаешь про себя: Вотъ какую околесную несетъ! а наша братья, исправники-то на что? — а земская полиція?.... Эхъ, любезный! тогда было не то, что теперь: времена смутныя, — то Поляки приступятъ къ Москвѣ, то Лисовской съ своими налетами начнетъ

разгуливать по матушкѣ святой Руси; и Ляхи, и Татары, и ереси всякія, и бунты Стрѣлецкіе..... Да что и говорить! было времячко для разбойниковъ: погуляли, потѣшились, и кто Бога не боялся, на того и суда не было. Такъ дивиться нечему, что этотъ богоотступникъ, Глинской, дѣлалъ что хотѣлъ, грабилъ на большихъ дорогахъ, вѣшалъ, и топилъ въ Хопрѣ земскихъ ярыжекъ, сбиралъ оброкъ съ своихъ сосѣдей, и держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ Сердобскаго воеводу, который не смѣлъ и носу показать изъ города. На мѣсто старыхъ деревянныхъ хоромъ, онъ выстроилъ эти каменныя палаты, обнесъ ихъ толстымъ дубовымъ тыномъ, наставилъ бѣлыхъ избъ и клѣтей для своей дворни, — словомъ, сдѣлалъ изъ господской усадьбы такой красивый посадъ, что и самъ бы городъ Сердобскъ ему въ пригородье не годился. Но за то бо́льшая половина его крестьянъ жила въ землянкахъ, приходская церковь совсѣмъ обвалилась, а колокольня въ сильный вѣтеръ, словно ветхая голубятня, скрипѣла и покачивалась изъ стороны въ сторону.

У этого Глинскаго была одна только дочь: бѣдняжка осталась еще въ ребячествѣ сиротою. Глинской возненавидѣлъ свою жену за то, что она родила ему дочь, а не сына: осыпалъ ее безпрестанно ругательствами, и, подъ пьяную руку, бивалъ чѣмъ ни попало. А такъ какъ онъ и въ Страстную Пятницу разрѣшалъ на вино и елей, то не проходило почти дня, чтобъ его женѣ не доставалось, и она, горемычная, мѣсяцевъ черезъ шесть, послѣ первыхъ родовъ, зачахла, и умерла отъ побоевъ своего мужа. Съ тѣхъ поръ прошло годовъ пятнадцать. Бѣдная сиротинка росла да росла; и хоть ей житье было плохое, и за ней почти ни какого ухода не было, но она, какъ полевой цвѣтокъ, который бережетъ и лелѣетъ одинъ Богъ небесный, такъ выровнялась и похорошѣла, что даже

батюшка ея, какой ни былъ звѣрь, а не могъ подчасъ на нее не полюбоваться.

Нѣсколько разъ пытались окружные дворяне и Сердобскій воевода поунять разбой Глинскаго; но онъ всякій разъ давалъ такой отпоръ, что надолго отбивалъ у нихъ охоту съ нимъ схватываться. Вотъ, однажды, удалось имъ собрать человѣкъ до пяти сотъ Стрѣльцовъ и вооруженныхъ холопей; они думали, съ такой силою имъ не трудно будетъ не только захватить живьемъ Глинскаго и всю его шайку, но даже и каменныя его палаты разметать по кирпичику: анъ, вышло со всѣмъ не то. Глинской встрѣтилъ ихъ на большой дорогѣ, съ своими молодцами, которыхъ и полсотни не было, а земскому войску показалось, что на него идетъ несмѣтная рать. Холопи дрогнули и пустились наутекъ; Стрѣльцы сначала поддержались, да какъ увидѣли, что отъ Глинскаго пули отскакиваютъ и бердыши объ него ломаются, такъ на нихъ нашелъ такой страхъ, что и они также ударились бѣжать безъ оглядки. Глинской съ своей шайкою гналъ ихъ вплоть до городской заставы; втопталъ въ грязь и перерѣзалъ больше половины, а самъ воротился въ свой разбойничій вертепъ, не потерявъ ни одного человѣка. Послѣ такой острастки, не только всѣ окружные дворяне, да и Сердобскій воевода носъ повѣсилъ. Дѣлать было нечего, пришлось на время покориться, и, сидя у моря, ждать погоды. Въ Москвѣ было не до нихъ: къ ней подступали Поляки, а гнѣва Царскаго и опальныхъ грамотъ Глинской не боялся. Одно только наводило на него страхъ и ужасъ: этотъ разбойникъ, котораго ничѣмъ испугать было не можно, этотъ злодѣй и чернокнижникъ, Глинской, трусилъ, — какъ вы думаете, чего?.... Смѣшно сказать!.... Онъ до смерти боялся коршуновъ. Съ утра до вечера, вокругъ дома и села ходили съ заряженными ружьями, и тотъ, кому бывало посчастливится за-

стрѣлить коршуна, несъ его прямо къ дворецкому, и получалъ отъ него два алтына денегъ, и штофъ романеи....

– Романеи? перервалъ Заруцкой. Извините, дядюшка: я не думаю, чтобъ въ старину простые люди пили штофами бургонское вино.

– Да кто тебѣ говоритъ о бургонскомъ винѣ? У нашихъ стариковъ важивалась, да и теперь еще водится, настойка, которую зовутъ романеею.

– Однако жъ извѣстное бургонское вино....

– Зовутъ точно также?.... Такъ что жъ? – Вотъ то-то, племянникъ: если бъ ты поменьше зналъ Французскихъ, а побольше Русскихъ словъ, такъ не попадался бы въ просакъ какъ безграмотный, и не мѣшалъ бы мнѣ разсказывать.....

– Виноватъ, дядюшка! Но я читалъ въ одной критикѣ.....

– Эхъ, братецъ, охота тебѣ читать всякой вздоръ!.... Постойте-ка! на чѣмъ-бишь я остановился?..... Да! на томъ, что Глинской боялся до смерти коршуновъ. Причина этого непонятнаго страха долго была для всѣхъ загадкою; но такъ какъ подъ конецъ все на свѣтѣ открывается, такъ вотъ что дошло до насъ объ этомъ, по изустному преданію. Глинской былъ точно чернокнижникъ, и помыкалъ сатаною, какъ своимъ крѣпостнымъ холопомъ. Да вѣдь лукавый даромъ ничего не дѣлаетъ: онъ пошелъ къ Глинскому въ кабалу, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ также далъ ему на свою душу рукописаніе, въ которомъ было сказано, что на этомъ свѣтѣ демонъ повинуется ему во всемъ, охраняетъ его отъ огня, воды, меча и всякаго другаго оружія, и не имѣетъ самъ надъ нимъ ни какой власти, до тѣхъ поръ, пока «черный коршунъ не пріютится подъ его кровлею и не совьетъ гнѣзда,

чтобъ жить вмѣстѣ съ бѣлой горлинкой». Теперь и вамъ не трудно будетъ догадаться, почему Глинской коршуновъ не жаловалъ, и отъ чего блѣднѣлъ и дрожалъ всякой разъ, когда эта хищная птица появлялась надъ кровлею его дома.

Изо всѣхъ своихъ челядинцевъ, Глинской особенно любилъ одного молодаго парня, который прозывался Соколомъ, и подлинно онъ былъ дѣтина удалой и годился бы въ есаулы знаменитому Стенькѣ Разину. И его обычай, и черный съ лоскомъ усъ, и окладистая борода, и ростъ и сила богатырскіе, – все въ немъ было по сердцу Глинскому. Никто не зналъ, откуда онъ былъ родомъ. Однажды, въ бурную осеннюю ночь, пріѣхалъ этотъ Соколъ, одинъ одинехонекъ, на борзомъ Персидскомъ конѣ, вошелъ безъ доклада къ Глинскому, и объявилъ ему, что его зовутъ Андреемъ, по прозванью Соколомъ; что онъ изъ Московскихъ жильцовъ; что ему наскучило служить Царю Государю и кланяться впоясъ Думнымъ Боярамъ, и что, узнавъ о привольномъ житьѣ Глинскаго, онъ пріѣхалъ къ нему нарочно за тѣмъ, чтобъ предложить свои услуги. Глинской принялъ его въ число своихъ приближенныхъ челядинцевъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ до того къ нему привыкъ, что рѣшился выдать за него свою единородную дочь.

Вотъ этакъ, недѣли за три до свадьбы, на отъѣзжемъ полѣ, загорѣлось вдругъ Глинскому повидаться съ старинымъ своимъ пріятелемъ, Засурскимъ помѣщикомъ, Сицкимъ, такимъ же, какъ и онъ, буяномъ и разбойникомъ. Этотъ Сицкой лѣтъ десять сряду шатался по бѣлу-свѣту, приставалъ ко всѣмъ крамольникамъ; былъ года два Лисовчикомъ, и только-что мѣсяца три какъ воротился въ свою наслѣдственную отчину. Глинской не любилъ ничего вдаль откладывать: онъ послалъ сказать Андрею Соколу, который

на охоту не выѣхалъ, что препоручаетъ ему на время свой домъ, и не сказавъ никому, куда ѣдетъ, отправился прямо съ поля, въ провожаніи двухъ или трехъ слугъ, въ Засурскую волость своего пріятеля. Это неожиданное посѣщеніе очень обрадовало Сицкаго; пошла гульба и пированье; господа съ утра до вечера пили, ѣли, прохлаждались; пѣсельники орали во все горло, крестьянки и дворовыя дѣвки играли въ хороводы передъ окнами, и во весь тотъ день на барскомъ дворѣ былъ такой содомъ и гоморъ, что когда ударили въ колоколъ къ вечернѣ, никому въ голову не пришло и лба перекрестить. За ужиномъ, Сицкой сталъ похваляться своимъ удальствомъ, и разсказывалъ, какъ онъ остановилъ на большой дорогѣ цѣлый обозъ и выпрягъ для себя изъ возовъ что не лучшихъ шесть коней; какъ онъ среди бѣла-дня сдѣлалъ порубку въ заповѣданномъ лѣсу у сосѣда, и во все лѣто кормилъ свои табуны подножнымъ кормомъ на чужихъ поляхъ.

— Ну, есть чѣмъ похвастаться! сказалъ Глинской, подбоченясь. Ахъ ты, горе богатырь! видно у васъ, по Сурѣ-та, всѣ молодцы перевелись. Удалось тебѣ выпрячь шесть клячъ изъ возовъ, нарубить дровецъ въ чужомъ лѣсу, да пощипать у сосѣда травки, такъ ты и лба не уставишь: и это, по вашему, удальство? Охъ, вы щепетильники, щепетильники!..... Нѣтъ, любезный! Мы, на Хопрѣ, не такъ потѣшаемся: выѣдемъ погулять, да какъ разыграется кровь молодецкая и расходятся руки богатырскія, такъ послѣ насъ шаромъ покати, — чистехонько, какъ у тебя на ладони! Бери все, что ни попалось; души всякаго, кто ни повстрѣчался! Мы, вѣдь, не по вашему: на большой дорогѣ съ кодьячимъ тягаться не станемъ, съ купцомъ не торгуемся, — а коли захватили цѣлую семью горожанъ, такъ мигомъ судъ и расправа: старуху мать въ Хоперъ, братца кистенемъ по лбу, отца на осину, а дочку на барской дворъ: вотъ это удальство!..... Да

постой-ка, любезный: у меня будетъ, въ Ѳоминъ день, ровно черезъ двѣ недѣли, большое веселье, — пиръ на весь міръ, — дочь выдаю замужъ. Милости просимъ на свадьбу, въ посаженые отцы къ моей Варварѣ, — а тамъ выѣдемъ поохотиться на большую дорогу, и ты посмотришь самъ и разскажешь своимъ Засурскимъ пріятелямъ, какъ на Хопрѣ веселятся добрые молодцы. Хозяинъ обѣщался пріѣхать, а Глинской погостивъ у него денька три, отправился въ обратный путь, и доѣхалъ благополучно домой.

Вотъ ужъ остался одинъ день до свадьбы; вотъ и дѣвичникъ справили. Беззащитная дочь Глинскаго заливалась горькими слезами: она была дѣвица кроткая, благочестивая, и не могла подумать безъ ужаса, что будетъ женою этого разбойника, Сокола. Три ночи ужъ сряду бѣдная сиротинка рыдала и молилась передъ святыми Иконами: днемъ, она не смѣла ни плакать, ни молиться, — злодѣй Глинской грозился убить ее изъ своихъ рукъ, если она станетъ грустить, или хоть поморщится, когда священникъ поведетъ ее вокругъ налоя. Вотъ наступилъ и Ѳоминъ день; отпѣли заутреню, ударили къ часамъ, — а Сицкой все не ѣдетъ. Вотъ и обѣдня отошла, — а посаженаго отца нѣтъ, какъ нѣтъ. Я вамъ ужъ сказывалъ, что Глинской не любилъ ничего откладывать, и, когда заблаговѣстили къ вечернѣ, онъ закричалъ какъ бѣшеной: «Не хочу дожидаться посаженаго отца! Ступайте подъ вѣнецъ!» И вотъ длинный поѣздъ протянулся отъ барскаго двора до церковной паперти. Вечерня кончилась, и началась вѣнчальная служба. Стоя передъ налоемъ, подлѣ будущаго супруга и повелителя, полумертвая сирота глотала свои слезы, старалась улыбаться, и тихо, но твердымъ голосомъ, отвѣчала на вопросы священника; словомъ, все было въ порядкѣ, а не смотря на это, старики покачивали головами. «Эхъ не ладно! — не къ добру!» шептали межъ собою

всѣ барскія барыни и сѣнныя дѣвушки. И подлинно, было чего испугаться: свѣча, которую держала молодая, пылала яснымъ и чистымъ огнемъ; но та, съ которою стоялъ Соколъ, горѣла тускло, дымилась какъ погребальный свѣточъ, и, безъ всякой причины, три раза сряду гаснула.

– Когда вѣнчанье кончилось, Глинской, какъ сущій богоотступникъ, не давъ молодымъ приложиться къ мѣстнымъ иконамъ, повелъ ихъ вонъ изъ церкви, и поѣздъ двинулся обратно на барскій дворъ.

– Что это шумитъ тамъ вдали? спросилъ Глинской, садясь на коня. Ужъ не ѣдетъ ли нашъ запоздалый гость?

– Никакъ нѣтъ, бояринъ! отвѣчалъ одинъ изъ слугъ. Намъ гостей надо ждать не съ этой стороны. Вѣдь это что-то гудитъ тамъ, за волчьимъ оврагомъ.

Вы, господа, всѣ знаете этотъ оврагъ, продолжалъ Иванъ Алексѣевичъ, обращаясь къ своимъ собесѣдникамъ, – теперь зовутъ его Чортовымъ Беремищемъ. Онъ былъ въ старину сборнымъ мѣстомъ шайки Глинскаго, и кладбищемъ всѣхъ проѣзжихъ, зарѣзанныхъ разбойниками на большой дорогѣ.

– Это верстахъ въ двухъ отъ вашего дома? сказалъ я.

– Нѣтъ, версты полторы, больше не будетъ, отвѣчалъ хозяинъ. Ну, вотъ, продолжалъ онъ, молодые усѣлись за свадебный столъ; пошло пированье, заздравный кубокъ началъ переходить изъ рукъ въ руки, всѣ стали пить и веселиться; одинъ только Глинской сидѣлъ, нахмуривъ брови, и прислушивался съ безпокойствомъ къ отдаленному гулу, который часъ отъ часу становился сильнѣе. Вотъ ужъ дѣло пошло за полночь. Вдругъ двери настежь отворились и давно жданный гость, Бояринъ Сицкой вошелъ въ столовую.

– Хорошъ посаженый отецъ! вскричалъ хозяинъ,

вскочивъ изо стола и идя къ нему на встрѣчу. Ужъ мы тебя ждали, ждали, да и ждать-то перестали.

– Виноватъ, любезный! отвѣчалъ Сицкой. Позамѣшкался выѣхать изъ дому; да вотъ у твоей околицы близко часу провозились. Что за диковинка такая?... И подо мной, и подъ моими холопями, кони словно бѣлены объѣлись: храпятъ да упираются! Ужъ мы бились, бились: ну, хоть зарѣжь – ни съмѣста! Я оставилъ моихъ ребятъ въ полѣ, а самъ дошелъ пѣшкомъ до твоего дома. Да что? иль къ тебѣ еще гости ѣдутъ?... Вонъ тамъ правѣе за лѣсомъ, такой шумъ, гамъ и свистъ, что и сказать нельзя. Ну, вотъ, слышишь?

– Слышу, отвѣчалъ Глинской, посматривая робко вокругъ себя: но только я ни какихъ гостей не жду...

– Постойте-ка, дядюшка! перервалъ Заруцкій: никакъ вашъ разсказъ на дѣлѣ свершается? Слышите ли, какой гулъ идетъ за дубовой рощею!

– Видно вѣтерокъ розыгрался, сказалъ Иванъ Алексѣевичъ, взглянувъ на окно. Вѣдь здѣсь какъ подымется погода, такъ по оврагамъ и перелѣскамъ пойдетъ такой вой, что и Боже упаси!... Да не перерывай меня, племянникъ!.... Ну, вотъ, опять сбилъ!... Да! – Но что жъ мы стоимъ у дверей? продолжалъ Сицкій. Подведи меня къ молодымъ.

– Вотъ они! Прошу любить и жаловать, сказалъ хозяинъ, подходя съ своимъ гостемъ къ столу, за которымъ сидѣли новобрачные.

– Ба, ба, ба! вскричалъ Сицкій, отступя съ удивленіемъ назадъ: что это?.. Ужъ не мерещится ли мнѣ?.. Нѣтъ!... Такъ вотъ твой зять! примолвилъ онъ, указывая на Сокола, который вдругъ поблѣднѣлъ какъ мертвецъ.

– Ну, да!... Чему жъ ты дивишься?

– И ты выдалъ за него свою дочь?

– Такъ что жъ? Онъ дворянскаго отродья; служилъ Жильцомъ въ Москвѣ, и хоть роду не знаменитаго....

– Да, братецъ, да! Онъ точно роду не знаменитаго, подхватилъ съ громкимъ хохотомъ Сицкій. Его мать была Цыганка, а отецъ Татаринъ.

– Ты лжешь! закричалъ Глинскій.

– Да если я лгу, такъ что жъ твой дорогой зять не вымолвитъ ни словечка? Иль у него языкъ отнялся?

Въ самомъ дѣлѣ Соколъ сидѣлъ какъ приговоренный къ смерти, и не только, не могъ выговорить ни слова, но не смѣлъ поднять глазъ и взглянуть на своего тестя.

– Не вѣдаю, служилъ ли онъ Жильцомъ въ Москвѣ, продолжалъ насмѣшливо Сицкій: а знаю навѣрное, что во всей лагерной челяди Пановъ Лисовскаго и Сапѣги не было ни одного коновала досужѣе, и конокрада удалѣе твоего любезнаго зятюшки.

Около минуты просмотрѣлъ Глинскій, молча, на своего зятя: вдругъ глаза его засверкали, и онъ сказалъ грознымъ голосомъ: Все равно! Теперь онъ зять мой; и если кто нибудь дерзнетъ порочить Андрея Сокола....

– Да развѣ его зовутъ Соколомъ? спросилъ Сицкій.

– А почему жъ не такъ? Онъ молодецъ изъ молодцовъ, и подѣломъ прозывается яснымъ Соколомъ.

О если такъ, то прошу прощенья! подхватилъ Сицкій. Коли онъ заѣлся въ чины, такъ видно въ самомъ дѣлѣ былъ на службѣ Царской. Шутка ли, подумаешь! – изъ коршуновъ махнулъ прямо въ Соколы.

– Изъ коршуновъ? вскричалъ Глинскій.

– Ну да! Его теперь прозываютъ Соколомъ, а въ наше время онъ звался просто Чернымъ Коршуномъ.

—Чернымъ Коршуномъ! повторилъ страшнымъ голосомъ хозяинъ.

Взоры всѣхъ присутствующихъ невольно устремились на Глинскаго: всѣ съ трепетомъ ожидали чего-то ужаснаго. Вдругъ завылъ буйный вѣтеръ, погасли свѣчи передъ Святыми Иконами, а надъ трубою дома закаркалъ воронъ, и прокричалъ человѣческимъ голосомъ: «Глинскій! Черный Коршунъ пріютился подъ твоею кровлею!» — «И свилъ гнѣздо, чтобъ жить вмѣстѣ съ бѣлой горлинкой,» промяукалъ махнатый котъ, выглядывая изъ-за печки. — Стукъ, стукъ! раздалось подъ окномъ, и отвратительный сиповатый голосъ прохрипѣлъ: Глинскій! выходи на крыльцо, принимай гостей!»

Вдругъ сверкнулъ въ рукѣ Глинскаго широкой ножъ, и Соколъ повалился мертвый на землю. Какъ безумный, бросился убійца вонъ изъ столовой, и прибѣжалъ въ эту самую комнату, гдѣ мы теперь сидимъ, въ которую, кромѣ его, никто не хаживалъ. Онъ схватилъ большую книгу въ черномъ переплетѣ, хотѣлъ ее раскрыть, — да не тутъ-то было? Желѣзныя застежки какъ-будто-бы спаялись, книга не развертывалась, а за лежанкою и по всѣмъ угламъ поднялся такой нелѣпый хохотъ, что чародѣйная книга выпала изъ онѣмѣвшихъ рукъ его. Межъ-тѣмъ все небо вспыхнуло и зардѣлось какъ отъ сильнаго пожара, и тутъ-то начался этотъ ночной поѣздъ, который, по словамъ стариковъ, каждыя двадцать пять лѣтъ въ тотъ же самый день и часъ повторяется и понынѣ въ этомъ домѣ. По дорогѣ отъ волчьяго оврага показались незваные гости; вокругъ ихъ ревѣла буря, и, отъ конскаго топота, широкое поле тряслось какъ зыбкое болото. Впереди всѣхъ ѣхалъ, на лошадиномъ оставѣ, удавленный наканунѣ свадьбы купецъ въ бѣломъ саванѣ; за нимъ тянулся длинный рядъ мертвецовъ, —

кто съ перерѣзаннымъ горломъ, кто съ размозженной головою, — и, при свѣтѣ кроваваго зарева, не видно было и конца сему ужасному поѣзду. Они подъѣхали къ барскому двору; съ громкимъ скрипомъ распахнулись вороты....

=

Иванъ Алексѣевичъ замолчалъ.

— Ну что жъ вы, дядюшка, остановились? спросилъ Заруцкій.

— Постой-ка, братъ, Алексѣй! шепнулъ хозяинъ: что это такое?... Слышите?

— Да! сказалъ Кольчугинъ, это ужъ не вѣтеръ воетъ.

Мы всѣ стали прислушиваться: въ самомъ дѣлѣ что-то похожее на свистъ, пѣсни и громкій человѣческій говоръ, сливалось съ воемъ вѣтра. По-временамъ можно было даже различить стукъ колесъ по неровной дорогѣ и сильный конскій топотъ.

— Кому бы, кажется, ѣхать такъ поздно? примолвилъ почти съ робостію хозяинъ. Большая дорога отсюда далеко, а къ себѣ я никого не жду. Ужъ не подгулялъ ли мой прикащикъ? Чего добраго, пожалуй, вздумаетъ прокатить гостей по селу: вѣдь онъ сегодня справляетъ свои имянины.

— А какъ его зовутъ? спросилъ я.

— Его зовутъ Ѳомою.

— Ѳомою! повторили мы всѣ въ одинъ голосъ и взглянувъ невольно другъ на друга.

— И такъ сегодня Ѳоминъ день? сказалъ я: тотъ самый, въ который....

— Чу!.... вскричалъ исправникъ. Слышите ль?... Отпираютъ ворота!

Вдругъ, какъ-будто-бы цѣлая ватага пьяныхъ, съ неистовымъ крикомъ хлынула на барскій дворъ; какъ бѣшеные, подскакали къ подъѣзду, и шумъ отъ скорыхъ шаговъ по-видимому многолюдной и буйной толпы людей, раздался на крыльцѣ. У насъ въ комнатѣ было тихо, какъ на кладбищѣ: мы всѣ едва смѣли дышать; одинъ Кольчугинъ казался спокойнѣе другихъ, но за то на хозяинѣ и на остальныхъ гостяхъ лица не было.

– Господи, Боже мой! прошепталъ, заикаясь, Черёмухинъ. Да что жъ это такое?.... Слышите ли? они въ сѣняхъ!..... Если это гости, такъ зачѣмъ они нейдутъ налѣво, въ переднюю?..... Они подходятъ къ нашей стѣнѣ..... Чу!..... что это?

Вотъ съ трескомъ и громомъ начали падать кирпичи, и отбитая щекотурка посыпалась на каменный полъ сѣней.

– Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!..... вскричалъ хозяинъ. Слышите ль? Они проламываютъ закладеныя двери!..... Они хотятъ ворваться въ эту комнату!..... Такъ точно!..... Господа, это ночный пòѣздъ!

Мы всѣ повскакали съ нашихъ мѣстъ. Стукъ безпрестанно увеличивался. Вотъ, ужъ въ стѣнѣ остается одинъ только рядъ кирпичей. Мы ясно слышимъ какой-то странный говоръ, крикъ, дикій хохотъ. Вотъ, падаютъ послѣдніе кирпичи. Одинъ только коверъ, которымъ прикрыты были закладеныя двери, отдѣляетъ насъ еще отъ сѣней. Вдругъ, свѣжій холодный воздухъ врывается въ нашъ теплый покой, коверъ начинаетъ колебаться, – и мы всѣ бросаемся стремглавъ вонъ изъ комнаты.

– Тише, господа, тише! закричалъ Кольчугинъ: вы перебьетесь до-смерти; здѣсь такъ темно, что зги не видать!

И подлинно, мы всѣ какъ полоумные бѣжали по коридору, спотыкались, падали и давили другъ друга. Вотъ, кой-какъ мы выбрались на просторъ, но все еще въ потёмкахъ. Парадныя комнаты не освѣщены; только въ одной столовой свѣтится огонекъ: мы бросились туда. Всѣ люди Ивана Алексѣевича, робко прижавшись одинъ къ другому, стоятъ въ кучѣ посреди комнаты; въ передней никого, а въ сѣняхъ ужасная возня, которая во все не утихаетъ, а становится часъ отъ часу сильнѣе.

— Да что жъ мы въ самомъ дѣлѣ такъ опѣшили? проговорилъ наконецъ Кольчугинъ. Насъ человѣкъ двадцать: чего намъ бояться? Я, одинъ одинехонекъ ужиналъ съ цѣлой дюжиной чертей, — да вѣдь ничего же со мной не было. Эхъ, господа, что робѣть, то хуже! Дайте-ка мнѣ свѣчу!.... Ну-ка ребятушки, перекреститесь! — да съ молитвою, за мной!

Мы всѣ толпою двинулись за нашимъ предводителемъ. Почти рядомъ съ нимъ шелъ хозяинъ, а позади всѣхъ, едва переставляя ноги, тащился насмѣшникъ Черёмухинъ. Вотъ мы вошли въ переднюю. Кольчугинъ пріостановился у сѣнныхъ дверей, оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ; мы всѣ, и слуги и господа кто про себя, кто вслухъ, творили молитвы, и хотя трепещущимъ голосомъ, но громче всѣхъ восклицалъ — «Да воскреснетъ Богъ!» нашъ полумертвый отъ страха аріергардъ. Кольчугинъ, держа въ одной рукѣ свѣчу, толкнулъ другою въ двери: онѣ распахнулись. Все наше воинство заколебалось, попятилось назадъ, и примкнуло къ аріергарду, который сдѣлалъ уже на лѣвокругомъ и приготовился къ ретирадѣ.

— Смѣлымъ Богъ владѣетъ! закричалъ Кольчугинъ, переступая черезъ порогъ.

И что жъ?..... О чудо!..... вдругъ всё замолкло, и стукотня, и шумъ, и крикъ. За Кольчугинымъ вошелъ хозяинъ; за нимъ исправникъ, я и Зуруцкой; за нами вся толпа слугъ, а часть аріергарда, то есть, Черёмухинъ, остался въ лакейской и высунулъ только изъ дверей свою голову. Нашъ храбрый предводитель поднялъ къ верху свѣчу: въ сѣняхъ никого! Мы кинулись къ закладенымъ дверямъ: ни одинъ кирпичь не выломанъ, щекотурка не обита; кругомъ все смирно, тихо; половая щетка, приставленная къ стѣнѣ, и нѣсколько изломанныхъ стульевъ стоятъ преспокойно на своихъ мѣстахъ; дверь на крыльцо заперта, и даже крючокъ не вынутъ изъ пробоя.....

=

На другой день рано поутру я простился, и, къ несчастью, навсегда, съ добрымъ и почтеннымъ Иваномъ Алексѣевичемъ. Я думалъ прожить нѣсколько дней въ Сердобскѣ, чтобъ заняться моимъ дѣломъ, но вмѣсто того долженъ былъ провести цѣлый мѣсяцъ въ деревнѣ Заруцкаго. Бѣдный мой пріятель едва не умеръ отъ отчаянія: онъ оставилъ свою невѣсту совершенно здоровою, и нашелъ ее въ гробу. Она занемогла поутру въ субботу, а ночью на воскресенье, *ровно въ двѣнадцать часовъ* скончалась, назвавъ его въ послѣдній разъ по имени.

М. ЗАГОСКИНЪ.

W 17

Deacidified using the Bookkeeper process
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

Preservation Technologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS

WERT
BOOKBINDING
Crantville Pa.
Sept.—Oct 1987
We're Quality Bound

LIBRARY OF CONGRESS

00023289179